

Семеновъ, Дмитрійъ Дмитріевичъ

ОТЕЧЕСТВОВЪДЪНІЕ.

РОССІЯ

ПО

РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ

И

УЧЕНЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНИЯМЪ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

СОСТАВИЛЪ

Д. СЕМЕНОВЪ.

ТОМЪ III.

КАВКАЗЪ И УРАЛЬ.

(Изданіе второе О. К. Семеновой).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Ост., 9 л., № 12.)

1871.

IV. КАВКАЗЪ.

1. Историческій очеркъ.

Кавказъ не только для насъ, русскихъ, но и для другихъ, болѣе отдаленныхъ народовъ, даже древнихъ, всегда былъ заколдованною страной, куда влекла ихъ какая-то магическая сила. Кавказъ — обѣтованная страна для рыцарскихъ стремленій, страна, полная историческихъ преданій и поэзи, полная цвѣтущей жизни и величія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пепелищъ, руинъ, гробницъ. Развалины храмовъ, мраморные обломки статуй, колоннъ и другіе остатки роскошнаго зодчества, находимые во многихъ мѣстностяхъ Кавказа, свидѣтельствуютъ, что здѣсь когда-то были распространены образованіе и утонченность нравовъ жителей. Имя Кавказа связано съ мифологіею древнихъ грековъ сказаніемъ о Прометееѣ, прикованномъ къ скалѣ горы Эльбрусь. Самая древняя исторія грековъ рассказываетъ о такъ называемомъ походѣ *аргонавтовъ* въ Колхиду и Лазику (нынѣшняя Мингрелія и Гурія, по р. Ріону), для похищенія золотого руна. Очевидно, что богатство этой страны и открытія нами въ 1864 г. золотonosныя россыпи были извѣстны и древнимъ грекамъ, которые здѣсь завели колоніи, прославившіяся своею торговлею; колонія ихъ Діоскуриасъ, какъ сказываютъ, была сборнымъ мѣстомъ для трехъ сотъ различныхъ націй. Здѣсь же, по берегамъ Чернаго моря, изъ этихъ колоній образовалось знаменитое Понтійское царство, которое, въ свою очередь, подпало подъ власть

III.

римлянъ, не смотря на упорную защиту славнаго Понтійскаго царя Митридата. Здѣсь по рр. Курѣ и Ріону лежалъ торговый путь изъ Европы въ Азію, обогатившій въ средніе вѣка генуэзцевъ и венеціанцевъ. Торгъ здѣсь производился не только товарами, богатыми естественными произведеніями, но и рабами: много перевезено съ Кавказа плѣнительныхъ красавицъ въ гаремы турецкихъ султановъ и пашей и другихъ мусульманскихъ властелиновъ. Эти красавицы оказали значительное вліяніе на улучшение татарской и монгольской расы.

Въ средніе вѣка Кавказъ служилъ мостомъ, по которому проходили разныя полчища изъ Азіи въ Европу, таковы: готфы, аланы, хазары, гунны, авары, монголы, аравитяне, татары. Военственный духъ, необыкновенная стойкость туземцевъ, съ одной стороны, и дикая, неприступная мѣстность горной природы, чаща непроходимыхъ дебрей и громадныя скалы—съ другой стороны, служили преградой, о которую, какъ о каменную стѣну, разбивались волны незваныхъ полчищъ, оставляя лишь неглубокіе слѣды своего насилія. Только аравитяне, одушевленные пламеннымъ фанатизмомъ ученія Магомета, послѣ кровавыхъ и упорныхъ войнъ, успѣли наложить на кавказскія племена печать своего владычества болѣе прочно. Судя же по сходству языка болѣе части кавказскихъ племенъ съ языками персидскимъ, татарскимъ и турецкимъ, надо полагать, что татары, персы и турки играли также немаловажную роль въ судьбѣ кавказскихъ горцевъ, и что племенное смѣшеніе между тѣми и другими было весьма значительно. Но окончательное вліяніе на судьбу Кавказа суждено имѣть болѣе сильному и могущественному сосѣду—Россіи.

Такимъ образомъ, туземныя кавказскія племена то смѣшивались съ пришельцами, то, дорожа болѣе всего своею свободою и независимостью, скрывались въ горныхъ ущеліяхъ и въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ и сохранили свою первобытную національность въ болѣе, или меньшей чистотѣ. Изъ смѣшенія нѣсколькихъ племенъ образовались новыя разновидности, которыя, въ свою очередь, подвергались новымъ измѣненіямъ, то удаляясь въ горы,

то подчиняясь вліянію сильныхъ народовъ. Вотъ откуда произошло такое необыкновенное множество племенъ и нарѣчій, которыя мы нынче находимъ на Кавказѣ. Не даромъ Кавказъ называютъ «жерломъ народовъ» и «скопищемъ племенъ».

Изъ коренныхъ обитателей Кавказа пользуются историческою извѣстностью собственно только грузины и армяне, какъ народы, имѣющіе свою письменность и достигшіе значительнаго гражданскаго развитія еще до владычества Россіи. Исторія же другихъ, такъ называемыхъ горскихъ племенъ, еще далеко не разработана. Хотя о нихъ много писали и древніе и новѣйшіе историки и этнографы, но всё, сообщаемыя ими свѣдѣнія, или отрывочны и неточны, или просто сомнительны и сбивчивы.

Огромное Армянское царство занимало въ древнія времена значительную часть Кавказа. Хотя Армения находилась въ зависимости сначала отъ Ассирійянъ, а потомъ отъ Александра Македонскаго, но уже въ 428 г. до Р. Х. сдѣлалась сильнымъ государствомъ, границы котораго, опираясь на оба моря, Каспійское и Черное, простирались съ одной стороны до Тигра и Евфрата, а съ другой до р. Куры. Впрочемъ, существованіе Арменіи, какъ самостоятельнаго царства, было непродолжительно и прерывалось по временамъ то иностраннымъ владычествомъ, то внутренними раздорами: она часто подпадала подъ власть то аравитянъ, то монголовъ и татаръ, то, наконецъ, турковъ и персовъ, которые постоянно разоряли эту страну. Съ конца XI в. армяне массами стали переселяться въ разныя страны. Они основали многочисленныя колоніи въ Астрахани, Крыму, Молдавіи, Польшѣ и въ другихъ мѣстахъ, но на Кавказѣ ихъ несравненно больше, чѣмъ въ остальной Россіи.

Въ началѣ XVIII ст. кавказскіе армяне, находившіеся подъ властію Персіи, пользуясь внутренними раздорами въ этой странѣ и полагаясь на свою значительную численность (ихъ было до 200,000, а татаръ и персовъ почти на половину меньше), а также на помощь со стороны Россіи, дѣлали было попытки къ возстановленію своей независимости. Но тщетны были ихъ усилія: не обладая достаточными матеріальными средствами и не получая

извнѣ поддержки, послѣ семилѣтней борьбы должны были смириться. Страна была опустошена въ конецъ.

Принявъ христіанство въ IV в., армяне, не смотря ни на какія гоненія, и по настоящее время слѣдуютъ ученію своей національной церкви и упорно держатся ея обрядовъ. Нѣкоторые изъ нихъ (отъ 3 до 4 т.) исповѣдуютъ католическую вѣру. Хотя армяне имѣютъ свою письменность и литературу, но народный ихъ языкъ постоянно бѣднѣетъ и искажается примѣсью словъ, заимствованныхъ у персовъ, турковъ, грузинъ, русскихъ и др. народовъ, съ которыми они имѣютъ постоянныя сношенія. Сами себя армяне называютъ *Гам*, а страну свою *Гайастанъ*, вѣроятно по имени перваго своего царя Гайка. Армянъ, вообще, никто не любитъ, потому что они отличаются особенною скрытностію и корыстолюбіемъ; ихъ двуличность и пронырливость вошли въ поговорку. Порча нравовъ армянъ—неизбѣжное слѣдствіе ихъ рабскаго политическаго состоянія въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій подъ гнетомъ деспотизма восточныхъ властелиновъ.

Въ сосѣдствѣ съ Арменіею, на сѣверѣ отъ Куры, обитали два другіе народа, *Албанцы* и *Иберійцы*. Они отдѣлялись другъ отъ друга р. Арагвою. Первые жили по лѣвую сторону, а вторые— по правую. О царствѣ Албанскомъ упоминаютъ многіе древніе писатели. Извѣстный греческій географъ Страбонъ, между прочимъ, говоритъ, что въ Албаніи обитало до 26 народовъ. Но, вообще, всѣ свѣдѣнія не только объ этихъ народахъ, но даже о самой границѣ сказаннаго царства, до того неточны и сбивчивы, что нѣкоторые писатели смѣшивали албанцевъ съ аланами, а самую Албанію помѣщали въ Дагестанъ, между тѣмъ какъ по новѣйшимъ, болѣе точнымъ изслѣдованіямъ, оказалось очевиднымъ, что то и другое совершенно невѣрно. Съ достовѣрностію можно сказать только то, что албанцы сперва находились подъ властію римлянъ, какъ это видно изъ біографіи римскаго полководца Помпея, а потомъ, также какъ и армяне, подчинились власти тартаръ, турковъ и персовъ. Гораздо болѣе достовѣрна исторія западныхъ сосѣдей албанцевъ—иберійцевъ, или нынѣшнихъ грузинъ (составляющихъ преобладающую массу населенія въ губ. Тифлис-

ской и Кутаисской). Грузины, по своему происхожденію, принадлежатъ къ кавказской расѣ и имѣютъ большее или меньшее сходство съ горцами. Они, также какъ и эти послѣдніе, воинственны, вспыльчивы и честолюбивы, и въ этомъ отношеніи весьма рѣзко отличаются отъ слишкомъ разсчетливыхъ армянь. Грузины говорятъ совершенно особымъ языкомъ, впрочемъ, не вездѣ одинаковымъ: языкъ этотъ дѣлится на слѣдующія нарѣчія: кахетинское, имеретинское, мингрельское, гурійское, и собственно грузинское или картлійское. Грузины извѣстны у разныхъ писателей подъ разными именами: то лазовъ, то мингрельцевъ, то кахетинцевъ, то георгіянъ, то карталинцевъ, и еще подъ другими именами, менѣе употребительными *).

Историческую извѣстность, какъ самостоятельное государство, Грузія пріобрѣтаетъ уже въ началѣ IV в. до Р. Х., когда въ царствованіе династіи Фарназавской была изобрѣтена азбука. Но на судьбу этой страны, не говоря уже о римлянахъ, татарахъ и другихъ древнихъ и средневѣковыхъ завоевателяхъ, сильное вліяніе имѣли турки и персы. Вообще, политическое существованіе Грузіи не имѣло прочныхъ основаній: внѣшніе враги и внутренніе раздоры постоянно разрывали по частямъ ломкія государственныя пружины. «Много есть поэзій, говоритъ *Пл. Юсселианъ*, въ кровавой исторіи Кавказа; грузинъ читаетъ ее со слезами. Она описываетъ вѣками исчисляемыя бѣдствія, дробленіе царствъ на царства, междоусобія между царями и князьями, возстанія племенъ на племена, родовъ на роды, замки феодаловъ, какъ прибѣжище грабежей, дворы вельможъ, какъ вертепы самовластнаго тиранства, передъ которымъ униженно преклоняли колѣна и народъ, и духовенство, и самое дворянство». Впрочемъ,

*) Впрочемъ, всѣ эти названія обусловливаются или временемъ, или мѣстомъ. Лазикою или Колхидою (нынѣшняя Гурія) называлась въ древности страна, прилежавшая къ Черному морю и Фазису (Ріону); названіе Грузіи или Георгіи возникло уже въ средніе вѣка. Кахетія, славящаяся своими виноградниками—собственно, сѣверо-восточная часть Грузіи (древняя Албанія), Мингрелія—западная, у Чернаго моря. Сами себя грузины называютъ *Картли*, считая себя потомками Картлоса, внука Ноя; отсюда произошло и названіе Карталиніи.

исторія Грузіи представляетъ и нѣсколько свѣтлыхъ сторонъ; объ нихъ по крайней мѣрѣ говоритъ, какъ о минувшей славѣ и величіи этой страны, ея довольно богатая литература. Въ ней упоминаются имена духовныхъ просвѣтителей (въ V и VI в.) и доблестныхъ царей, изъ которыхъ болѣе всего замѣчательны: *Вахтангъ Гургисланъ* (446—499), завоевавшій Мингрелію, Абхазію, побѣдившій печенѣговъ и завладѣвшій даже Эрзерумомъ; царица *Тамара* (1184—1212), побѣдившая армянъ, турковъ, персіанъ и распространившая свою власть надъ лезгинами, впрочемъ, только на краткое время. Но какова бы ни была слава царей, Грузія все-таки клонилась къ упадку: въ 1259 г. Имеретія отдѣляется отъ Карталиніи; затѣмъ, начиная съ XVI в., Россія пріобрѣтаетъ сильное вліяніе на дѣла Грузіи, и ея цари начинаютъ отдаваться въ подданство русскимъ царямъ. Хотя подданство это было непрочное, въ видѣ покровительства; хотя впослѣдствіи Карталинія и Кахетія соединились въ лицѣ одного владѣтеля, Георгія XIII, но это уже былъ послѣдній грузинскій царь, послѣ смерти котораго обѣ эти страны окончательно вошли въ составъ Россійской имперіи, въ 1801 г. Вскорѣ, и именно черезъ 10 лѣтъ, была присоединена къ Россіи и Имеретія.

Такимъ образомъ, Россія стала твердою ногою въ Закавказьѣ; но она не могла бы достигнуть этого, еслибы раньше не укрѣпилась въ сѣверномъ Кавказѣ. Судя по русскимъ лѣтописямъ еще при первыхъ князьяхъ Рюриковичахъ, Русь входила въ нѣкоторыя сношенія съ Кавказомъ, то дружественныя, то враждебныя. Владѣнія Мстислава Ярославича (Тмутараканское княжество) отдѣлялись отъ земли горцевъ только р. Кубанью. Изяславъ I былъ женатъ на княжнѣ Абазинской, а Георгій, сынъ Андрея Боголюбскаго—на грузинской царевнѣ Тamarѣ. Очень вѣроятно, что упоминаемые въ древней лѣтописи *Косоги* и *Яссы*, которыхъ облагали данью Святославъ, Мстиславъ и Ростиславъ (1016—1065), были нынѣшніе черкесы и осетинцы. Съ другой стороны, арабскіе писатели повѣствуютъ, что въ X в. русскіе князья производили набѣги на восточный Кавказъ и разорили нѣсколько городовъ по Каспійскому морю (въ Дагестанѣ).

Но каковы бы ни были отношенія древней Руси къ Кавказу послѣ этихъ кратковременныхъ успѣховъ, всякая связь между этими странами окончательно прервалась на долгое время, и даже о Тмутараканскомъ княжествѣ русскія лѣтописи, съ самаго начала XI в., не говорятъ уже ни слова. Сначала кочевья половцевъ по степямъ Дона, а потомъ владычество татаръ уничтожили всѣ плоды русскаго оружія на Кавказѣ.

Только въ половинѣ XVI в., при Іоаннѣ Грозномъ, Россія начинаетъ распространять свою власть на Кавказѣ болѣе или менѣе прочно. Послѣ завоеванія Астрахани, владѣнія Россіи стали расширяться все дальше и дальше на югъ: сперва на счетъ ногайцевъ, кочевавшихъ между Каспійскимъ моремъ, Дономъ и Волгою, а потомъ кабардинцевъ, обратившихся къ покровительству московскаго царя, чтобы избавиться отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, которые были въ то время еще сильны. Въ 1561 г. Іоаннъ сочетался бракомъ съ черкесскою княжною Марією Темрюковною; это еще болѣе сблизило Россію съ горами. Въ 1567 г. уже была основана первая крѣпость *Терки*, при устьѣ Терека *). Затѣмъ, въ 1587 г., оружіе было перенесено дальше на югъ, за Терекъ, къ берегамъ р. *Койсу*, гдѣ и заложено второе укрѣпленіе, не смотря на сопротивленіе шамхала Тарковскаго.

Послѣ Іоанна Грознаго русскія владѣнія расширялись постепенно все дальше и дальше, все ближе и ближе, шагъ за шагомъ, къ неприступному Кавказскому хребту. Горцы то подчинялись власти, болшею частью изъ страха, то опять возставали съ оружіемъ въ рукахъ; такимъ образомъ, мы постоянно то пріобрѣтали новые пункты, то теряли неожиданно пріобрѣтенное. Успѣху нашего оружія мѣшали разныя причины: съ одной стороны — весьма неудобная для военныхъ дѣйствій мѣстность и обманчивая надежда на видимую покорность горцевъ, а съ другой — наши вѣчные враги сосѣди персы и турки, съ которыми мы боролись иногда и почти бесполезно. Владѣнія персовъ — по Каспійскому морю (г. Дербентъ, Куба, Баку и др.), турковъ — по Чер-

*) Крѣпость эта впоследствии упразднена.

ному морю (Анапа, Сухумъ-Кале, Редуть-Кале, Поти и др.) переходили нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки; такъ напр. Дербентъ*), завоеванный еще Петромъ Великимъ, по крайней мѣрѣ шесть разъ находился въ рукахъ русскихъ и шесть разъ возвращался къ персамъ, пока, наконецъ, Россія не восторжествовала окончательно надъ своими врагами-соперниками и не заставила ихъ отказаться навсегда отъ всѣхъ своихъ кавказскихъ владѣній.

Независимо отъ затрудненій, неразрывно связанныхъ съ мѣстными условіями страны, успѣхи русскаго оружія замедляли необыкновенная храбрость горцевъ и ихъ фанатическихъ предводителей, между которыми первое мѣсто занимаетъ Шамиль. Шамиль родился въ с. Гимрахъ (въ Дагестанѣ) въ 1799 г. Онъ былъ сынъ бѣднаго пастуха. Не смотря на такое низкое происхожденіе, онъ достигъ степеней *имама*, т. е. верховнаго владыки надъ многими кавказскими племенами, и около двадцати пяти лѣтъ боролся съ нами съ необыкновеннымъ мужествомъ и находчивостью.

Еще задолго до Шамиля, а именно, въ 1785 г., началъ волновать Чечню лжепророкъ Шейхъ-Мансуръ. Впрочемъ, успѣхъ его былъ непродолжителенъ: черезъ пять лѣтъ онъ уже былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь. Затѣмъ, въ двадцатыхъ годахъ, появился въ с. Гимрахъ (въ Дагестанѣ) новый фанатикъ, мулла, магометъ или магома, прозванный *Казимуллою*, и объявившій себя избранникомъ пророка, и сталъ проповѣдовать *казаватъ*, т. е. священную войну противъ гяуровъ, или, собственно говоря, противъ русскихъ. Послѣ того появился еще другой подобный же лжепророкъ, хотя не столь восторженный какъ Казимулла, но за то не менѣе отчаянный авантюристъ, *Гамзатъ-бекъ*. Оба они стремились къ тому, чтобы поддержать искаженный и падавшій на Кавказѣ ислаимизмъ. Въ основаніе этого обновленнаго ученія положенъ былъ *Шарриатъ*, т. е. та часть корана, въ которой излагаются правила, предписываемыя всѣмъ правовѣрнымъ для руководствованія въ жизни.

*) Этотъ городъ, по своему населенію, еще и теперь можетъ называться персидскимъ.

Исполнители шарріата называются *улемами*, *кадіями*, *муфтіями* и *муллами*. Они обязаны не только проповѣдовать магометанамъ о добродѣтеляхъ и совершать по пятницамъ и въ праздники обряды, но и рѣшать споры, тяжбы и опредѣлять наказанія за преступленія. Немногіе избранные, которые, не довольствуясь знаніемъ шарріата, еще углубляются въ изученіе другихъ двухъ частей корана (тариката и хакикята) и, забывъ о мірскихъ суетахъ, проводятъ дни и ночи на молитвѣ и отличаются восторженною любовью къ Богу,—называются по-арабски *муршидами* или *муридами*. *Имамомъ* собственно называется глава духовныхъ, но съ этимъ титуломъ стали соединять и понятіе о верховной власти. Такимъ образомъ, Кази-Мулла и Гамзатъ-Бекъ, присвоивъ себѣ титулъ имама и проповѣдуя шарріатъ, имѣли въ виду и политическую цѣль: во имя этого ученія они старались собрать разрозненныя массы горцевъ въ одно стройное общество, связанное одними вѣрованіями и одними законами, общество, въ основаніи котораго положено было, притомъ, равенство всѣхъ членовъ,—что, конечно, не могло не понравиться тѣмъ бѣднякамъ, которые находились подъ гнетомъ или владѣтельныхъ князей, или просто дворянъ *).

*) Безъ сомнѣнія, первые поселенцы Кавказа не признавали надъ собою ничьей власти, кромѣ старшихъ въ родѣ. Но потомъ, когда пришлось защищаться отъ набѣговъ пришельцевъ и опытъ показалъ необходимость единства въ дѣйствіяхъ многихъ семействъ или колѣнъ, выбирались начальниками лица, отличавшіяся необыкновеннымъ мужествомъ и силою характера. Эти временные начальники не только удержали власть за собою пожизненно, но и передали своему потомству. Такимъ образомъ, образовались княжескіе и дворянскіе роды, подъ разными наименованіями и съ разными правами. Прочіе туземцы составили классъ свободныхъ гражданъ, а изъ плѣвниковъ образовался классъ рабовъ. Съ распространеніемъ власти аравитянъ на Кавказѣ появились намѣстники багдадскихъ халифовъ—абассиды, которые считали себя прямыми потомками Магомета, и присвоивъ себѣ разные владѣтельные титулы, какъ-то: *шамхаловъ*, *валевъ*, *хановъ*, *уміевъ* и др., уже безцеремонно-деспотически прибрали въ свои руки неограниченную власть надъ покореннымъ народомъ.

Конечно, они встрѣтили упорное сопротивленіе; но многія общества все-таки подчинились ихъ власти и до сихъ поръ управляются особыми владѣтелями, независимыми другъ отъ друга.

Слѣдовательно, эта политическая система была и хорошо обдуманная и въ сущности своей, гуманная. По этому Кази-Мулла и Гамзатъ-Бекъ, хотя и встрѣтили сопротивленіе со стороны приверженцевъ адата (суда старшинъ) и дворянскаго сословія, все-таки имѣли значительный успѣхъ, въ особенности въ Дагестанѣ, гдѣ были избиты аварскіе ханы, а также въ Чечнѣ. Впрочемъ, оба они, одинъ за другимъ, погибли. Кази-Мулла на полѣ сраженія съ русскими, а Гамзатъ-Бекъ въ мечети, отъ кинжала горца. Но начатое ими дѣло не погибло. Наслѣдникомъ ихъ явился Шамиль, одинъ если не изъ самыхъ ревностныхъ ихъ учениковъ, то одинъ изъ самыхъ честолюбивыхъ горцевъ, когда-либо замышлявшихъ возстановить независимость края.

Шамиль, уже видѣвшій собственными глазами промахи своихъ предшественниковъ, умудренный жизненнымъ опытомъ, притомъ одаренный необыкновенною силою воли и ума, продолжалъ это опасное и трудное дѣло съ неутомимою послѣдовательностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ должною осторожностью.

Не надо думать, что Шамиль могъ такъ долго сопротивляться Россіи одною силою шарріата и религіознаго фанатизма горцевъ. Этотъ фанатизмъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время значительно ослабъ. Шамиль могъ такъ долго держаться потому, что, съ одной стороны, онъ занималъ неприступныя гористыя мѣстности, а съ другой—потому, что у него были и пушки, и довольно хорошо организованное войско.

Повиновеніе ему горцевъ много зависѣло также отъ хитропридуманнаго административнаго управленія странною. Онъ окружилъ себя испытанными приверженцами, большею частію изъ бѣднаго класса — бездомниками, назвавъ ихъ *муридами*; отсюда и вся система владычества Шамиля называется *муридизмомъ*. Около имама постоянно было нѣсколько сотъ мюридовъ, которые заботились о его безопасности и исполняли его распоряженія. Всѣ земли, признававшія власть Шамиля, были раздѣлены на округи (около 1,000 дворовъ). Округами управляли *наибы*, назначавшіеся самимъ имамомъ; они соединяли въ своихъ рукахъ военную и гражданскую власть. Эти округи или наибства, раздѣлялись на

участки, которыми управляли такъ называемые *мазуны*, при помощи муллы, разбиравшаго гражданскія дѣла по шарріату. Въ отдѣльныхъ же селеніяхъ дѣла рѣшались муллами и кадіями (судьями), а также на мірскихъ сходкахъ по адату, который, впрочемъ, стали, по возможности, выводить изъ употребленія. За правильнымъ и точнымъ исполненіемъ шарріата и личныхъ распоряженій Шамиля наблюдали особые мюриды. Но, не смотря на всю эту правильную администрацію, говорятъ, что Шамиль не полагался даже на своихъ мюридовъ и употреблялъ шпионовъ. Притомъ, не смотря на наблюденіе за дѣятельностію набовъ и муллъ, совершалось съ ихъ стороны много несправедливостей и притѣсненій, которыя, какъ само собою разумѣется, были неизбежнымъ слѣдствіемъ такого ученія, по которому глава народа соединяетъ въ одномъ своемъ лицѣ духовную власть со свѣтскою. Все это было причиною, что нѣкоторыя селенія переходили на нашу сторону при первомъ удобномъ случаяѣ.

Еще въ тридцатыхъ годахъ послѣ разбитія и гибели Гамзатъ-Бека, Шамиль, въ свою очередь, тоже потерпѣлъ нѣсколько пораженій болѣе или менѣе чувствительныхъ, и почти весь Дагестанъ, служившій главнымъ оплотомъ мюридизма, былъ покоренъ: дѣло кавказскаго имама, повидимому, могло считаться проиграннымъ. Послѣ взятія, въ 1839 году, *Ахульго*, самъ Шамиль едва избѣгнулъ плѣна и долженъ былъ выдать русскимъ своего сына аманатомъ (заложникомъ). Въ томъ же году была усмирена и Чечня. Но зимою съ 1839 на 1840 годъ она опять неожиданно возмутилась еще съ большимъ ожесточеніемъ. Кстати явился къ нимъ изъ Дагестана Шамиль, какъ защитникъ ихъ жизни и свободы. Чечня была самымъ удобнымъ мѣстомъ для борьбы съ русскими: длинные ряды горъ, скалы, непроходимые овраги и лѣса со всѣхъ сторонъ преграждаютъ путь стройному шествию войска. Вотъ одна изъ картинъ этой кровавой драмы. «Чуть войско кое-какъ выбралось на открытое мѣсто, поляну — неприятеля какъ будто вовсе не существуетъ: но едва отрядъ вступаетъ въ лѣсъ, начинается перестрѣлка въ боковыхъ цѣпяхъ и въ арріергардѣ. Чѣмъ мѣстность пересѣченнѣе, чѣмъ гуще лѣсъ,

тѣмъ перестрѣлка становится сильнѣе, и, наконецъ, сливается въ одинъ неумолкаемый гулъ, а непріятеля все нѣтъ: видѣнъ одинъ, два, нѣсколько десятковъ, и все это снова исчезаетъ. Когда же цѣпь наша ослабѣетъ, или какая-нибудь часть разстроится отъ потерь, какъ будто изъ земли вырастаютъ сотни пашекъ и кинжаловъ и съ гикомъ кидаются на нее. Если встрѣтятъ отпоръ, стойкость, все по-прежнему исчезаетъ за пнями и деревьями — и снова открывается убійственный огонь. Этотъ маневръ повторяется до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ изъ лѣса: и горе, если отрядъ прежде этого разстроится или солдаты упадутъ духомъ: чеченцы, какъ тигры, быстры и кровожадны — и только приближеніе свѣжихъ силъ можетъ остановить окончательное истребленіе.»

Горцевъ собиралось въ одну массу иногда до 10 тысячъ и даже 20 т. И наши войска иногда гибли цѣлыми сотнями. Шамиль всегда умѣлъ выбрать главнымъ пунктомъ своихъ дѣйствій такую мѣстность, которую, повидимому, не было физической возможности взять приступомъ. Таковы были сначала селенія *Дарго*, а потомъ *Ведень* (въ Чечнѣ) и *Гунибъ* (въ Дагестанѣ). Эти имена неразлучны съ геройскими подвигами Кавказской арміи, подвигами, стоившими неимовѣрныхъ усилій и громадныхъ жертвъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, наши войска должны были дѣлать огромныя просѣки (шириною отъ 300 до 900 сажень) и пролагать пути подъ непріятельскимъ огнемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ проводились такъ называемыя военныя линіи, состоящія изъ длиннаго ряда укрѣпленій и редутовъ. Горцы, изъявившіе покорность, выселялись на долины и такимъ образомъ разрывали связь съ своими соплеменниками и уменьшали число нашихъ противниковъ. Многія мѣста, преимущественно по Кубани и Тереку, были заселены казаками, которые и здѣсь, какъ и въ Сибири, служили передовою русскою колонизаціею Кавказскаго края. Только такими административными мѣрами и неутомимыми трудами и самопожертвованіемъ нашего войска могли пасть одна за другою такія твердыни, какъ *Дарго* (въ 1845 г.) и наконецъ *Ведень* и *Гунибъ* (въ 1859 г.). Только огромныя массы войска, закаленного во многихъ битвахъ, и систематически обдуманнѣйшій планъ

дѣйствій могли сдѣлать всё извороты Шамиля тщетными. Многіе преданные ему горцы, истомленные бесполезною борьбою и тягостнымъ гнетомъ мюридизма, еще до окончательнаго его паденія, стали переходить на сторону Россіи. И самъ Шамиль, нѣсколько разъ спасавшійся чудеснымъ образомъ отъ неминуемой, повидимому, гибели, и этимъ самымъ возбуждавшій энтузіазмъ въ суевѣрныхъ горцахъ, и этотъ могучій имамъ, наконецъ, вмѣстѣ съ взятіемъ Гуниба, отдался въ руки нашего главнокомандующаго военно-плѣннымъ. Послѣ этого, не только Чечня, Дагестанъ, но вскорѣ и весь западный Кавказъ поступили въ подданство Россіи, такъ что въ 1864 г. были уже совсѣмъ прекращены въ этомъ краѣ военныя дѣйствія. Теперь намъ предстоитъ другой подвигъ, хотя не столь славный и громкій, какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденныхъ, — подвигъ на поприщѣ мирнаго гражданскаго устройства.

2. Вершины и проходы.

Кавказъ первая гористая страна, которая отличается европейскимъ своимъ построениемъ, въ истинномъ смыслѣ слова, свойственнымъ одной лишь Европѣ. Это обширная страна, съ цѣлою системою альпійскихъ высотъ и горныхъ цѣпей, достигающихъ предѣловъ вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь нѣтъ ни дѣйствующихъ вулкановъ, какъ въ американскихъ цѣпяхъ, ни плоскогорій, свойственныхъ азіатскимъ горнымъ странамъ.

Южная половина Кавказскаго перешейка представляетъ собою альпійскій ландшафтъ; сѣверная часть, напротивъ, низменна и представляетъ кавказскія степи безъ всякихъ возвышенностей. Вдоль длиннѣйшей діагонали кавказскаго перешейка простирается и высочайшая горная цѣпь, собственно высокій кавказскій хребетъ отъ юго-востока къ сѣверо-западу.

Будучи прорѣзанъ продольными долинами, образуемыми четырьмя горными протоками: Ріономъ (Phasis), Курой (Koros), Тереконъ (Digi), и Кубанью (Urapis), хребетъ этотъ является

намъ въ видѣ огромной горной цѣпи. Цѣпь имѣетъ въ длину болѣе 1,000 верстъ. На востокѣ, вдоль западнаго берега Каспійскаго моря, горная цѣпь имѣетъ въ ширину 350 верстъ; на западѣ же, ближе къ Черному морю, она значительно суживается. Въ этомъ отношеніи кавказскій хребетъ представляетъ замѣчательное сходство съ европейскими альпійскими горами, ширина которыхъ также значительно увеличивается отъ запада къ востоку. Вся кавказская горная страна занимаетъ пространство 4,000 кв. миль, а высокая кавказская цѣпь около 2,300 миль. Посрединѣ, тамъ, гдѣ поднимаются высокія вершины Эльбруса и Казбека, цѣпь, повидимому, имѣетъ наименьшую ширину около 100 верстъ, отъ сѣверной до южной своей отлогости. Это общій законъ построения всѣхъ высокихъ горныхъ цѣпей: тамъ, гдѣ онѣ болѣе всего возвышаются, онѣ въ то же время болѣе всего суживаются; тамъ же, гдѣ онѣ представляютъ наибольшую ширину, высота ихъ уменьшается. Измѣреніе высочайшихъ вершинъ даетъ: для вершины Казбека 16,400 футовъ, а для Эльбруса 18,854 фута надъ уровнемъ моря.

Казбекъ, при южной отлогости котораго находится Грузія, древняя Иберія, не возвышается на водораздѣльной линіи, но немного сѣвернѣе. При южной подошвѣ его истекаетъ Терекъ, направляющійся къ сѣверу, по дикой, глубокой альпійской долинкѣ, наполненной каменными обломками. Глинистые сланцы и порфировые утесы Казбека образуютъ иногда пещеры, и отлогости ихъ покрыты снѣжными полями и ледниками; послѣдніе обрушаются иногда на сѣверѣ въ видѣ страшныхъ лавинъ, разрушающихъ цѣлыя деревни и укрѣпленія и запруживающихъ долину Терека каменными обломками.

Обѣ колоссальныя вершины, Эльбрусъ и Казбекъ, на разстояніи 175 верстъ другъ отъ друга, занимаютъ среднюю четверть высокаго Кавказа. Здѣсь именно цѣпь имѣетъ наименьшую ширину и болѣе разорвана и расчленена глубокими долинами и поэтому удобопроходима. По этой причинѣ цѣпь въ этомъ мѣстѣ наиболѣе доступна и представляетъ лучшую дорогу поперекъ горной цѣпи съ сѣвера на югъ, вдоль восточной отлогости Казбека.

На этой средней четверти высокаго Кавказа берутъ начала свои всѣ главныя рѣки. Къ сѣверу три большіе степные потока представляютъ удивительную правильность: Терекъ и Кубань текутъ къ востоку и западу; между обоими течетъ Кума, вдоль сѣверной отлогости средняго Кавказа, и беретъ начало свое на группѣ Бешъ-Тау. Всѣ три рѣки на сѣверѣ образуютъ быстрые водопады; но потомъ, едва достигнувъ плоской степной почвы, у сѣверныхъ предгорій вдругъ поворачиваютъ подъ прямымъ угломъ къ востоку и западу и потомъ съ едва замѣтнымъ паденіемъ текутъ къ противоположнымъ морямъ.

Бешъ-Тау (татарское слово, означающее пятигоріе) образуетъ группу горъ, простирающуюся на 100 верстъ по прямой линіи на сѣверъ отъ высокаго Эльбруса: группа эта имѣетъ среднюю высоту 4,000 ф. и образуетъ какъ бы передовыя Альпы. Она отличается обиліемъ минеральныхъ ключей, ручьевъ и рѣкъ и превосходными пастбищами, подобными тѣмъ, какія встрѣчаемъ мы на швейцарскихъ переднихъ Альпахъ; окрестности Бешъ-Тау также весьма плодородны. Бешъ-Тау былъ знаменитъ уже у древнихъ. Птоломей называетъ эту страну *τὰ Ἰππυῶα*, Агатемеръ *Hippici montes*—предгоріе, изобилующее лошадьми. И нынѣ на этихъ горахъ абадзехами и черкесами разводятся лучшія лошади. Въ средніе вѣка на этихъ предгоріяхъ находимъ мы временныя стоянки и главные лагеря переселяющихся народовъ. Отсюда многочисленной ихъ конницѣ представлялось обширное поле для добычи и завоеваній. Прежде на Бешъ-Тау находился главный лагерь скинскихъ и сарматскихъ ордъ, а впослѣдствіи лагерь готтовъ, гунновъ, алановъ, мадьяръ, татаръ, турецкихъ и монгольскихъ племенъ. И теперь еще встрѣчаются развалины столицъ древнихъ предводителей кочующихъ народовъ, именно: на сѣверо-восточной сторонѣ Бешъ-Тау и на болотистыхъ низменностяхъ Кумы. Ближе къ сѣверной отлогости Бешъ-Тау, на Кумѣ, находится Георгіевскъ, построенный русскими въ 1771 году.

Въ настоящее время мѣстность эта приобрѣла еще болѣе важное значеніе тѣмъ, что господствуетъ надъ сѣвернымъ концемъ главной дороги чрезъ Кавказъ. Это такъ называемый *Вла-*

дикавказскій проходъ или Кавказскія ворота, который ведетъ въ Грузію и Тифлисъ. Проходъ этотъ не имѣетъ древняго названія, ибо мѣстность эта неизвѣстна была древнимъ. Ни одинъ историческій народъ не перешелъ черезъ середину Кавказа до самаго XIII вѣка, когда по ней проходили монголы. Кавказскія врата — Владикавказъ, получили названіе свое отъ горнаго укрѣпленія у сѣвернаго входа въ ущелье, построеннаго въ 1785 году. Этотъ горный проходъ, удобный для ѣзды въ экипажахъ, проложенъ былъ въ пять лѣтъ въ царствованіе Александра I и напоминаетъ собою дорогу чрезъ Симплонъ. Многіе утесы нужно было взрывать порохомъ. Множество скалъ и холмовъ были выровнены и много построено было мостовъ. Теперь тамъ воздвигнуты укрѣпленія, села и посты, составляющіе непрерывную укрѣпленную линію поперекъ всего Кавказа, подъ защитою которой каждую недѣлю проходятъ караванъ, сопровождаемый военнымъ конвоемъ. Отъ Моздока до Тифлиса путь этотъ совершаютъ въ девять или десять дней, форсированнымъ маршемъ, да кромѣ того потребно еще нѣсколько дней на отдыхъ и на выдержаніе карантина. Изъ Моздока караваны, послѣ 36 часовъ пути по предгоріямъ, на третій день достигаютъ первыхъ дикихъ горныхъ ущелій Владикавказа. Горныя вершины покрыты сообщающими между собою укрѣпленіями, а внутри глубокаго ущелья заложенъ городъ, въ которомъ находится гарнизонъ. Это мѣсто, у сѣверной подошвы высокой черной цѣпи, составляетъ ключъ ко всему проходу. Послѣ четырехъ дней пути, 40 верстъ далѣе, черезъ дикое ущелье, повсюду занятое укрѣпленіями и шанцами для удержанія нападений горцевъ, чрезъ галерею, взорванную внутри утеса, достигаютъ крѣпости Даріала. Крѣпость эта находится на крутой вершинѣ; узкое ущелье здѣсь неимѣетъ даже ста футовъ въ ширину. Крѣпость Даріаль (Dag—ворота) въ прежнее время служила самымъ сѣвернымъ пограничнымъ укрѣпленіемъ Грузіи и имѣла тогда большее значеніе, чѣмъ теперь, что доказываютъ намъ нѣсколько развалинъ, водопроводовъ и т. п. Горный проходъ, чрезъ глубокую долину Терека, вдоль дикихъ скалистыхъ стѣнъ, ведетъ все выше и выше въ гору къ подошвѣ Казбека, до Зминды. Эта кавказская

горная деревня лежитъ на 4,955 фут. надъ уровнемъ моря. Здѣсь сѣются еще рожь и ячмень, а жатва бываетъ въ началѣ Сентября. На этой высотѣ повсюду проявляется самая дикая альпійская природа. Терекъ окоймленъ скалами съ отвѣстными порфирowymi стѣнами; рѣчная долина наполнена обрушившимися каменными глыбами и мусоромъ. Горные потоки ниспадаютъ въ долину каскадами; лѣса, встрѣчающіеся въ болѣе низменныхъ частяхъ Кавказа, на горныхъ вершинахъ попадаютъ рѣже. Городовъ, деревень вовсе болѣе не встрѣчаемъ, а повсюду лишь крѣпости, хижины и каменные зданія. На эти горныя вершины мало-по-малу отгѣснены были кавказскія племена, вслѣдствіе болѣе и болѣе увеличивающагося народонаселенія у подошвы горъ. Здѣсь мы видимъ охоту, войну, междоусобія и хищничество — печальныя послѣдствія войны. Жилище каждаго отдѣльнаго семейства, каждаго князька, представляетъ отдѣльное горное укрѣпленіе; каждое изъ нихъ имѣетъ свою сторожевую башню, свои подземные ходы. Сакли построены изъ каменныхъ плитъ и окружены просторными террасами и всякаго родâ околицами. Веѣ эти жилища построены на трудно-доступныхъ мѣстахъ, подобно германскимъ рыцарскимъ замкамъ; каждое изъ нихъ назначено для многочисленной семьи. Жилища эти встрѣчаются вообще у всѣхъ, даже у самыхъ разноплеменныхъ народовъ Кавказа; архитектура ихъ обусловливалась одинаковыми почти потребностями. Они подымаются все выше и выше, разсѣяны по дикимъ утесистымъ вершинамъ и достигаютъ предѣла вѣчнаго снѣга. Такъ, замѣчательное осетинское племя живетъ на снѣжныхъ вершинахъ Казбека на высотѣ 9,886 футовъ.

Начиная съ деревни Зминды, вмѣсто густыхъ лѣсовъ, встрѣчаются первыя, маленькія березовыя рощи, кустарникъ и низменные лѣса съ альпійскими пастбищами. На высотѣ 2,100 ф. подъ снѣжной линіей древесныя растенія принимаютъ уже видъ малорослаго кустарника, какъ на примѣръ верескъ, *Pinus Mughus*, рододендронъ, брусника, породы рубусъ (ежевика), но высокоствольныхъ деревъ нѣтъ. Промежъ нихъ красуется роскошнѣйшій луговой коверъ съ ароматическими травами. Непосредственно

подъ линією вѣчныхъ снѣговъ растутъ одни лишай и мхи, потомъ главное мѣсто занимають травы, образующія прекраснѣйшія коверъ, а мѣстами начинается прелестная альпійская флора. Высокій Казбекъ съ снѣжными своими полями, ледниками и неприступными осетинскими саклями, остается къ западу отъ проложенной горной дороги. Послѣдняя простирается далѣе, прямо на югъ и близъ прохода къ Каменному Кресту переходитъ чрезъ Кавказскую водораздѣльную линію (Кайшауръ, отсюда Кайшаурскія врата). Здѣсь высшая точка горнаго прохода; кругомъ видѣются разорванныя и нагія скалистыя вершины. Отсюда дорога спускается въ долину Арагвы (Агахес) и мимо Анамура идетъ до Тифлиса и рѣки Куры. До самаго Анамура идетъ опасный и крутой путь по скаламъ длиною въ 40 верстъ. Близъ Анамура попадаются первые кусты, первый лѣсъ, гдѣ растутъ каштаны, кленъ, платаны и растенія, свойственныя южнымъ странамъ. Еще глубже начинаются фруктовыя деревья: яблоня, груша, вишня. Возлѣ укрѣпленія Рагаспиры являются первыя виноградники, которыхъ мы у сѣверной подошвы горъ не встрѣчаемъ. Отсюда начинается чисто азіятская обработанная почва Грузіи, Альбаніи и Иберіи древнихъ, открытая для римскаго міра Помпеемъ послѣ войны съ Митридатомъ.

Другой главный проходъ чрезъ Кавказскія горы—*Дербентскій*, длиною 210 верстъ, получилъ названіе свое отъ города Дербента, находящагося посрединѣ его. Это, собственно говоря, не горный проходъ, а прибрежное ущелье на сѣверной персидской границѣ. Этотъ прибрежный путь (подобно дорогѣ, ведущей изъ Нидды въ Марсель, вдоль нижней отлогости приморскихъ Альповъ) простирается отъ сѣвера къ югу, у восточной отлогости Кавказа, вдоль Каспійскаго моря и представляетъ единственное сообщеніе между нижней долиной Куры и сѣверной степной долиной Терека, между дельтами, образуемыми Курой и Терекомъ. На концахъ его находятся низменныя болотистыя мѣста. Сотни амыхъ быстрыхъ горныхъ потоковъ, стремящихся на востокъ, осенью и весною, во время таянія снѣговъ и въ дождливое время дѣлають проходъ этотъ совершенно непроходимымъ. Наименьшая

ширина его лежитъ подь $41^{\circ} 52'$ сѣв. шир., у прибрежнаго города Дербента, этого древняго сѣвернаго персидскаго укрѣпленія. Въ этомъ мѣстѣ древніе персидскіе цари воздвигли огромную пограничную стѣну, простирающуюся съ вершины скалистыхъ отлогостей до самаго моря. Эта знаменитая кавказская стѣна ограничивала Персію къ сѣверу и преграждала собою дорогу вдоль морскаго берега. Стѣна окончена была въ царствованіе Сассанидовъ, въ третьемъ и четвертомъ вѣкѣ. Она напоминаетъ собою китайскую стѣну и играетъ на востокѣ ту же самую роль, какъ высокая цѣпь Кавказа на западѣ. Такимъ способомъ думали защитить Персію отъ нападенія сѣверныхъ народовъ, и это дѣйствительно удавалось до VII или VIII вѣка. Стѣна оставалась неприступною во время переселенія народовъ, и поэтому огромныя народныя волны разлились по Европѣ. Походъ Петра Великаго въ Дербентъ и сѣверную Персію (1721—1723) вновь открылъ эти врата европейцамъ и съ того времени Дербентъ находится подь владычествомъ Россіи. И теперь еще виднѣются остатки двойной кавказской стѣны, спускающейся съ горы, подобно двумъ рукавамъ, между которыми и построенъ Дербентъ. Обѣ стѣны примыкали къ берегу и въ видѣ гаваней продолжались на нѣкоторое пространство въ самое море; между ними построена гавань для кораблей. Отъ желѣзныхъ воротъ, запиравшихъ древнія стѣны, городъ получилъ названіе Дуръ или Деръ, по-турецки — ворота, желѣзныя врата; у аравитянъ, во времена калифовъ, назывались они Бабъ-аль-Абави — врата вратъ, *porta portarum*. Городъ этотъ въ то время составлялъ границу владѣній аравитянъ на сѣверѣ, имѣлъ религіозное значеніе, какъ граница между вѣрующими и невѣрными, и поэтому назывался Магометъ-Дербентъ — великія врата вѣрующихъ. Со стороны этихъ вратъ, какъ гласитъ восточное преданіе, придетъ гибель для азіятскихъ магометанъ.

Всѣ другія горныя дороги, ведущія чрезъ вершины Кавказа, почти что недоступны и извѣстны однимъ хищническимъ горнымъ племенамъ.

Мы рассмотрѣли однѣ лишь главныя черты Кавказскихъ

горь. Присовокупимъ еще нѣсколько замѣчаній касательно жителей, населяющихъ европейскую сторону этихъ горь.

Относительно исторіи человѣчества, особенно же для европейскихъ народовъ и для исторіи языковъ, кавказскіе народы представляютъ обширный и неисчерпаемый предметъ для наблюдений изслѣдованій. Остатки древнихъ народовъ земнаго шара спаслись на вершинѣ высокыхъ горь, какъ бы на обломки и развалины древней земной коры. Если хотятъ изслѣдовать первобытныя породы, то должно искать слѣдовъ ихъ на высокыхъ горахъ; въ особенности это оказывается справедливымъ на Кавказѣ, лежащемъ между двумя морями, находящемся посреди низменности и плоскогорія, на порогѣ двухъ частей свѣта, и принадлежащемъ двумъ народамъ. Оказывается, что именно Кавказъ долженъ былъ сдѣлаться спасительнымъ островомъ для столь многихъ кочующихъ народовъ, унесенныхъ общимъ народнымъ потокомъ, нахлынувшимъ изъ Азіи въ Европу, претерпѣвшихъ здѣсь кораблекрушеніе и, за немногими остатками, погибшихъ истрически. Но, кромѣ этихъ остатковъ древнихъ народовъ, Кавказъ долженъ же былъ имѣть и первобытныхъ, туземныхъ своихъ жителей, вышедшихъ изъ высокої Азіи, этой колыбели рода человѣческаго. Народы эти должны были поселиться тамъ весьма рано, прежде чѣмъ населена была Европа, какъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ этомъ и древнее преданіе. Но вслѣдъ за этими первобытными переселенцами, непрерывно подвигались двоякимъ путемъ новыя народныя массы съ южнаго и сѣвернаго береговъ Каспійскаго моря. Народы эти, испытавъ различныя судьбины, должны были постоянно встрѣчаться на Кавказѣ. Двѣ великія народныя тропы: дорога малоазійская, съ юга Кавказскихъ горь, ведущая во Фракію и Грецію, и дорода Сарматская, между Ураломъ и Кавказомъ, чрезъ Волгу и Донъ — обѣ вели къ подошвѣ всемірной цѣпи. Такимъ образомъ между туземными жителями Кавказа стилось безконечное множество послѣдующихъ племенъ, мирнымъ или враждебнымъ, цѣлыми массами, поколѣтраслями и колоніями. Вотъ почему на столь незначительномъ пространствѣ встрѣчаемъ мы столько разнородныхъ пле-

мень, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ земной поверхности мы этого не видимъ. Къ этимъ этнографическимъ особенностямъ Кавказа присоединяется еще и то обстоятельство, что онъ, находясь между великими всемірными монархіями: между Персіей, Парфією, Римомъ, Византіей, Аравіей, Монголіей, Турціей и Россіей, никогда вполнѣ покоренъ не былъ, а поэтому туземцы никогда не подвергались преобразующему вліянію культуры въ продолженіе тысячелѣтій въ той же мѣрѣ, какъ это вездѣ бываетъ. Поэтому Кавказъ представляетъ разнообразіе и такія особенности относительно этнографическихъ явленій, какихъ не представляетъ намъ ни одна высокая горная цѣпь на земномъ шарѣ. Уже отъ древнихъ не укрылась эта особенность Кавказа: стоитъ, на примѣръ, прочесть Страбоново описаніе тамошнихъ горныхъ племенъ. Царь Понтійскій, Митридатъ, говорилъ на двадцати языкахъ кавказскихъ горныхъ племенъ, которыя онъ желалъ привлечь на свою сторону. Римляне для торговыхъ своихъ сношеній съ Діоскуриасомъ, нуждались въ 70 переводчикахъ, а по Плинію (VI, 5) даже въ 130; нѣкоторые писатели принимаютъ круглымъ счетомъ 300 кавказскихъ племенъ. Арабскій географъ X-го вѣка, Эбнъ-Гаукаль, утверждаетъ, что на одномъ лишь горномъ хребтѣ близъ Дербента, описываемаго имъ, подъ названіемъ Адейба, говорятъ на 70 различныхъ языкахъ. Какъ ни неопредѣленны, ни преувеличены и ни неправдоподобны такого рода показанія, но все-таки фактъ остается вѣрнымъ, и въ настоящее время между горными племенами Кавказа можно указать на семь совершенно различныхъ коренныхъ языковъ, раздѣляющихся на 80 различныхъ отраслей и нарѣчій. Народы же, подобно населеннымъ ими долинамъ, распадаются на безчисленные племена и маленькіе народы, имѣющіе каждый свои особенные нравы, свои гражданскія и военныя учрежденія. Всѣ они имѣютъ весьма различныя черты лица, тѣлесное развитіе и различныя религіи, имѣютъ свою собственную, мало еще изслѣдованную исторію. Въ физическомъ отношеніи они представляютъ большое различіе, начиная отъ весьма красивой идеальной формы черкеса и грузина до грубыхъ монгольскихъ типовъ. Между ними встрѣ-

чаются язычники, огнепоклонники, евреи, христіяне и магометане. Изученіе кавказскихъ племенъ и ихъ языковъ представляло всегда важный предметъ для изслѣдованія, и многіе путешественники, ученые общества и разныя академіи занимались этимъ предметомъ. Тѣмъ не менѣе остается желать дальнѣйшихъ наблюденій и болѣе основательныхъ изслѣдованій.

3. Природа и человекъ на Кавказѣ.

На всемъ земномъ шарѣ найдется немного мѣстъ, которыя бы имѣли такое счастливое географическое положеніе, какъ Кавказскій перешеекъ, и соединяли бы въ себѣ столько благопріятныхъ условій для развитія промышленности и торговли, самой обширной. Два міра: Европа и Азія, могутъ назначить себѣ мѣсто свиданія на этомъ перешейкѣ. Его омываютъ два моря: одно—дорога въ Европу, другое—въ среднюю Азію. Громадный хребетъ горъ раздѣляетъ край на двѣ половины, которыя должны быть различны и по климату, и по естественнымъ произведеніямъ. Климатъ горъ долженъ быть отличенъ, какъ отъ климата тѣхъ странъ, гдѣ горы защищаютъ ихъ своею гигантскою стѣной съ сѣвера и находятся подъ вліяніемъ лучей южнаго солнца, такъ и отъ климата равнинъ и степей, лежащихъ на сѣверъ отъ горной цѣпи и открытыхъ холодному вѣтру. Южная граница Закавказскаго края находится подъ одними градусами съ Римомъ и Неаполемъ; слѣдовательно, здѣсь растутъ, или могутъ расти, лавровое, апельсинное, лимонное и абрикосовое деревья, виноградъ, хлопчатая бумага и шелковица. Въ горахъ должны находиться долины съ умѣреннымъ климатомъ, съ роскошными травами, лѣсами, минералами и всѣмъ богатствомъ горъ. Сѣверная половина Кавказа служить продолженіемъ равнины и степей плодородной южной Россіи. Естественныя произведенія этихъ равнинъ также не могутъ быть одинаковы съ тѣми, которыя находятся въ горной полосѣ. Жители горъ богаты лѣсомъ и бѣдны хлѣбопашенными полями; имъ нуженъ хлѣбъ и скоть, которыми

богаты степные поселенцы, въ свою очередь нуждающіеся во многихъ произведеніяхъ горъ. Сосѣдство самое счастливое, самое выгодное для обѣихъ сторонъ! Здѣсь по необходимости и указанію природы, должна развиться дѣятельная живая торговля; а торговля всегда бывала началомъ просвѣщенія и великаго гражданскаго значенія народовъ.

Не даромъ греки, а потомъ венеціанцы и генуезцы, заводили колоніи на кавказскихъ берегахъ: колоніи эти славились богатствомъ, черезъ нихъ шла дорога изъ Европы въ Азію. Открытіе морскаго пути кругомъ Африки, вѣроятно, не на всегда прекратило это сообщеніе: въ наше время, съ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ, при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, оно должно возобновиться, потому что дорога въ Бухарію и Индію, чрезъ Кавказскій перешеекъ, несравненно короче дороги вокругъ Африки и удобнѣе дороги черезъ Суэзь. . . .

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на природу Кавказскаго края и на его жителей, чтобы яснѣе видѣть его силы и средства, видѣть какое значеніе должно имѣть покореніе Кавказа. Осмотримъ Кавказъ по эту сторону горъ и самыя горы. Половина Кавказа состоитъ изъ двухъ странъ совершенно противоположнаго характера—изъ непрерывной равнины и полосы непрерывныхъ горъ. Начиная съ границъ Саратовской губерніи и Земли Войска Донскаго, до окрестностей главнаго Кавказскаго хребта, край представляетъ равнину, только изрѣдка пересѣкаемую невысокими горными цѣпями, не превышающими горъ средней Россіи. Равнина эта раздѣляется на двѣ полосы, различныя между собою по своей природѣ; первая полоса, начинающаяся съ сѣверныхъ границъ, доходитъ къ югу до рѣкъ Кубани, Лабы, Малки и Терека, простираясь по теченію ихъ до береговъ морей. Все это огромное пространство представляетъ степь въ полномъ значеніи слова; ровная плоскость пересѣкается лишь рѣдкими возвышеніями или глубокими балками (оврагами). Лѣсу здѣсь нѣтъ, только небольшія рощи находятся въ окрестностяхъ Ставрополя и по берегамъ рѣки Кумы; бывшіе лѣса вырублены давно на постройку станицъ и для удаленія горцевъ. Вода—тоже рѣдкость

въ этой степи: пять или шесть небольшихъ рѣчекъ: Егорлыкъ, Ташла, Мамайка и пр., тихо пробѣгающія по равнинѣ, мѣстами, пересыхаютъ лѣтомъ, и многіе изъ жителей довольствуются водою, сохраняемою въ запруженныхъ съ весны балкахъ. На сѣверной границѣ нѣхотятся озера, но вода въ нихъ соленая или дурная. Только одна значительная рѣка, Кума протекаетъ по степи: по ней растутъ небольшіе лѣса, по ней населено много станицъ; но и эта рѣка истощенная сухостью почвы и воздуха, не оживляемая притоками, умираетъ въ камышахъ и пескахъ, не дойдя до моря. Вслѣдствіе отсутствія лѣсовъ и недостатка водъ, дожди здѣсь рѣдки, засуха — бичъ степи. Почва земли, состоящая изъ глинистаго легкаго чернозема, суха, тверда, но плодородна, и при дождяхъ даетъ хлѣбъ и травы въ изобиліи *).

Климатъ этой полосы близокъ къ климату Екатеринославской и Херсонской губерній, а мѣстами даже нѣсколько суровѣе; зимою здѣсь бываетъ больше 20⁰ мороза, съ выюгами и мятелями, и санный путь держится съ декабря до начала марта; лѣто знойно и постоянно; воздухъ, не освѣжаемый присутствіемъ лѣсовъ и воды, нагрѣвается слишкомъ до 30⁰ тепла, изсушая траву въ степи до того, что она распадается пылью, и при поднявшемся вѣтрѣ несется облакомъ на далекое пространство. Въ Кавказской области могутъ быть всѣ произрастенія южной Россіи: пирамидальная тополь, каштанъ, грецкій орѣхъ; въ оставшихся лѣсахъ и рощахъ находятся: дубъ, чинарь, вязъ, боярышникъ, колючій кустарникъ и плодовые деревья: груша, тернъ, черносливъ, яблоки, черешня и орѣшникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, къ югу, растутъ и вырѣваются въ садахъ виноградникъ, лозы котораго закрываются на зиму только соломой.

По ручьямъ и рѣчкамъ разсѣяно рѣдкое населеніе области. У сѣверныхъ границъ кочуютъ калмыки съ своими стадами овецъ, рогатаго скота и табунами тощихъ лошадей; осѣдлые жители состоятъ изъ линейныхъ казаковъ, крестьянъ собствен-

*) За исключеніемъ солончаковъ, встрѣчающихся въ сѣверной части, и каменистаго и песчанаго грунта въ окрестностяхъ горныхъ возвышенностей.

никовъ и погайцевъ; на юговостокѣ, ближе къ берегамъ Каспійскаго моря, живутъ полукочевые кара-ногайцы. Промышленность находится здѣсь только на первой ступени развитія; бѣдное хлѣбопашество и бѣдное скотоводство составляютъ единственный промыселъ жителей, какъ русскихъ, такъ и азійцевъ. Ногайцы пашутъ землю и имѣютъ скотъ только для собственной потребности. Русскіе, по трудности сбыта хлѣба, тоже имѣютъ самую незначительную запашку. «Земля велика и обильна», но жители дремлютъ въ патриархальномъ довольствѣ, и степь остается нетронутымъ матерьяломъ, глыбой мрамора, ожидающей руки мастера...

По мѣрѣ приближенія къ югу, край теряетъ характеръ степи. Съ окрестностей Георгіевска и Пятигорска мѣстность становится живѣе; отдѣльныя рощи и небольшіе лѣса разнообразятъ виды; невысокія горныя цѣпи, ручьи и рѣчки встрѣчаются чаще; климатъ умѣреннѣе. Почва земли становится разнообразна; въ окрестностяхъ горныхъ цѣпей преобладаетъ каменистый и песчаный грунтъ; мѣстами попадаетъ иловатый грунтъ и мѣстами толстый слой превосходнаго чернозема; дожди перепадаютъ чаще, пшеница и всякій хлѣбъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ полосъ по окрестностямъ горныхъ цѣпей, родится здѣсь превосходно; народонаселеніе становится гуще; жизни и движенія больше. По военно-грузинской дорогѣ находятся многолюдныя станицы, бывшія даже городами: Александровская, Георгіевская, Екатериноградская, и въ сорока верстахъ отъ дороги находится Пятигорскъ, съ неисчислимымъ богатствомъ своихъ минеральныхъ водъ. Въ сосѣдствѣ съ русскими станицами разбѣяны аулы ногайцевъ, простираясь верстъ на триста отъ окрестностей Ставрополя, почти до самаго главнаго хребта горъ. Отъ Георгіевска къ югу начинается Кабарда, гдѣ, вмѣстѣ съ кабардинцами, живетъ и племя абазинцевъ.

Вторая полоса Кавказской равнины простирается по подножію главнаго хребта, начиная съ побережья Чернаго моря, до береговъ Каспійскаго и представляетъ обширную долину, защищаемую съ сѣвера множествомъ невысокихъ горныхъ отроговъ,

идущихъ то параллельно съ главнымъ хребтомъ, то по теченію большихъ рѣкъ: Лабы, Малки, Терека, Сунжи, въ разныхъ направленіяхъ. Долина эта, въ восемьсотъ верстъ длины, мѣстами очень узка, не шире тридцати и сорока верстъ. Природа щедро надѣлила ее своими дарами; плодородная почва, роскошныя травы и теплый климатъ ея напоминають prairie *) Миссисипи. Кавказская степь превращается здѣсь въ неизмѣримый паркъ, обнесенный, вмѣсто ограды, съ юга Кавказскимъ хребтомъ, съ сѣвера большими рѣками, съ востока и запада двумя морями. Съ горъ сбѣгаютъ въ эту долину большія рѣки и сотни малыхъ ручьевъ и рѣчекъ, освѣжающихъ теплый воздухъ; лѣса, рощи и отдѣльныя группы деревъ, между которыми встрѣчаются столѣтвіе дубы и чинары, украшаютъ мѣстность; задній фонъ составляетъ линія горъ, съ вѣчно-снѣговыми вершинами, съ базальтовыми и гранитными громадами и безконечными лѣсами по своимъ отрогамъ.

Климатъ этой полосы близокъ къ климату южныхъ береговъ Крыма; но зима, вслѣдствіе близости снѣговыхъ горъ нѣсколько суровѣе; на высокихъ плоскостяхъ и здѣсь бываетъ до 20° мороза. Лѣса наполнены фруктовыми деревьями, яблонями, черносливомъ, шелковицею, виноградникомъ; мѣстами встрѣчается дикій хлопчатый кустарникъ; въ садахъ, на вольномъ воздухѣ, растутъ абрикосы, персики (закрываемые на зиму соломой), черешня, превосходныя груши, бергамоты. Почва земли состоитъ преимущественно изъ глинистаго или чистаго чернозема, съ примѣсью камня въ окрестностяхъ горъ, и пахана только въ немногихъ мѣстахъ; все остальное восьмисотъ-верстное пространство новъ, вѣроятно нетронутая съ сотворенія міра. Отъ присутствія снѣговыхъ горъ, лѣсовъ и обильныхъ водъ, дожди здѣсь часты, и всѣ роды хлѣба даютъ неслыханные у насъ урожаи; травы лучшихъ сортовъ вырастаютъ мѣстами въ человѣческой ростъ.

Народонаселеніе этой полосы нѣсколько гуще, чѣмъ въ первой, но сравнительно съ пространствомъ, оно еще очень слабо.

*) Такъ французы называютъ необозримыя травянистыя степи Миссисипи.

Линейные казаки ближайших къ горамъ станицъ владѣютъ землею безъ счета десятинъ, и горцамъ, выселяющимся на наши границы, земля назначается тоже не десятинами, но пространства, *отъ такого-то мѣста до другаго*; если бы половина населенія *) горъ сошла вдругъ въ эту долину, то и тогда земли достало бы всѣмъ надолго.

Населеніе этой полосы разнообразно; линейные **) казаки поселены большими станицами на Терекѣ, Сунжѣ, Малкѣ, Кубани и Лабѣ; небольшое число армянъ и грузинъ живутъ по городамъ, въ Кизлярѣ, Моздокѣ и Владикавказѣ; на лѣвомъ флангѣ находятся чеченцы, занимая ббльшую его половину; рядомъ съ ними осетины, кабардинцы, абазинцы, ногайцы и проч.

Не смотря на нѣсколько городовъ и большихъ крѣпостей, находящихся въ этой полосѣ, не смотря на щедрую природу края, промышленность и торговля здѣсь еще слабѣе, нежели въ первой полосѣ. Неумолкавшая война и набѣги горцевъ отнимали руки и у хлѣбопашца, и у промышленника, и у купца. Казаки заняты были службой и часто не имѣли времени ни вспахать землю, ни убрать хлѣбъ; они ограничивались добываніемъ только необходимаго; ремесла ихъ заключались въ приготовленіи оружія и обмундировкѣ; лошадей разводили для походовъ противъ непріятеля. Туземцы этой полосы, за исключеніемъ кабардинцевъ и ногайцевъ, совершенные дикари, едва умѣющіе пахать землю.

Третья полоса—горная, занимаемая во всю ширину и длину Кавказскимъ хребтомъ. О ней нѣтъ возможности сказать что-нибудь общее; здѣсь безконечное разнообразіе природы, ея, произведеній и жителей. Въ городахъ на каждомъ шагу другая климатъ, другая природа и другое населеніе. Низменные долины и широкія ущелья, защищаемыя отъ ближайшихъ свѣговыхъ горъ гигантскими стѣнами утесовъ, наслаждаются теплымъ климатомъ

*) Если положить длину этой долины ровно въ 800 верстѣ, а ширину въ 50, то въ ней будетъ 40 тыс. кв. верстѣ; всѣхъ же горцевъ, по послѣднему исчисленію, полагають до 1 милл. 500 тыс. душъ.

**) Крестьянъ здѣсь нѣтъ.

Грузин; въ пяти верстахъ, на высокой плоскости, климатъ нашъ климатъ нашихъ сѣверныхъ губерній; еще выше встрѣчаемъ природу Сибири, съ зимними стужами, мятелями и глубокими снѣгами. Также разнообразна почва земли, съ своими произведеніями; то каменистая, болотистая и тощая, то песчаная или покрытая плодороднымъ слоемъ чернозема, то состоящая изъ валуновъ, нанесенныхъ горными потоками, или камней, набросанныхъ обвалами. На днѣ тѣсныхъ ущелій и по ребрамъ стремнинъ, мѣстами, нѣтъ никакой растительности, не растетъ даже трава; туда заглядываетъ солнце только на три, на четыре часа въ день. По выходѣ изъ этихъ ущелій, версть черезъ пять, шесть, встрѣчаются долины Швейцаріи съ роскошной травой и цвѣтами, украшенныя рощами пирамидальныхъ тополей, дубовъ и чинаръ, между которыми стремятся съ горъ сотни ручьевъ и шумятъ водопады.

Горный хребетъ тянется пятью грядами, расположенными совершенно правильно и симметрично. Сѣверная, крайняя гряда состоитъ вся изъ низшихъ горъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ; параллельно съ нею идетъ гряда горъ высшихъ, базальтовыхъ, гранитныхъ, шиферныхъ, крутыхъ и обрывистыхъ, съ тощею растительностью; въ срединѣ возвышаются вѣчно-снѣговья горы: по другую сторону ихъ опять тянется гряда горъ гранитныхъ и шиферныхъ, и потомъ низшія, лѣсистыя, составляющія сѣверную границу Закавказскаго края пятью исполинскими стѣнами. Между грядами, правильно идущими съ сѣверо-запада на юго-востокъ, встрѣчаются сотни отдѣльныхъ горъ, расположенныхъ по всѣмъ направленіямъ, и образующихъ безчисленныя ущелья, долины и возвышенныя плоскости. Эти промежуточные горы, дикія и скалистыя или покрытыя лѣсомъ, производятъ безконечное разнообразіе климата и природы горныхъ мѣстъ: онѣ то запираютъ выходъ холодному горному воздуху, то защищаютъ отъ него низменныя мѣста, то выставляютъ ихъ на полуденное солнце.

Раздвинувшаяся степь какъ будто потѣшила горы и сжала ихъ. Море, погрывавшее въ первобытное время Россію, удаляясь къ югу, сдвигало къ Кавказу землю, песокъ и камни, которые должны были остановиться на вулканическихъ возвышеніяхъ

Кавказа. На югѣ, въ Закавказскомъ краѣ, горы раскинулись шире, заняли всю западную его сторону и соединились съ отраслями Тавра.

На всемъ пространствѣ, на 1,200 верстахъ, занимаемыхъ Кавказскими горами, сколько извѣстно, нѣтъ ни одной большой долины, ни одного сколько-нибудь значительнаго озера, какъ, на примѣръ, въ Швейцаріи, Шотландіи и другихъ горныхъ странахъ: такъ тѣсно сдвинуты Кавказскія горы! А между тѣмъ, Швейцарія только уголокъ кавказской горной области, и высота главныхъ вершинъ ея достигаетъ высоты только второстепенныхъ кавказскихъ горъ.

Эту сжатость кавказскихъ горъ должно считать причиной того, что онѣ не даютъ начала ни одной значительной судходной рѣкѣ, не смотря на свое большое протяженіе и высоту снѣговыхъ вершинъ, тогда какъ изъ горъ Швейцаріи вытекаютъ Рона, Рейнь и пр. Терекъ и Кубань, самыя большія рѣки Кавказской области, судходны только въ немногихъ мѣстахъ, а лѣтомъ на нихъ образуется множество бродовъ; устья ихъ мелки и завесены пескомъ, валунами и иломъ.

Въ Закавказскомъ краѣ, гдѣ горы распространились шире, Ріонъ, Кура и Араксъ могутъ быть судходны на большихъ разстояніяхъ.

Естественныя богатства горъ намъ далеко неизвѣстны. Можетъ быть, со временемъ, тамъ найдутся и серебряные, и золотые рудники, и драгоцѣнные камни; признаки разныхъ рудъ и преданія о нихъ существуютъ между горцами издавна, и во многихъ мѣстахъ присутствіе свинцовыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ уже доказано. Нѣкоторые изъ жителей лютъ пули изъ своей мѣди и своего свинца; а преданія о золотомъ рунѣ Колхиды, нынѣшней Мингреліи и Имеретіи, невольно возбуждаютъ большія надежды на ископаемыя богатства Кавказскихъ горъ.

Присутствіе сѣрнаго колчедана въ окрестностяхъ Эльбруса доказывается тѣмъ, что многіе горцы дѣлаютъ порохъ изъ своей сѣры. Гранитъ, превосходный зеленый и красный порфиръ, разноцвѣтный мраморъ и горный хрусталь въ изобиліи. Множество

источниковъ минеральной воды, разныхъ свойствъ, находится въ горахъ. Нефтяные колодцы неисчерпаемы въ Бакинскомъ уѣздѣ; въ Чечнѣ и во многихъ мѣстахъ пріиски каменнаго угля тоже обѣщаютъ богатство.

Растительное царство горной полосы, можетъ быть, не такъ разнообразно, но не менѣе богато. Лѣсъ тянется по сѣверному и южному склонамъ главнаго хребта всего на 2,400 верстъ въ длину и на десятки верстъ въ ширину: на вершинахъ горъ растеть сосна, ель, лиственница; ниже ихъ дубъ, чинаръ, разные роды тополя, орѣшникъ; въ долинахъ множество фруктовыхъ деревъ южной полосы Россіи, плодовыхъ кустарниковъ и роскошныхъ цвѣтовъ; мѣстами, въ теплыхъ долинахъ, встрѣчается дикій виноградникъ, хлопчатое и оливковое дерево. На южномъ склонѣ главнаго хребта, въ нагорной Мингреліи, находится родъ чайнаго кустарника. Извѣстный путешественникъ Дюбуа, видѣвшій только самую малую часть Кавказскихъ горъ, удивляется богатству ихъ растительнаго царства. По берегамъ Каспійскаго моря татары съ успѣхомъ разводять марену и шафранъ; по Черному, въ Абхазіи, климатъ еще теплѣе, воздухъ влажнѣе и мягче, растительность изумляетъ своей силой и роскошью; но здѣсь все находится въ дикомъ состояніи — и жители, и природа.

Въ горныхъ долинахъ можетъ расти пшеница, сарачинское вѣшено; но жители сѣютъ только просо и немного ячменя и кукурузы.

Къ этому должно прибавить богатство пушныхъ звѣрей, хотя богатство это самое непрочное и непродолжительное. Въ настоящее время, при маломъ населеніи горъ, куницы, чернобурья лисицы, бѣлки, выдры, медвѣди, черные и бурые, населяютъ лѣса и ущелья, а въ нѣкоторыхъ, особенно глухихъ мѣстахъ, водятся даже бобры. Барсы и гиены часто посѣщаютъ горы, и нерѣдко въ долинахъ является, съ береговъ Аракса, огромный царскій тигръ. Волки, шакалы, лисицы, олени, разныхъ породъ дикія козы, кабаны и зайцы, водятся здѣсь въ страшномъ количествѣ; на вершинахъ каменистыхъ утесовъ живетъ туръ, кавказскій дикій козелъ; по сторонамъ Эльбруса попадаютъ животныя преж-

няго времени — зубры. Особенное богатство всякаго рода дичи находится въ камышахъ, по устьямъ Кубани, Кумы и Терека.

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ представленъ не счетъ, а только оглавленіе богатствъ Кавказскихъ горъ; но, кажется, довольно и того для убѣжденія, что природа не отказала ихъ населенію въ средствахъ дойти до высокой степени благосостоянія, и если многія горныя мѣста Шотландіи и Швейцаріи славятся богатствомъ своихъ жителей, то чего же можно ожидать отъ природы Кавказскихъ горъ?...

Также богата и разнообразна натура жителя этого благословеннаго края. Всѣ, знающіе Кавказъ, согласны, что вообще населеніе горъ и линіи, какъ русское, такъ и туземное, состоитъ изъ народа, замѣчательно способнаго и бодрого. Нельзя не любоваться, смотря на дѣятельность, трудолюбіе и проворство линейныхъ казаковъ; русская натура проявила въ нихъ многія свои хорошія стороны; и самое переселеніе, и жизнь вблизи непріятели, и вся эта новая среда развила въ казакѣ-переселенцѣ энергію, пробудила отъ сна силы духа и много образовала его. Не смотря на недостатокъ времени и на то, что часто въ рабочую пору казакъ отрывается отъ пашни и скачетъ на сборное мѣсто для предупрежденія набѣга, хозяйство его не хуже, чѣмъ у крестьянина — собственника. По малому числу городовъ на линіи и отсутствію мануфактурныхъ товаровъ, казакъ долженъ изготвить для себя все самъ: и соху, и борону, и телѣгу, и холстину, и кожу; даже оружіе — кинжалъ, шашку и ружье — онъ дѣлаетъ самъ или передѣлываетъ изъ стараго; на базарахъ всего этого мало; заиматься выдѣлкою этихъ предметовъ въ значительномъ количествѣ, на продажу, никому нѣтъ времени. И надобно прибавить, что все, сдѣланное казакомъ, очень хорошо, по крайней мѣрѣ, прочно, чисто, исправно. Много нужно смѣтливости, проворства, даже энергіи, чтобы умѣть извернуться, какъ иногда приходится линейнымъ казакамъ.

Въ нѣкоторыхъ племенахъ туземцевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ мы давно знаемъ, особенно въ кабардинцахъ, нельзя не видѣть готовности и склонности принять всякое полезное ново-

введеніе. Просвѣщеніе проникало къ нимъ и укоренялось съ низшихъ ступеней и потому шло очень медленно. Они учились хозяйству у стоявшихъ на квартирахъ солдатъ и у линейныхъ казаковъ, и усвоили себѣ что могли. Кабардинцы и абазинцы стали сѣять разный хлѣбъ, вмѣсто одного своего проса; иные завели даже плуги; сакли и усадьбы ихъ улучшились, и вообще все хозяйство многихъ кабардинцевъ стало приближаться къ русскому. Это замѣчательная черта въ поклонникахъ исламизма, упорно отвергающихъ все, что происходитъ отъ невѣрныхъ.

Кавказскія племена на столько умны, что не могутъ навсегда остаться слѣпыми фанатиками; ученіе Магомета, не смотря на проповѣдь имамовъ и ихъ миссіонеровъ, пустило неглубокіе корни въ горахъ, даже въ самой Чечнѣ и Дагестанѣ, гдѣ постоянно больше тридцати лѣтъ пребывали имамы. Природа не обидѣла горцевъ душевными качествами; сквозь кору дикости и крайней степени невѣжества почти въ каждомъ горцѣ можно видѣть прямой и живой умъ; въ жизни хищнической можно замѣтить присутствіе чувства и даже гуманной души. Это хищничество только наростъ, прибрѣтенный воспитаніемъ, обстоятельствами и всѣмъ образомъ жизни; въ натурѣ же горца много ума и чувства, много мужества и силы характера; при нынѣшнихъ условіяхъ, качества эти должны были, конечно, образовать того хищнаго, смѣлаго и ловкаго горца, какимъ мы видимъ и знаемъ его давно. Но, оторванный отъ своего міра и воспитанный въ мірѣ европейскомъ, горецъ представляетъ намъ человѣка способнаго, энергическаго, съ умомъ и чувствомъ. Честолюбіе и славолубіе, говоря о горцахъ вообще, составляютъ одну изъ отличительныхъ чертъ ихъ характера и были едва ли не главною причиною враждебныхъ отношеній ихъ къ Россіи, ихъ безразсчетныхъ набѣговъ и мужественнаго сопротивленія страшной силѣ. Не для одного грабежа, не изъ корысти только собиралась партія въ набѣгъ, или одинъ хищникъ подстрѣливалъ изъ-за куста, путешественника, — нѣтъ, предводители партій, въ сильныхъ рѣчахъ, говорили объ отцахъ и дѣдахъ, со славой воевавшихъ съ гяурами, о подвигахъ ихъ братьевъ, оставившихъ головы на русской землѣ, о томъ, что

разскажутъ о нихъ въ аулахъ сосѣднихъ племень старики и красавицы. Великій поэтъ, только заглянувъ на Кавказъ, подмѣтилъ эту черту характера горцевъ.

Почему такъ долго держались противъ насъ чеченцы, терпѣли и голодъ, и крайнюю нужду, умирали и посылали дѣтей на смерть? Намъ кажется, не изъ одной покорности Шамилю и его проповѣдникамъ, не изъ слѣпой ненависти къ гяурамъ, не изъ жажды грабежа, какъ думаютъ многіе, — нѣтъ, изъ желанія независимости, по естественному побужденію народа, отстаивающаго свою свободу, изъ чести и славы. Мусульманской нетерпимости и ненависти къ гяурамъ, которую имъ старались внушить имамы, положительно нѣтъ между горцами. Мы для нихъ гяуры только потому, что, вынужденные ихъ безпокойнымъ сосѣдствомъ, пошли на нихъ войною. Между племенами середины горъ многіе имѣютъ очень слабое понятіе объ ученіи Магомета; есть чистые идолопоклонники, и есть неимѣющие никакой религіи и готовые принять ученіе Христово. Обращеніе осетинъ въ христіанскую вѣру не представляло никогда затрудненій, и шло бы очень успѣшно при большемъ усердіи нашихъ проповѣдниковъ.

Натура горца богата и полна; самое нѣжное и тонкое чувство пробивается иногда сквозь грубую оболочку, нараставшую на племенахъ горъ въ теченіе десятковъ вѣковъ. Чувство изящнаго и поэзіи не только не чуждо ему, но, напротивъ, составляетъ принадлежность его природы и, можно сказать, въ замѣчательной степени. Горецъ изящень въ своей оборванной черкескѣ, въ косматой шапкѣ и буркѣ; онъ стоитъ и ходитъ ловко и живописно, говоритъ безъ жестовъ и интонацій европейскаго простолюлина; манеры его просты и часто безупречны. Многія издѣлія горцевъ отличаются изяществомъ вкуса; превосходная работа галуновъ, выдѣлка сафьяна и кожи, конская сбруя и разныя украшенія на оружій, все совершенство этихъ издѣлій — не плоды образованія и развитія, но единственно слѣдствіе природы горца. Все это дѣлается со вкусомъ и стараніемъ не изъ расчета, не на продажу, но для удовлетворенія собственнаго чувства. Стоитъ сравнить работу горца съ работою нашихъ крестьянъ.

янь, или даже нашихъ городскихъ мастеровыхъ, чтобы убѣдиться въ дарованіяхъ горцевъ.

Послѣ перваго знакомства, мирные, обрусѣвшіе горцы покажутся людьми слишкомъ практическими, слишкомъ положительными, расчетливыми, даже жадными къ прибыли; но такое заключеніе будетъ ошибочно; натура ихъ, какъ я сказалъ, богата и полна. Горцы съ жадностью слушаютъ и легко перенимаютъ мотивы музыки, и русской народной, и европейской. Россіяни, Моцартъ и Беллини могутъ заставить горца простоять на мѣстѣ неподвижно цѣлый часъ. Они не турки и не китайцы, которымъ больше нравится настройка музыкальныхъ инструментовъ, нежели сама музыка. Поэзія ихъ пѣсень, похоронныхъ, предсмертныхъ, воинственныхъ и страдныхъ, извѣстна намъ по нѣкоторымъ переводамъ; а увлеченіе, съ которымъ они предаются всякому чувству, дружбѣ, любви, мщенію, даже чувству къ своему коню, показываетъ вовсе не расчетливую и исключительно положительную натуру. Нельзя не упомянуть и общей горцамъ черты: уваженія и вниманія къ гостю, который считается у нихъ особою священною, требующею заботы и попеченія.

Все сказанное относится ко всѣмъ племенамъ горъ вообще, и хотя горы населены множествомъ племенъ, совершенно различныхъ между собою и по происхожденію, и по языку, но общихъ физическихъ и нравственныхъ чертъ между ними много. Это происходитъ отъ одинаковыхъ условій мѣстности, климата и вообще всей природы горъ, также какъ и отъ однихъ и тѣхъ же условій ихъ быта и жизни. Кавказъ издавна былъ большою дорогою для народовъ, проходившихъ изъ Азіи въ Европу, и обратно, и, вѣроятно, каждый изъ этихъ народовъ оставилъ здѣсь часть своего кочевавшаго населенія; слѣды ихъ незамѣтны теперь никому; но можно быть увѣрену, что какое-нибудь племя горъ оставлено здѣсь скивами, другое — половцами, хозарами, болгарами, гуннами или монголами. Можетъ быть близкое знакомство укажетъ намъ разницу въ характерѣ и всей натурѣ чеченца, кабардинца и шапсуга, но теперь мы знаемъ только общія сходныя черты: инья изъ этихъ племенъ болѣе способны принять

гражданственность, другія менѣе, но отъ всѣхъ можно ожидать многого на поприщѣ промышленности и торговли. Когда жители увѣрены будутъ въ безопасности лицъ и собственности, и когда усядутся на свои мѣстахъ, тогда малѣйшая помощь быстро подвинетъ впередъ кавказское населеніе.

4. Черкесы *).

Происхожденіе черкесовъ до сихъ поръ еще не опредѣлено съ точностію. Вѣрно только то, что они въ прежнее время составляли могущественный народъ, господствовавшій не только на Кавказскомъ перешейкѣ, но также и на Крымскомъ полуостровѣ. Доказательствомъ этому могутъ служить названія многихъ рѣкъ, озеръ, мѣстечекъ, сохранившіяся тамъ до настоящаго времени. Сами черкесы называютъ себя адиге, чтó значитъ благородные. Что же касается до слова черкесь, то оно должно быть новѣйшаго происхожденія, а именно турецкаго или персидскаго, и значитъ — перерѣзывающій дорогу, а также разбойникъ.

По наружности черкесы принадлежатъ къ самымъ красивымъ народамъ не только Кавказа, но и всего свѣта. Они ббльшую частію, средняго роста, стройнаго тѣлосложенія, широкоплечи, съ тонкою талією. Орлиный носъ, огненные глаза, роскошная черная борода составляютъ характеристическую особенность въ фізіономіи каждаго черкеса благороднаго происхожденія. Правда, что подобная красота встрѣчается также и между простымъ народомъ, но это уже исключеніе. Есть, впрочемъ, двѣ черты, принадлежащія одинаково какъ высшему, такъ и низшему сословию, а именно: легкая, скорая походка и горделивая осанка. Наружность черкеса много выигрываетъ отъ его простаго, но, въ то же время, изящнаго костюма. Черкесскій костюмъ состоитъ,

*) Черкесы обитаютъ вдоль главной цѣпи Кавказскаго хребта отъ Чернаго моря до верховья р. Кубани.

во-первыхъ, изъ бешмета, то есть, короткаго ваточнаго кафтана изъ шелковой или бумажной матеріи, застегнутаго на крючки, съ низкимъ стоячимъ воротникомъ, съ длинными, узкими рукавами, оканчивающимися маншетами. Сверхъ бешмета надѣвается черкеска. Это тоже кафтанъ, только не шелковый, а непремѣнно суконный, и отличается отъ бешмета тѣмъ, что застегивается только у таліи, не имѣетъ воротника и на груди украшенъ кожаными красными, или черными патронташами. Талія перетягивается кожаными чернымъ ремнемъ съ серебряными пуговками и пряжками. На ноги надѣваются суконные гамашы, перевитые узкими полосами изъ яркаго сукна. Они доходятъ только до колѣнъ, покрытыхъ наколѣнниками. Въмѣсто сапоговъ, черкесы употребляютъ башмаки безъ подошвъ изъ краснаго, или желтаго сафьяна, а сверху ихъ надѣваютъ еще родъ нашихъ галошъ изъ телячьей шкуры. Необходимую принадлежность черкесскаго костюма составляетъ также бурка, защищающая отъ дождя и холода. Это — большой мѣховой плащъ, набрасываемый на плечи, обыкновенно шерстью вверхъ. Голова черкеса покрыта низенькою, остроконечною суконною шапкою, опушенную густымъ бараньимъ мѣхомъ. Особенное вниманіе обращаютъ черкесы на оружіе, заботясь, чтобы оно было и хорошо и красиво. Оружіе черкеса состоитъ изъ кинжала и небольшого ножа, обоюду-остраго, привѣшанныхъ къ кушаку. Кромѣ этого, съ боку, на черномъ узкомъ ремнѣ, украшенномъ серебряными бляшками, виситъ кривая сабля, называемая шашкою, а изъ-за спины выглядываетъ винтовка, спрятанная въ мѣховой чахолъ. Ко всему этому надо еще прибавить длинные, турецкіе пистолеты и джерридъ — небольшое копье, съ удивительною ловкостью бросаемое черкесами въ непріятеля. Все это оружіе украшено золотомъ, серебромъ и разными драгоценными камнями.

Одежда черкешенокъ очень проста. Она состоитъ изъ шелковой сорочки, большею частію голубаго цвѣта, вышитой золотомъ и серебромъ и подпоясанной лентою. Кромѣ того, чтобы сдѣлать талію какъ можно сройнѣе и тоньше, онѣ еще дѣвочками прямо на тѣло надѣваютъ широкой кожаный поясъ и носятъ

до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ за мужъ. Нарядъ замужнихъ женщинъ отличается отъ дѣвичьяго бѣлымъ кисейнымъ покрываломъ, прикрѣпляемымъ на головѣ и доходящимъ почти до пятокъ.

Въ характерѣ черкесовъ ясно высказываются черты, принадлежащія вообще всѣмъ необразованнымъ народамъ. Мстительность прежде всего характеризуетъ черкеса. По его понятію, каждая капля пролитой крови должна быть отмщена, и эта обязанность, переходя отъ одного родственника къ другому, бываетъ часто причиною страшной ненависти не только между семействами, но даже между цѣлыми округами и ведетъ къ постоянной, кровавой враждѣ. Существуетъ между черкесами обыкновение, по которому убійца платитъ семейству убитаго извѣстную сумму денегъ и, такимъ образомъ, выкупаетъ себя изъ опасности терпѣть мщеніе; но такія сдѣлки заключаются очень рѣдко и еще рѣже исполняются. Есть, впрочемъ, одно средство спасти себя отъ мести со стороны родственниковъ убитаго: оно заключается въ томъ, что черкесь крадетъ ребенка изъ дома своего кровнаго врага, воспитываетъ его и потомъ передаетъ законному отцу. Тогда примиряются между собою враги, и мѣсто прежней ненависти занимаетъ самая искренняя дружба.

Путешественники, знакомые съ черкесами, въ своихъ отзывахъ о характерѣ этого народа часто противорѣчатъ одинъ другому. Одни, напримѣръ, не хотятъ видѣть въ нихъ ничего хорошаго и клеймятъ именемъ разбойниковъ; другіе же, напротивъ, приходятъ въ восторгъ отъ ихъ рыцарской храбрости и удивляются ихъ горячей привязанности къ свободѣ и отечеству. Вся эта разногласица, разумѣется, зависитъ отъ личнаго взгляда путешественниковъ, которые, впрочемъ, единогласно признаютъ черкесовъ народомъ гостепріимнымъ и почтительнымъ въ отношеніи къ старшимъ. Гостепріимство для черкеса составляетъ самую священную обязанность. Каждый странникъ, будь онъ бѣденъ или богатъ, знатенъ или нѣтъ, вездѣ принять съ искреннимъ радушіемъ. Вся семья выходитъ ему на встрѣчу, его сажаютъ на первое мѣсто, и хозяинъ дома головою отвѣчаетъ за безопасность

гостя, до тѣхъ поръ, пока онъ находится подъ его кровлею. Эта похвальная черта характера черкесовъ прекрасно очерчена Пушкинымъ въ слѣдующъ стихахъ:

«Когда же съ мирною семьей
Черкесь въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И глѣбуютъ угли въ пепелищѣ,
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ торахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня:
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково встаетъ,
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь оградный подаетъ.
Подъ влажной бурей, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромя оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепрѣимный».

Уваженіе къ старшимъ соблюдается черкесами также съ удивительной строгостію и у нѣкоторыхъ племенъ доведено до того, что младшій братъ встаетъ при входѣ старшаго, молчитъ, когда говоритъ кто-нибудь изъ старшихъ, имѣетъ право высказывать свое мнѣніе только по требованію другихъ.

Итакъ, мстительность, гостепрѣимство, уваженіе къ старшимъ и любовь къ свободѣ составляютъ главныя характеристическія особенности черкесовъ. Теперь обратимъ вниманіе на ихъ семейную и общественную жизнь. Живутъ черкесы въ деревянныхъ, обмазанныхъ глиною домикахъ, выстроенныхъ амфитеатромъ по склонамъ горъ. Нѣсколько такихъ домиковъ составляютъ деревню, или аулъ. Въ каждомъ аулѣ есть непременно родъ цитадели, въ которую обыкновенно укрываются жители для защиты отъ непріятели. Домъ начальника деревни отличается отъ прочихъ только большимъ пространствомъ и лучшимъ убранствомъ. Стѣны комнатъ увѣшаны оружіемъ всякаго рода, а на полу, покрытомъ соломенными плетенками, разставлены диваны, украшенные дорогими коврами.

Главное богатство черкесовъ состоитъ въ стадахъ рогатаго скота, барановъ и овецъ. На земледѣліе они мало обращаютъ вниманія; что же касается до торговли и промышленности, то онѣ всегда были на низкой степени развитія. Въ прежнее время, то есть до начала войны съ русскими, черкесы вели съ турками значительный торгъ невольницами, въ замѣнъ которыхъ получали шелковыя и другія матеріи, порохъ, пули, оружіе, табакъ и соль. Въ послѣднихъ предметахъ они нуждаются до сихъ поръ, и вымѣниваютъ ихъ у турокъ или у русскихъ на шерсть, кожи, сало, воскъ и на разныя серебряныя бездѣлушки, приготовляемыя ими съ большимъ искусствомъ и вкусомъ. Науки и искусство находятся у черкесовъ въ такомъ пренебреженіи, что у нихъ нѣтъ даже письменности. Только поэзія и, неразлучная ея спутница, музыка нашли себѣ пріютъ у этого народа. Характеръ черкесскихъ пѣсень довольно однообразенъ. Въ нихъ, большею частію, разсказывается о подвигахъ и славной смерти какого-нибудь героя.

Въ семейной жизни черкесовъ заслуживаютъ вниманіе брачныя обряды. При выборѣ невѣсты всегда обращается вниманіе на ея происхожденіе. Ни одинъ знатный черкесъ не рѣшится взять себѣ въ подруги дѣвушку низшаго класса. Когда выборъ сдѣланъ, тогда женихъ обращается къ родителямъ невѣсты и предлагаетъ имъ за дочь выкупъ, состоящій изъ денегъ, лошадей, быковъ или барановъ. Плата за дѣвушку тѣмъ дороже, чѣмъ женихъ богаче. Если же требованія родителей велики, а женихъ бѣденъ, то онъ устраиваетъ у себя праздникъ, на который приглашаются родственники и друзья. Каждый изъ приглашенныхъ, по принятому обычаю, обязанъ подарить чѣмъ можетъ жениха, и онъ, такимъ образомъ, собираетъ сумму, необходимую для пріобрѣтенія невѣсты. По заключеніи окончательнаго договора, женихъ получаетъ право взять себѣ въ супруги выбранную имъ дѣвушку, но для этого долженъ непременно похитить ее изъ дома родителей. Это похищеніе, впрочемъ, не больше, какъ принятая формальность. Женихъ съ своими пріятелями или слугами пробрается въ комнату, гдѣ находится невѣста, одѣтая въ лучшую одежду и окутанная съ ногъ до головы, въ бѣлую чадру. Дѣвушка противится по-

пей, большею частью, согласуется съ шириною логовъ или нагорныхъ долинъ, и рѣдко бываетъ въ 50 саж.; обыкновенно же не болѣе 15 или 20. Самая большая толщина ихъ не превышаетъ одной сажени, чаще же бываетъ въ одинъ или полтора аршина. Сверху розсыпь покрывается обыкновенно *пустымъ* наносомъ, т. е. наносомъ не содержащимъ золота, толщиною въ одинъ или въ два аршина, а иногда въ двѣ и три сажени. Впрочемъ, есть и такіе случаи, гдѣ розсыпь залегаетъ прямо подъ черноземомъ или торфомъ, такъ что золото въ видѣ зеренъ и большихъ кусковъ нерѣдко было находимо между корнями растеній. Такое же разнообразіе представляютъ розсыпи и относительно количества золота, въ нихъ содержащагося, или относительно ихъ богатства. Весьма рѣдко случается, чтобы розсыпь на всемъ протяженіи своемъ была одинаково золотоносна или одинаково богата; большею частью, золото располагается въ ней какъ бы гнѣздами, и потому иногда отъ самыхъ богатыхъ мѣстъ вдругъ дѣлается переходъ къ самымъ бѣднымъ, или вовсе не содержащимъ золота; отъ этого случается, что розсыпь, обѣщавшая сначала несмѣтное богатство, подъ конецъ или въ общемъ итогѣ, оказывается весьма обыкновенною. Богатство розсыпи опредѣляется числомъ золотниковъ или долей золотника, заключающихся въ 100 пудахъ песку. Среднее богатство или среднее содержаніе золота въ розсыпяхъ бываетъ въ $\frac{1}{2}$ золотника, въ 1, 2, 3 золотника на 100 пуд. песку, весьма рѣдко болѣе.

Въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ есть нѣсколько южныхъ цѣпей, которыя имѣютъ то же направленіе, какъ Алатау, и столько же или даже еще болѣе золотоносны, чѣмъ онъ. Этимъ-то горамъ собственно мы и обязаны тѣмъ чрезвычайнымъ богатствомъ, какое представляютъ розсыпи Восточной Сибири. Нѣкоторыя изъ тамошнихъ розсыпей сдѣлались настоящими эльдорадо золотопромышленниковъ, каковы напримѣръ Бирюсинскіе золотыя промыслы, или тѣ, которые открыты къ рѣчкамъ Оголику, Питу, Пескипъ. Большая часть сибирскаго золота получается изъ Восточной Сибири, именно изъ тѣхъ розсыпей, которыя произошли отъ разрушенія тамошнихъ меридіональныхъ горъ.

Такии образамъ сибирскія розсыпи залегаютъ на всемъ восточномъ склонѣ Урала, и потомъ по всей южной и средней полосѣ Сибири, начиная отъ Салаирскихъ горъ до яблоннаго хребта и до начала Амура. Но есть указанія и на болѣе восточныя розсыпи.

Впрочемъ, мы разумѣемъ тутъ обыкновенный ходъ дѣла; но бываютъ случаи, конечно весьма рѣдкіе, когда розсыпь выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, и становится особенно прибыльною, именно когда золото встрѣчается въ ней большими кусками, которые называютъ обыкновенно самородками. Такимъ крупнымъ золотомъ или самородками особенно богаты Міасскія розсыпи, находящіяся въ Оренбургской части Урала, и принадлежащія къ округу Златоустовскихъ заводовъ. Нѣкоторые изъ тамошнихъ самородковъ заключали въ себѣ чистаго золота 9, 10, 13, 15 фунтовъ и болѣе. Въ 1826 г. былъ найденъ тамъ золотой самородокъ въ 24 ф. 68 зол., и долго составлялъ предметъ всеобщаго удивленія; но въ 1843 г. онъ долженъ былъ уступить свою громкую извѣстность новому чуду-самородку въ 2 пуда 8 фунтовъ. Онъ найденъ въ той же розсыпи, въ какой и предыдущій. Замѣчательно, что эта драгоценность лежала на глубинѣ четырехъ аршинъ отъ земной поверхности, подъ основаніемъ золотопромышленной фабрики. Изъ золотыхъ самородковъ, найденныхъ въ Восточной Сибири, особенно замѣчательны два: одинъ въ 24 ф. изъ Кундустугольскихъ промысловъ, а другой въ 21 ф. 46 зол., найденный въ Минусинскомъ округѣ, по рѣкѣ Алгіаку. Въсу въ этомъ послѣднемъ самородкѣ, вмѣстѣ съ жильною породой, именно съ кварцемъ, было 1 п. 5 ф. 81 зол. Въ этомъ видѣ онъ былъ на петербургской выставкѣ русскихъ мануфактурныхъ произведеній 1861 г.

Признаками, которыми руководствуются при отысканіи золотыхъ розсыпей, должны служить по преимуществу долины или логи, окруженные діорито-змѣвиковыми горами, выступившими изъ земли въ одно время съ золотоносными жилами. Эти самыя горы и служили матеріаломъ для образованія розсыпей. Дѣйствительно, розсыпи состоятъ изъ обломковъ этихъ горъ, именно: изъ діорита или зеленого камня, змѣвика, сіенита, протогина (березита) и охристаго кварца, наполнявшаго нѣкогда жильныя трещины и непосредственно заключавшаго въ себѣ золото. Конечно, кромѣ этихъ главныхъ частей, въ розсыпяхъ находятся еще различныя минералы; нѣкоторые изъ нихъ были въ жилахъ вмѣстѣ

съ золотомъ, а другіе произошли отъ разрушенія діоритовъ и змѣвиковъ, каковъ напримѣръ, магнитный желѣзнякъ, играющій тутъ весьма важную роль въ видѣ болѣе или менѣе крупнаго порошка или песка. Магнитный песокъ — постоянный спутникъ золота. Сверхъ того, въ розсыпяхъ всегда находятся глина и обыкновенный песокъ, занесенные сюда водяными нагорными потоками.

Теперь перейдемъ къ другому, именно: какъ добывается золото изъ розсыпей? Какъ отдѣлить его изъ этой груды различныхъ горныхъ обломковъ, перемѣшанныхъ съ глиною, обыкновеннымъ пескомъ и другими минералами?

По признакамъ, на которые мы указали, почти всегда можно догадываться о залеганіи розсыпи въ той или другой мѣстности. Но это не значитъ еще, чтобы она навѣрное тутъ находилась. Еще менѣе по этимъ признакамъ можно судить о богатствѣ розсыпи, или о болѣе или менѣе прибыльной ея разработкѣ. Для этой послѣдней цѣли дѣлается предварительная развѣдка самой розсыпи, то есть предварительно опредѣляются: ея составъ, толщина, обширность и приблизительное богатство. Все это почти исключительно производится такъ называемою *шурфовкою*. По направленію розсыпи на извѣстныхъ разстояніяхъ роются ямы или колодцы, называемые *шурфами*, и пески, изъ нихъ получаемые, тутъ же промываются на ручныхъ вашгердахъ. По количеству добытаго при этомъ золота судятъ о большемъ или меньшемъ богатствѣ розсыпи. Тутъ же опредѣляется само собою и свойство песковъ, болѣе или менѣе удобная ихъ промывка, а по расположенію шурфовъ можно судить о пространствѣ, занимаемомъ розсыпью. Если пустые наносы, покрывающіе розсыпь, имѣютъ слишкомъ большую толщину, то шурфованіе замѣняется иногда буреніемъ; но этотъ способъ развѣдки никогда не можетъ привести къ такимъ точнымъ результатамъ, какъ шурфованіе.

Положимъ, что вслѣдствіе предварительной развѣдки, розсыпь оказалась довольно прибыльною: тогда приступаютъ къ ея разработкѣ.

Разработка розсыпи можетъ быть или открытая или подзем-

ная. Выборъ того или другаго изъ этихъ способовъ преимущественно зависитъ отъ большой или мѣншей толстоты пустаго носа, покрывающаго розсыпь. Если этотъ наносъ имѣетъ незначительную толщину, аршинъ или менѣе, то при разработкѣ розсыпи его снимаютъ; но если пустой наносъ толщиной въ 3 сажени и болѣе, то снимать его было бы неразсчитливо: это потребовало бы весьма значительныхъ издержекъ и времени. Въ такомъ случаѣ находятъ болѣе выгоднымъ вести подземную работу.

Открытая разработка состоитъ въ томъ, что по ширинѣ, либо длинѣ розсыпи, проводятъ разрѣзъ, отъ котораго ведутъ потомъ забой небольшими уступами. Такая разработка, въ случаѣ надобности, производится иногда и зимою; но тогда добываемые пески должны быть предварительно оттаиваемы.

Для подземной разработки розсыпи опускаютъ въ нее вертикальный ходъ или шахту, и потомъ отъ этой шахты посрединѣ розсыпи проводятъ главный или такъ называемый откаточный штрекъ. Далѣе отъ этого штрека проводятъ на извѣстныхъ разстоянiяхъ, поперечныя орты, а отъ нихъ новыя поперечныя, и образовавшiяся такимъ образомъ отдѣльныя части розсыпи (цѣлики) вынимаются и откатываются къ шахтѣ. Само собою разумѣется, что всѣ означенные ходы требуютъ весьма прочнаго крѣпленiя.

Добытые пески промываютъ. Промывка золотоносныхъ песковъ имѣетъ цѣлью отдѣлить золото отъ всѣхъ обломковъ, мелкаго горнаго щебня, глины и другихъ минераловъ, съ которыми оно тутъ смѣшано. Операциа эта основана на томъ, что золото тяжелѣ всѣхъ другихъ, смѣшанныхъ съ нимъ, минераловъ, и потому всего труднѣе уносится водою.

Самое простое устройство для промывки песковъ есть такъ называемый *плоский ручной вашгердъ*. Это наклоненная плоскость, составленная изъ поперечныхъ досокъ, плотно пригнанныхъ одна къ другой и ограниченная съ трехъ сторонъ брусками. Верхняя часть этой плоскости называется *головкою*, а нижняя *хвостомъ*. Поперекъ вашгерда утверждаются еще три бруска или три невысокия перегородки. Самая верхняя изъ этихъ перегородокъ,

вмѣстѣ съ головкою, образуетъ родъ ящика, въ который пускается вода изъ трубы, либо изъ жолоба, и переливается на вашгердъ ровною струею. Два другія бруска устанавливаются на равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго и задерживаютъ при промывкѣ болѣе тяжелыя части песка. Хвостъ описываемаго вашгерда лежитъ на головкѣ другаго меньшаго вашгерда, на которомъ улавливаются частицы золота, снесеннаго водою.

Самая промывка на вашгердѣ производится такъ: наваливаютъ на головку его отъ 2 до 3 п. цѣльнаго песку; пускаютъ воду, и деревяннымъ гребкомъ растираютъ песокъ, поднимая его безпрестанно къ головкѣ вашгерда, отчего землистыя и глинистыя части песка уносятся водою, а болѣе крупныя и тяжелыя остаются на вашгердѣ; эти крупныя части, тщательно обмытыя, осторожно сгребаютъ. При неоднократномъ повтореніи такого дѣйствія, у головки вашгерда остается наконецъ почти однообразный и, болѣею частію, желѣзистый песокъ, разумѣется, вмѣстѣ съ золотомъ, содержащимся въ немъ. Тогда приостанавливаются дальнѣйшимъ промываніемъ, а дѣлаютъ вторую и другія завалки, пока не промоютъ отъ 12 до 18 пудовъ песка, и не приведутъ его въ то равномѣрное состояніе, о которомъ мы говорили. Послѣ этого приступаютъ къ такъ называемой *смыскѣ* вашгерда, которая состоитъ въ слѣдующемъ: средній изъ брусковъ вынимаютъ, пускаютъ воду и противъ ея теченія нѣсколько разъ поднимаютъ гребкомъ массу равномѣрнаго желѣзистаго песка. Понятно, что при этомъ песокъ еще болѣе вымывается, и когда онъ получитъ довольно темно-сѣрый цвѣтъ, то его сгоняютъ съ вашгерда волосяною щеткою въ особое корыто. Песокъ, доведенный до этой степени промывки, называется *сырымъ шликотомъ*. Въ десяти-часовую смѣну дѣлаютъ отъ 5 до 8 смывокъ, изъ коихъ каждая предполагаетъ отъ 13 до 18 пуд. промытаго песка; слѣдовательно, одинъ промывальщикъ, находящійся при вашгердѣ, обрабатываетъ отъ 60 до 90 пуд. песку, смотря по количеству песка, старанію и искусству.

Сѣрые шликоты, для окончательнаго извлеченія изъ нихъ золота, подвергаются промывкѣ на *очистительномъ вашгердѣ*.

Этотъ послѣдній отличается отъ обыкновеннаго вашгерда только нѣскольکو мѣньшими размѣрами и болѣшимъ наклоненіемъ. Сѣрый шлихъ доводятъ тутъ до состоянія такъ называемаго *чернаго шлиха*. Извлеченіе золота изъ сего послѣдняго дѣлается такъ: массу чернаго шлиха разравниваютъ гребкомъ посрединѣ, пускаютъ воду, и, посредствомъ волосяной щетки, поднимаютъ противъ воды. Это повторяется нѣскольکو разъ, пока золото не отдѣлится довольно рѣзко отъ прочей массы шлиха. Тогда золото снимаютъ съ вашгерда желѣзною лопаточкою и кладутъ въ мѣдную чашечку, въ которой оно просушивается. Магнитный песокъ, примѣшавшійся къ золоту, оттягивается отъ него магнитомъ. Очищенное такимъ образомъ золото взвѣшивается, и потомъ кладется въ мѣдную банку.

Изъ всѣхъ средствъ, служащихъ для механическаго отдѣленія золота изъ песковъ, промывка на плоскомъ вашгердѣ почитается самымъ лучшимъ, при надлежащемъ искусствѣ и стараніи промывальщика. Но для валоваго производства или производства въ большомъ видѣ, эта промывка неудобна, такъ какъ она требуетъ много рабочихъ рукъ, и, кромѣ того, завися отъ произвола промывальщиковъ, не можетъ подлежать строгому учету. При валовомъ производствѣ гораздо выгоднѣе извлекать золото изъ песковъ посредствомъ машинной обработки.

Устройство золотопромывальныхъ машинъ чрезвычайно разнообразно. Вообще онѣ представляютъ собою какъ бы сложный вашгердъ, и ими производятся тѣ же самыя операціи, какія мы видѣли выше, т. е.: а) протирка песковъ, б) отмывка ихъ до сѣраго шлиха, и в) наконецъ, отдѣленіе золота изъ шлиховъ. Машины для промывки золотыхъ песковъ доведены у насъ до большаго совершенства. Одна такая машина, въ двѣ десяти-часовыя смѣны, въ состояніи промыть болѣе 15,000 п. песка.

3. Въездъ въ Ильдую-Защиту.

Изъ Казани выѣхали мы при самой неблагоприятной погодѣ; однако не смотря на грязь и слякоть, татары везли отлично, такъ что въ седьмомъ часу вечера мы были уже въ Шуранѣ, большомъ селѣ на Камѣ, гдѣ слѣдовало черезъ нее перенаправляться. Широкою и полноводіемъ Кама далеко превосходитъ въ этомъ мѣстѣ Волгу подъ Симбирскомъ. Она очень быстра и во время переправы имѣла въ себѣ нѣчто внушающее; ея волны, сильно гонимыя вѣтромъ, съ шумомъ плескались о плохой досчаникъ, который стоялъ и скрипѣлъ самымъ плачевнымъ и заунывнымъ образомъ, и бросали его изъ одной стороны въ другую. «Табань!» закричалъ рулевой, и мы вышли на берегъ, гдѣ горѣлъ привѣтливый огонекъ, около котораго сидѣли перевозчики и варили себѣ уху, отъ которой не отказались бы многіе изъ гастрономовъ.

При самомъ въѣздѣ въ Чистополь легко можно замѣтить, что здѣсь живетъ народъ промышленный и богатый. Много каменныхъ домовъ съ лавками бросаются въ глаза, но особенно оригинальный видъ придаютъ ему вѣтренныя мельницы, которыхъ здѣсь множество. Его положеніе на главномъ торговомъ пути къ сторонѣ Закамской и на большой Оренбургской дорогѣ много способствуетъ его процвѣтанію и богатству. Сюда привозятъ хлѣбъ изъ центральныхъ базаровъ уѣзда и потомъ уже сплавляютъ внизъ по Камѣ, поэтому сбытъ хлѣба составляетъ главную торговую промышленность Чистополя.

Отъ Чистополя до Оренбурга на пространствѣ почти 600 верстѣ, Бугульма единственный городъ. Дорога скучна и пустынна; рѣдко встрѣтишь обозъ, еще рѣже проѣзжаго. Начиная отъ Бугульмы и вплоть до самаго Оренбурга, тянутся съ небольшими промежутками то съ одной, то съ другой стороны Камы отроги Общаго Сырта; мѣстность имѣетъ исключительно степ-теръ. По широкой долинѣ течетъ рѣка Икъ, одна изъ живописныхъ рѣкъ здѣшняго края, орошая эти плодород-ли. Многочисленная стада овецъ, рогатаго скота, ло-

шади, бродячь косяками по степи. Глазь, привыкшій въ Велико-россійскихъ губерніяхъ къ болѣе густому народонаселенію, привыкшій часто встрѣчать на пути деревни, поражается гладкимъ, ровнымъ однообразіемъ степей.

Большая дорога населена татарами, за исключеніемъ нѣсколькихъ русскихъ и мордовскихъ деревень. Русскія деревни — это молодыя колоніи въ татарщинѣ. Островками выдаются онѣ среди татарскихъ деревень, сохраняя съ величайшею заботливостью старинные обычаи и повѣрья родины. Въ особенности это замѣтно на курскихъ переселенцахъ, которыхъ здѣсь болѣе чѣмъ другихъ, перенесшихъ сюда свои малороссійскія привычки. Послѣ закоптѣлыхъ, сѣрыхъ татарскихъ деревень и монгольскихъ лицъ, глазь пріятно поражается, встрѣчая бѣлыя и чистыя мазанки, передъ которыми сидитъ на завалинкѣ, въ бѣлой свиткѣ, хохоль съ длинными усами и смуглымъ правильнымъ лицомъ, или когда вдругъ услышите не монотонную, напоминающую призывы къ молитвѣ татарскую пѣсню, но мелодическій напѣвъ пѣсни малороссійской.

За Оренбургомъ тянется необозримая Киргизъ-Кайсацкая степь, по которой разбросаны кое-гдѣ холмы, придающіе мѣстности волнистый видъ. На каждыхъ 10 или 12 верстахъ разставлены форпосты. Иногда попадаются кибитки киргизовъ, небольшіе выселки, избы изъ тонкаго лѣса, чаще изъ плетня, обмазанныя глиной и выбѣленные.

Вотъ показалось вдали нѣсколько движущихся черныхъ точекъ, — онѣ приближаются, увеличиваются. Вы видите, что движется какая-то большая масса. Вотъ, наконецъ, онѣ, эти точки, передъ вами. Это верблюды, и на первомъ изъ нихъ раскачивается киргизъ въ своемъ малахаѣ. А вотъ ѣдетъ верхомъ и киргизка въ высокой шапкѣ, обвернутой бѣлымъ полотномъ; у ней сзади за спиной торчитъ ребенокъ.

Наконецъ, вдали показалась Илецкая гипсовая гора, а за нею брустверь крѣпостцы Илецкой Защиты — богатѣйшаго въ цѣломъ свѣтѣ мѣсторожденія каменной соли.

Стукъ топоровъ поражаетъ слухъ при самомъ въѣздѣ въ крѣ-

пость, такъ какъ возлѣ нея настоящее мѣсто разработки. Эта маленькая крѣпостца обязана своимъ существованіемъ единственно соляному промыслу. Она состоитъ изъ землянаго вала, имѣющаго видъ неправильнаго четырехугольника. Въ крѣпость ведутъ двое воротъ: въ одни изъ нихъ въѣзжаютъ пустыя фуры для нагрузки соли, въ другія выѣзжаютъ нагруженныя; при послѣднихъ устроена контрольная застава съ вѣсами для взвѣшивания возовъ съ солью, а снаружи гауптвахта. Въ крѣпости помѣщается соляное правленіе, лабораторія, магазины для складки соли и горная школа.

Наружный видъ мѣсторожденія илецкой каменной соли представляетъ волнообразную поверхность, происходящую отъ прежнихъ неправильныхъ работъ киргизовъ, башкирцевъ и мещеряковъ. Они добывали соль ямами и, не имѣя хорошихъ орудій, не зная правильныхъ работъ, мѣняли часто мѣста. Оттого произошли болѣе или менѣе значительныя углубленія, которыя, наполняясь дождевою и снѣжною водою, образовали маленькія озера.

Масса соли въ Илецкой-Защитѣ лежитъ въ видѣ огромной, неправильной глыбы, что въ горномъ дѣлѣ называется солянымъ *штокомъ* *). Штокъ этотъ покрытъ слоемъ земли не равной толщины, отъ нѣсколькихъ аршинъ до нѣсколькихъ сажень; во всѣ стороны отъ него разстилается холмистая степь. На сѣверной сторонѣ возвышается гипсовая гора, оканчивающаяся на западѣ утесомъ. Она издали похожа на огромный, насыпной курганъ и служитъ до сихъ поръ маякомъ для каравановъ, идущихъ изъ Хивы въ Оренбургъ. Гора имѣетъ протяженіе на востокъ, здѣсь уже она не такъ высока и служитъ пристанищемъ, въ бурное зимнее время, киргизамъ, кочующимъ по берегамъ Илека. Гип-

*) Мѣста земной коры, въ которыхъ заключаются полезные минералы, иначе *мѣсторожденія* ихъ, чрезвычайно разнообразны по виду и называются, кромѣ штока: *пластами*, когда минералы лежатъ подъ землею слоями, *жилами*, когда они заключаются въ трещинѣ земной коры, и *розсыпями*, когда ихъ находятъ въ песчѣ и камняхъ по берегамъ и долинамъ.

совая гора служить границею соляному штоку; за нею, по другую сторону идетъ почва плодородная, въ которой незамѣтно никакихъ признаковъ соли. Верстахъ въ двухъ отъ Илецкой-Защиты есть источники прѣсной воды, которые, сливаясь, образуютъ Малую-Ельшанку, огибающую гору и юго-восточную часть штока. Съ западной стороны течетъ Большая-Ельшанка, которая, какъ всѣ степныя рѣчки, то исчезаетъ въ землѣ, то вновь появляется; приближаясь же къ соляному штоку, она расширяется здѣсь на плоской поверхности и частію проникаетъ въ него, а частію исчезаетъ въ топкомъ болотѣ.

Вся неправильная масса штока каменной соли имѣетъ площадь: по Мурчисону — 2 версты длины и болѣе $1\frac{1}{2}$ в. ширины, по Небольсину — отъ сѣвера къ югу, 982 сажени, отъ востока къ западу 609 сажень. Глубина мѣсторожденія соли до сихъ поръ не изслѣдована. Соль образуетъ весьма плотную, чистую массу, въ которой очень рѣдко попадаются тонкіе слои гипса. Кристаллы соли, имѣющіе ромбическую форму, до того плотно соединены, что расплавляются, не рассыпаясь. На поверхности соляной массы кристаллизація крупнѣе, и нерѣдко попадаются кристаллы отъ 10 до 20 фунтовъ вѣсу, но въ углубленіи штока кристаллизація мельче, масса соли постепенно становится крѣпче, скрѣпленія между кристаллами уже незамѣтно, ударъ молота производитъ звенящій, металлическій звукъ. Здѣсь соль изъ цвѣта синевато-бѣлаго переходитъ въ свинцовый и лишена прозрачности. Верхніе же слои имѣютъ совершенно безцвѣтную прозрачность и, отполированные, не уступаютъ хрусталу. Куски такого кристалла съ правильной формой называються сердцевиной, они удобно скоблятся ножемъ, и, когда вся шероховатая поверхность очистится, ихъ полируютъ на камнѣ песчаникѣ. Камень надо часто поливать водою, иначе отъ тренія кристаллъ разогрѣется и растрескается. Изъ сердцевины выдѣлываютъ разныя вещицы: солонки, подсвѣчники, зажигательныя стекла и т. д. Нерѣдко въ кристаллахъ встрѣчаются небольшія скопленія воды около 3—6 капель. На приискѣ показываютъ нѣсколько такихъ обточенныхъ шаровъ, гдѣ видно, какъ капли переливаются въ пустомъ

пространствѣ. Илецкая соль, истолченная въ порошокъ, принимаетъ самый высокій бѣлый цвѣтъ, вкусъ имѣетъ пріятный; вдвое тяжелѣе воды и растворяется въ ней въ пропорціи 20 частей на 100 при обыкновенной температурѣ.

По изслѣдованіямъ 1851 года мѣсторожденіе Илецкой соли заключаетъ въ себѣ болѣе 74 миллиардовъ пудовъ. Съ 1806 по 1852 годъ добыто всего 42,917,170 пудовъ, т. е., среднимъ числомъ, добывалось около 960,000 пудовъ въ годъ. Илецкія копи могли бы снабжать всю Россію (полагая по 35 милліоновъ въ годъ) свою солью въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій.

Способъ добыванія соли до нынѣшняго столѣтія былъ въ высшей степени не рационаленъ; но съ того времени, какъ мѣсторожденіе поступило въ горное вѣдомство (1871), учреждена правильная разработка, называемая *разносомъ*, или, какъ ее тамъ называютъ, *разваломъ*.

Эта разработка происходитъ слѣдующимъ образомъ: сначала копаютъ яму до той глубины, на которой лежитъ соль, и выравниваютъ въ ней поверхность штока. Потомъ на выровненной поверхности вырубаютъ топорами продольныя и поперечныя борозды, т. е. небольшіе рвы, глубиною въ аршинъ, а шириною въ 3 вершка. Разстояніе между продольными 1, а между поперечными бороздами 2—3 аршина. Къ концу этой операціи все соленое поле представляется разрѣзаннымъ на большія глыбы или, какъ ихъ называютъ, *косяки соли*, отдѣленные отъ штока со всѣхъ сторонъ, кромѣ нижней. Для того, чтобы отдѣлить косякъ и съ этой стороны, употребляютъ большое бревно, лежащее на двухъ козлахъ съ боку солянаго штока. Это бревно называется барсъ. Толстымъ концомъ барса, окованнымъ желѣзнымъ обручемъ, бьютъ сбоку въ косякъ, раскачивая барсъ взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока косякъ совершенно не собьютъ съ мѣста. Иногда косяки сбиваются желѣзными клиньями; для этого внизу его просверливаютъ отъ семи до десяти дырочекъ, въ которыя вбиваютъ желѣзные клинья. При каждомъ изъ клиньевъ стоитъ работникъ и бьетъ въ него полупудовымъ молотомъ; отъ напора клиньевъ косякъ отдѣляется отъ штока, сво-

рачивается въ сторону вѣротами и разбивается на комки отъ 2 до 5 пудовъ вѣса тѣми же клиньями и молотками. При этомъ получаются осколки, называемые *щелбнемъ*. Комковая соль составляетъ высшій сортъ, а щелбневая цѣнится дешевле. Та и другая соль выносятся изъ развала и складывается въ *бунты* и *штры* при самой разработкѣ. Каждый кубическій аршинъ той и другой соли принимается въ бунты, по расчету, основанному на опытѣ, за 47 пудовъ. Бунты складываются наподобіе домовъ длиною въ 10—15, шириною въ 5, а вышиною въ 2—3 сажени. Стѣны бунтовъ укладываются правильными камнями и сверху покрываются дубкомъ.

По мѣрѣ того, какъ соль вынимается, углубляется и развалъ. Въ 1852 году онъ былъ глубиною отъ поверхности штока на 10 сажень. Съ восточной стороны разность соединяется съ прежними неправильными разработками, болѣе или менѣе углубленными. Скопившаяся въ этихъ разработкахъ дождевая вода, проникая въ разность, вредно дѣйствуетъ на соль и мѣшаетъ работамъ. Для отлива воды устроена водокачальная машина.

Рабочіе при копаяхъ состояли прежде изъ ссыльныхъ, обращенныхъ въ 1849 году въ горнозаводскихъ. Теперь сюда уже не ссылаютъ, а берутъ для работъ вольнонаемныхъ. Многіе изъ горнозаводскихъ, уволенные отъ работъ, живутъ, по старости и неспособности, въ богадѣльнѣ; другіе успѣли скопить себѣ небольшіе капиталы, живутъ на своемъ содержаніи, имѣютъ дома и населяютъ слободку, подлѣ Защиты. Многіе изъ нихъ нанимаются возить соль и торгуютъ ею. Вольнонаемные рабочіе получали, въ 1852 году, отъ 6—7 рублей въ мѣсяцъ; это, большею частью, татары. Каждый работникъ среднимъ числомъ обязанъ выработать 47 пудовъ соли въ день. Въ дурную погоду, морозы и жары работъ не производится.

Цѣна соли назначается ежегодно особымъ распоряженіемъ, (не свыше 30 коп. за пудъ); на выработку же соли, храненіе ея и другія издержки разработки ассигнуется ежегодно изъ казны сумма, которая, въ 1852 году, рассчитывалась по 2 коп. сереб. съ пуда. Какъ велики издержки на перевозку и доставку соли

опредѣлить трудно; извѣстно только, что онѣ чрезвычайно увеличиваютъ цѣнность илецкой соли, заставляя предпочитать ей въ Россіи другія соли, далеко уступающія илецкой въ качествѣ. Постройка желѣзной дороги чрезвычайно облегчила бы доставку и тѣмъ удешевила бы цѣнность илецкой соли.

Время открытія илецкихъ копей неизвѣстно, но онѣ разрабатываются съ XI вѣка. До 1744 года соль ломалась всѣми безпрепятственно, но уже въ 1727 году была обложена 3-хъ-копѣечною пошлиною. Съ 1744 года копи эти были взяты въ казну, и съ слѣдующаго года начата казенная разработка. Въ 1753 году въ Оренбургѣ учреждено соляное правленіе, а при самыхъ копияхъ и въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ соляные магазины; при этомъ сотникъ оренбургскихъ казаковъ Углицкій, взявшійся поставлять соль въ Оренбургъ, устроилъ здѣсь на свой счетъ защиту или крѣпостцу, въ которую назначенъ гарнизонъ. Во время пугачевского бунта Защита была разорена. Съ 1810 года проложенъ соляной каналъ въ Самару, гдѣ, въ 1817 году, учреждено солянцкое правленіе, перенесенное въ 1828 году въ Илецкую-Защиту.

4. Рыболовство на Уралѣ.

Благосостояніе уральца зависитъ отъ рыболовства. Бакчи съ бабузами и дѣтьми семьи не прокормятъ; добыча солодкового корня — бабѣ дѣло; содержаніе садовъ обычно только у немногихъ казаковъ, да и то уже зажиточныхъ и имѣющихъ осѣдлость около самаго Уральска и выше по Уралу; обзаводиться наживнымъ дѣломъ, баранами, не всякому подъ силу; хлѣбъ сѣять почти негдѣ, особенно въ низовьяхъ рѣкъ; заниматься торговлей разными товарами — капитала не хватитъ. Конечно, рыболовство много требуетъ денегъ, да за то жолн чуть казаку не въ моготу бытъ главнымъ дѣйствующимъ и независимымъ лицомъ, онъ идетъ либо въ работники къ богатому товарищу рыбопромышленнику, либо составляетъ компанію, «артель», изъ такихъ же, какъ и самъ, не сильныхъ средствами пайщиковъ.

Уральцы имѣютъ право рыбачить на р. Уралѣ, въ сѣверной части Каспійскаго моря въ длину верстъ на 100 и въ ширину верстъ на 70, въ озерѣ Чалкаръ, лежащемъ уже по ту сторону Урала, въ Киргизской степи, а также и въ совершенно противоположномъ краю своихъ владѣній, на рр. Узеньяхъ, въ сосѣдствѣ Самарской губерніи. Въ этихъ водахъ уральцы рыбачатъ круглый годъ, подчиняясь строгимъ законамъ.

Подъ городомъ Уральскомъ съ весны устраивается во всю ширину рѣки «учугъ» — перегородка, составленная изъ толстыхъ жердей и кольевъ. Цѣль устройства этого учуга та, чтобы рыба, которая зашла изъ моря въ рѣку, не могла проникнуть дальше учуга, вверхъ по Уралу. Учугъ этотъ стоитъ нѣсколько ниже города Уральска, что и составляетъ отъ взморья верстъ, примѣрно, пятьсотъ съ небольшимъ. Въ промежуткѣ этомъ ни одинъ казакъ не смѣетъ самовольно ловить снастями рыбу. — Рыболовство производится здѣсь всею массою войска, разомъ и въ определенное время, на определенномъ пространствѣ, извѣстными орудіями, — все это лежитъ на обязанности войсковой канцеляріи. Кромѣ того, по р. Уралу, отъ Гурьева городка до города Уральска въ каждомъ форпостѣ*) и крѣпости, независимо отъ мѣстныхъ начальниковъ, обязанныхъ охранять р. Уралъ, какъ отъ лова въ ней рыбы въ неположенное время, такъ и отъ порчи ятовей**), избираются еще особыя дозорщики, изъ отставныхъ казаковъ, вся обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы охранять тишину и устранять всѣ случаи, которые могли бы испугать, всполошить рыбу. Въ неуточное время, дозорщики эти никому не дадутъ въ рѣкѣ выкупаться, никому не дозволятъ выкупать тутъ лошадь, или перегнать скотъ, не дадутъ воды зачерпнуть около ятовей, не дадутъ никому быстро и съ грохотомъ прокатиться по пловучему мосту у Гурьева. Но такъ какъ отъ

*) Форпостомъ въ землѣ уральскаго войска называются села, — то же, что въ другихъ казачьихъ земляхъ станца.

**) Ятовями называются тамъ логовища, въ которыхъ рыба собирается большими стадами.

форпоста до форпоста велико разстояніе и за нѣсколько верстъ трудно усмотрѣть за нарушителями невозмутимой тишины береговъ, то между каждыми селеніями устраиваются три караульные пункта. Вотъ какъ казаки оберегаютъ свою рыбу. Но за учугомъ воленъ всякій хозяйничать какъ ему угодно.

Рыболовство въ уральскомъ войскѣ, естественно, раздѣляется на морское и рѣчное, и самая рыба на красную и черную. Къ первому отдѣлу принадлежатъ всѣ тѣ породы рыбы, у которыхъ спинную кость замѣняетъ хрящъ, вязига. Сюда, стало бытъ, принадлежатъ: бѣлуга, осетръ, шинъ, севрюга и стерлядь. Изъ породъ черной рыбы первое мѣсто занимаетъ сомъ, сазанъ, судакъ и лещъ; потомъ разная мелкая рыба — окунь, ершь и др.

Уральцы, какъ исконные рыбаки, совершенно увѣрены въ томъ, что рыба рождается и растетъ — красная въ Каспійскомъ морѣ, а черная и въ морѣ, и въ озерахъ. Разгуливая въ морѣ, красная рыба, къ веснѣ подходитъ къ берегамъ и входитъ въ самую рѣку, вѣроятно для того, чтобы выпустить икру. Въ маѣ мѣсяцѣ, какъ только вода начнетъ тешлѣть, рыба отъ прибрежій и изъ рѣки уходитъ въ глубь моря; потомъ, съ половины іюля, когда вода становится холоднѣе, рыба снова возвращается на прежнія мѣста, и на зиму избираетъ себѣ постоянныя логовища, которыя и называются ятовями. Зимой, подо льдомъ рыба не идетъ; развѣ только въ первые заморозки и по наступленіи оттепелей. Въ прежніе годы рыбы, какъ въ морѣ, такъ и въ рѣкѣ, было несмѣтное количество. Теперь ее гораздо меньше. Причины тому: во-первыхъ, увеличеніе войсковаго народонаселенія, и во-вторыхъ, обмелѣвіе устьевъ Урала и каспійскихъ култуковъ *). Кто напримѣръ, не слыжалъ названія «Богатый култукъ». Еще въ восьми-сотыхъ годахъ въ немъ была такая бездна красной рыбы, что пловцы, проѣзжавшіе по немъ на лодкахъ, опасались, чтобы ихъ не опрокинуло осетрами и севрюгами: рыба кишмя-кишѣла тутъ и спиралась въ несмѣтномъ множествѣ, такъ что одинъ слой ея стада буквально давилъ другіе слои. Теперь култукъ

*) Култуками называются заливы Каспійскаго моря.

этотъ сухъ и безрыбенъ; надо ждать сильной моряны: тогда только развѣ нагонитъ въ него и воды, и рыбы. Другіе култуки зарасли камышами. А что скажемъ по устья Урала. Лѣтъ за сорокъ назадъ, рѣка Уралъ вливалась въ море восемью рукавами изъ которыхъ четыре были судоходны; теперь вливается она только тремя, и самое глубокое изъ нихъ во время сѣвернаго вѣтра дѣлается до того мелкимъ, что по немъ нельзя проѣхать изъ моря въ маленькой лодкѣ. Вслѣдствіе же обмелѣнія устьевъ и пониженія уровня водъ, противъ устьевъ Урала образовались небывалые прежде острова и подводныя мели: стало быть, рыбѣ нѣтъ возможности входить въ рѣку, по-прежнему, громадными и въ нѣскольکو рядовъ расположенными стаями.

Не смотря, однако, на ничтожныя часто выгоды и даже убытки, уральцы все-таки любятъ свой рыбный промыселъ и не расстаются съ нимъ.

Какая причина этому: привычка ли или наторѣлость въ дѣлѣ, съ которыми народъ вѣками сроднился, или сѣбѣтлыя, заманчивыя, никогда не покидающія надежды на авось и удачу, или закоренѣлое пристрастіе къ занятію, къ которому казакъ готовится точно къ празднику, рассчитывая пустить въ ходъ всю свою сметку и все молодечество, или, просто, крайность и настоятельность нужды, при неплодородіи почвы, на пѣлыя 400 верстъ, отъ Гурьева-городка вверхъ по Уралу, представляющей страшную пустыню, спаленную солнцемъ, иссушенную трещинами и богатую одними солончаками — трудно рѣшить. Смотря по времени года, рыболовство у казаковъ носитъ разныя названія; напр.: съ началомъ зимы производится такъ называемое *презентное багренье*, а послѣ него — *малое и большое багренье*. Презентное багренье или багренье на царскій-кусь продолжается только одинъ день, очень рѣдко долѣе послѣ того, какъ только ледъ окрѣпнетъ, цѣлою массою войска и производится при самой первой отъ города Уральска ятови. Весь уловъ, кромѣ мелочи, и полученная отъ него икра тотчасъ укладываются въ повозки и, съ особенной депутаціей, везется на почтовыхъ въ Петербургъ. Тотчасъ послѣ новаго года начинается «аханное» рыболовство на Каспійскомъ морѣ.

Весной войско принимается за *весеннее* рыболовство въ рѣкѣ и морѣ. Съ 15 іюня по 15 августа всякая ловля, начиная съ Уральскаго учуга вплоть до самаго моря, строжайше запрещается всѣмъ и каждому. Въ августѣ начинается на Каспійскомъ морѣ такъ называемый жаркой ловъ или *осенній курхай*. Въ сентябрѣ на Уралѣ производится *осеннее неводное рыболовство*. Въ глубокую осень уральцы охотятся по островамъ за лебедями, гусями и утками, останавливающимися тутъ на отдыхъ при отлетѣ своемъ на зиму въ теплые края.

Обыкновенныя орудія, употребляемыя при ловляхъ: невода, блесна и строгѣ. Невода вяжутся изъ пеньковой пряжи и бываютъ сотъ по пяти сажень. Къ верхнему канату привязываются поплавки, а къ нижнему глиняные подгрузки. Неводъ вещь дорогая, потому рѣдкій казакъ имѣетъ его. Большою частію, къ такому счастливцу вступаютъ въ компанію пайщики. Блесной рыба удится, а строгой она колется. Блесна — удочка съ кованой, въ видѣ рыбки, пластинкой; на крючокъ для приманки насаживается кусочекъ рыбки, обыкновенно судака. Строга или острога — родъ двуконечной заостренной вилы, насаженной на древяно въ сажень длины. На копейцахъ намѣчены жаберки, чтобы приколота рыба держалась на строгѣ.

Познакомившись съ общими чертами уральскаго рыболовства, перейдемъ къ болѣе частному и подробному описанію нѣкоторыхъ его видовъ. Для этого возьмемъ рыболовство на Каспійскомъ морѣ.

Въ Каспійскомъ морѣ бываютъ три общественныя лова: вешній курхай *), осенній курхай или жаркой ловъ и аханное рыболовство.

*) Курхайскимъ это рыболовство называется оттого, что въ стародавніе годы казаки рыбачили въ такъ называемомъ Курхайскомъ-морцѣ, заливѣ морскомъ, или, правильнѣе сказать, степномъ озерѣ не прѣсномъ, а горь-восоленомъ, соединенномъ съ Каспиемъ небольшою рѣчкою. Морце это впоследствии совершенно высохло, и казаки въ немъ не ловили уже рыбы; между тѣмъ, старинное названіе ловли на Курхай осталось въ войскѣ и перенесено на морской промыселъ.

Морское рыболовство производится цѣлымъ обществомъ казакѣвъ на всемъ пространствѣ войсковыхъ водъ, и въ опредѣленныхъ лишь для того участкахъ, а именно: при обоихъ курхалхъ рыбачать вдали отъ устьевъ, чтобы не помѣшать рыбѣ идти въ рѣку Уралъ, а въ аханномъ, то есть зимою, — какъ можно ближе къ устьямъ, въ томъ вниманіи, что зимою рыба находится постоянно на избранныхъ ею мѣстахъ и въ Уралъ уже не входитъ.

Передъ началомъ лова отъ берега вглубь моря проводятся прямыя линіи выставкою кольевъ и пловучихъ знаковъ на легко видимомъ одинъ отъ другаго пространствѣ: эти прямыя линіи называются *бакенами*. Въ первыхъ двухъ линіяхъ, какъ самыхъ отдаленныхъ отъ устьевъ, промышленники выкидываютъ свои сѣти по жеребью; но количество сѣтей ограничивается общимъ, между желающими тутъ рыбачить, опредѣленіемъ. Въ остальныхъ двухъ линіяхъ, право на выставку сѣтей, на основаніи давнихъ обычаевъ, опредѣляется войсковымъ начальствомъ, именно: каждый простой казакъ въ правѣ выставить шесть сѣтей, а урядникъ девять; чиновникъ оберъ-офицерскаго званія выставляетъ вдвое противъ простаго казака, полковникъ — втрое, а подполковникъ и войсковой старшина только въ два съ половиною раза противъ казака. Назначенное каждому количеству сѣтей, промышленникъ обязанъ выставить въ три линіи, то есть, другими словами, каждому казаку отводится, по жеребью, такое пространство въ морѣ, чтобы въ ширину своего участка онъ могъ выставить въ одну линію третью часть, предоставленныхъ ему по чину, сѣтей, полагая каждую сѣть въ двѣнадцать сажень; за этой первой линіей, онъ выставляетъ второй такой же рядъ сѣтей и, наконецъ, третій рядъ. Стало быть, напримѣръ, войсковой старшина занимаетъ своими орудіями доставшійся ему участокъ моря въ шестьдесятъ сажень ширины и въ каждой изъ трехъ линій выставляетъ по пяти сѣтей; простой же казакъ располагаетъ на пространствѣ двадцати четырехъ сажень и выставляетъ только по двѣ сѣти въ каждомъ изъ трехъ ихъ родовъ. За этими опредѣленными тремя линіями, каждому казаку, каково бы онъ чина ни былъ, предостав-

ляется полное право выставить сѣтей сколько ему заблагоразсудится, гдѣ ему угодно и сколько онъ это въ силахъ сдѣлать.

Но такъ какъ весь снарядъ для морскаго лова обходится чрезвычайно дорого, потому что мореходныя суда, принадлежащія къ нимъ лодки, оснастка, прислуга, ея содержаніе, двухмѣсячный запасъ провіанта, соль для посола рыбы, сѣти и всё принадлежности къ нимъ стоятъ большихъ денегъ, то казаку, и не простому, а даже иному полковнику, нѣтъ никакой возможности довольствоваться только тѣмъ числомъ сѣтей (а стало быть, и улавливаемою посредствомъ ихъ добычею), какое ему представлено по общему обычному положенію. Между тѣмъ, усилить свои средства и занять большимъ количествомъ судовъ и лодокъ мѣста за линіями не всякому по силамъ и по карману. Чтобы облегчить себя въ этомъ отношеніи, у Уральцовъ и введено въ обычай составлять компаніи или, какъ на ихъ языкѣ говорится, — «артели». Но и въ этомъ случаѣ, чтобы предотвратить монополію и не дать какой-нибудь сильной артели захватывать море на большое пространство и въ лучшихъ при томъ для ловли мѣстахъ (а эти мѣста зависятъ отъ направленія вѣтра, въ данное время, и отъ сосѣдства съ устьями Урала) — войсковыми обычаями установлено: право каждой артели ограничивать только девяносто девятью сѣтями, по тридцати по три сѣти на каждую линію, или, круглымъ счетомъ, четырьмястами саженьями ширины морскаго участка, хотя по числу компаніоновъ артели, она имѣла бы право и на большее пространство.

Въ артели на каждую лодку, не на парусное судно, а на вельсильную лодку, полагается по двѣсти сѣтокъ, каждая въ двѣ сажени, при четырехъ рабочихъ, а на каждомъ суднѣ (морской расшивѣ или кусовой) круглымъ счетомъ полагается пять лодокъ. На лодкахъ замечиваютъ сѣти; самое же судно служитъ «становомъ», или «кошемъ», гдѣ сложены всѣ припасы и гдѣ наловленная рыба заготавливается и солится до отвоза на берегъ. Рыба складывается и солится рядами и ярусами въ трюмѣ.

Прежде еще чѣмъ рыболовство откроется, всѣ промышленники съѣзжаются въ Гурьевъ-городокъ и тамъ, по своему выбору

и желанію, записываются у атамана, то есть начальника рыболовства, той или другой бакенной линіи. Предъ наступленіемъ срока окончательнаго выхода въ море, каждый атаманъ собираетъ всѣхъ казаковъ, изъявившихъ желаніе рыбачить во ввѣренномъ его надзору участкѣ, и, въ ихъ присутствіи, начинаетъ метать жеребій: кому именно, или какой именно артели, и гдѣ именно занимать въ морѣ мѣсто. Участники эти занумеровываются такимъ образомъ, что первый номеръ считается съ трехчетвертной глубины отъ берега въ море; за нимъ идетъ второй номеръ; тамъ третій, четвертый и такъ далѣе. Стало быть, первый номеръ ближе къ берегу, второй дальше, третій еще дальше и такимъ образомъ все глубже и глубже въ море.

Когда дѣло съ жеребьями будетъ покончено, и мѣста счастливыя и несчастливья, удачныя и неудачныя, раздадутся, казаки выѣзжаютъ въ море, и тамъ атаманъ прежде всего выставляетъ бакены, а потомъ уже въ этой, обозначенной бакенами, чертѣ отмѣриваетъ каждому промышленнику, или артели, слѣдующій имъ по жеребью участокъ. Самыми счастливыми и удачными мѣстами почитаются номера седьмой, восьмой, девятый и десятый; въ остальныхъ все зависитъ отъ случая и удачи. Если вѣтеръ дуетъ съ моря, счастье клонится на сторону тѣхъ, которые расположились ближе къ берегу; перемѣнится вѣтеръ и подуетъ съ берега — счастье переходитъ къ тѣмъ, которые рыбачатъ дальше отъ береговъ. Выѣзжаютъ даже версть за восемьдесятъ отъ береговъ, бываетъ и ближе, но преимущественно собираются версть за сорокъ и за пятьдесятъ отъ прибрежій.

Каждый казакъ-рыбопромышленникъ на отведенномъ ему участкѣ тотчасъ же выставляетъ всѣ сѣти; при благополучной погодѣ ежедневно нѣсколько разъ, и обыкновенно раза два объѣзжаетъ свой участокъ, рѣдко самъ, больше дѣйствуетъ черезъ рабочихъ, «перебираетъ порядки», то есть осматриваетъ сѣти, вынимаетъ попавшуюся рыбу, отмѣчаетъ въ кошъ, то есть на станъ; порванныя рыбою снаряды замѣняетъ новыми и распоряжается всѣмъ, чтобы нигдѣ не упустить своихъ выгодъ. Разумѣется, тѣмъ больше попадаетъ въ сѣти рыбы, тѣмъ чаще пере-

бираются съѣти, и, стало быть, тѣмъ выгоднѣе для казака хозяина, и тѣмъ больше хлопотъ его работникамъ; бываетъ и наоборотъ.

Вынутую изъ сѣтей рыбу везутъ на станъ и тамъ ее «раздѣлываютъ», то есть распластываютъ и превращаютъ въ товаръ. Распластанную рыбу солятъ, вынувъ предварительно изъ нея икру, внутренности, хрящъ и пузырь. Пузырь, или *клеину*, отмачиваютъ не менѣе сутокъ въ водѣ, чтобы кровь на немъ не засохла, иначе онъ будетъ никуда негоденъ. Клеины вынимаютъ изъ воды въ ясную погоду: каждый пузырь разрѣзывается и разстилается на доскѣ, клеиною вверхъ; когда она просушится, тотчасъ отдираютъ ее отъ пленки, называемой «сдиркомъ» и потомъ либо складываютъ клей въ пачки, то есть каждый листокъ ея закручиваютъ и свертываютъ въ такъ называемый «*кдрлукъ*», либо въ подковку.

Сдирки съ клею, виѣстѣ съ внутренностями, т. е. съ потрохомъ, идутъ въ пищу рабочимъ; потрохъ этотъ очень вкусенъ, но народъ имъ пренебрегаетъ, и питается охотнѣе маленькими бѣлужонками, которыя, по мелкотѣ, въ продажу не идутъ. Тутъ экономничать не любятъ.

Рыбій хрящъ то же сперва вымачиваютъ въ водѣ; потомъ изъ него вытягиваютъ, то есть извлекаютъ изъ середины его рукою, при помощи большого пальца, жидкое вещество, называемое «скрыпъ», или спинной мозгъ, и такимъ образомъ превращаютъ хрящъ въ «вязигу», потомъ вязигу сушатъ, вяжутъ ее въ пучки, большею частію по двадцати пяти прутьевъ на пучокъ, и въ этомъ видѣ, то есть пучками, продаютъ, но ужъ не счетомъ, а на вѣсъ.

Рыбу разрѣзываютъ ножемъ по самой серединѣ тешки и, распластавъ такимъ образомъ, солятъ пластами же, ярусъ на ярусъ. На сотню рыбъ, соли идетъ, глядя по обстоятельствамъ, восемь, десять и двѣнадцать пудовъ.

На Курхайскомъ рыболовствѣ, съ самаго начала лова, попадаетъ болѣе всего бѣлуга и, отчасти, осетры, но въ продолженіе самаго рыболовства ловится предпочтительно только одна севрюга, самаго высокаго достоинства; другія породы не попадаются въ

это время. Но какъ только начнутъ появляться сазань и севрюга съ выметанною икрою, а это бываетъ около первыхъ чиселъ мая, то это служить уже вѣрнымъ признакомъ того, что красная рыба скоро исчезнетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ покончится и вся добыча. Тогда ужъ начинаютъ казаки ловить черную рыбу, но не всегда на продажу, а больше для собственнаго пропитанія. Въ старые годы, черная рыба и провоза не стоила; но теперь, просоленная въ корень, она составляетъ замѣчательную статью торговли. Если сотня свѣжепоселенной рыбы вѣсить, примѣрно, пятьдесятъ пудовъ, то ее пока довезутъ до Уральска, она успѣетъ уже повисохнуть и, стало быть, потерять часть своего вѣса, такъ что въ Уральскѣ, въ той же сотнѣ рыбъ, будтъ не 60, а только тридцать пудовъ вѣсу. Эта рыба не доходитъ до Москвы, а распродается по приволжскимъ губерніямъ и на нижегородской ярмаркѣ: въ жаркое лѣто, особенно къ концу, она совершенно высохнетъ и *«затолокнетъ»*, а при небережѣ, отъ воздуха и зараждающагося червя, особенно если рыба была некруто посолена, приходитъ въ негодность.

Уральцы готовятъ превосходнаго качества балыки; но не въ очень большихъ запасахъ, такъ что они не составляютъ значительнаго предмета торговли; рыба продается преимущественно соленою и сушеною, слѣдовательно вяленою, подъ названіемъ *«коренной»* или *«жаркой»*. Послѣ этого товара, главныя статьи: икра, клей и вязига.

Обыкновенно на весеннемъ курхаѣ добывается однихъ только севрюгъ отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ штукъ: стало быть, по меньшей мѣрѣ, получается отъ этого, кромѣ коренной рыбы, еще шесть тысячъ пудовъ икры, сто пудовъ клею и сто пудовъ вязиги.

Вотъ изъ этой-то, преимущественно севрюжьей; икры Уральцы и готовятъ такъ называемую *«паюсную»* икру (свѣжая, то есть малосольная, выдѣлывается изъ всѣхъ сортовъ красной рыбы). Считаю вовсе нелишнимъ изложить здѣсь уральскій способъ приготовленія икры.

Вынутая изъ рыбы икра кладется на грохотку (длинное

четырёхугольное рѣшето особаго устройства, съ скважинами въ величину зеренъ икры); грохотка эта накладывается на «чуманъ» (родъ большаго корыта не съ развалистыми, а довольно узкими краями), либо на «пересѣкъ» (т. е. лагунъ, или боченокъ, сдѣланный изъ липоваго дерева и распиленный на двѣ равныя части). Въ чуманъ, или въ пересѣкъ, наливается свѣжая вода и насыпается соль, сообразно съ пропорціей икры: эта посоленная вода называется «тузулукъ». Для такъ называемой свѣжей икры идетъ фунтъ соли на пудъ икры (при свѣжей икрѣ воды вовсе не употребляется), а при выдѣлкѣ паюсной икры расчетъ совсѣмъ другой. Чѣмъ тузулукъ круче и солонѣе, тѣмъ лучше; но вся важность тутъ не столько въ количествѣ соли, сколько во времени, употребленномъ на посоль, или, собственно говоря, въ продолжительности мѣшанія сырой икры въ тузулукъ. Обыкновенно берется тузулку въ полтора раза больше противъ пропорціи икры (именно на пудъ послѣдней нужно полтора пуда тузулку): засольщики, уже увеличинѣ зерна, дѣлають свои соображенія о томъ: долго ли нужно мѣшать въ тузулукѣ икру, чтобы она совершенно просолилась? По окончаніи этой операціи, икра отливается въ рѣшета, тузулукъ отдѣляется и идетъ на новые запасы икры. Въ то время, когда икра, положенная на грохотку, протирается, зерна, падая сквозь отверстія рѣшета въ чуманъ, оставляють послѣ себя на грохотѣ слизи и жилы, или такъ называемую «сыбоину»; ихъ употребляютъ въ пищу, пока они еще свѣжи и вкусны; будучи же насыщены солью, онѣ горькнутъ и, какъ негодныя къ употребленію, бросаются. Когда вся икра проскочить въ чуманъ, то грохотки снимаются и потомъ уже засольщики начинаютъ ее мѣшать въ тузулукѣ «итшалками», то есть шестами, длиною въ сажень, стесанными книзу лопаточкой. Когда икра «доспѣетъ», то есть осолится на столько, сколько нужно, и выльется на рѣшета, причемъ весь тузулукъ стечетъ въ особое помѣщеніе, въ новый чуманъ, то ее перекадываютъ въ «пещерки» (пещерокъ—небольшой рогоженный кулекъ) и кладутъ подъ «жомъ» (гнетъ, прессъ) такой тяжести и на такое время, чтобы изъ икры вся вода была выжата. Каждый пещерокъ можетъ вмѣщать въ себѣ 3—4 пуда

икры. Когда наполнять съ десятокъ такихъ, пресерованныхъ уже, неперцовъ, тогда икру окончательно перекадываютъ въ липовыя и, очень рѣдко, въ осиновыя бочки, изнутри обложенныя холстомъ, предварительно смоченномъ въ рыбьемъ жирѣ. Эта икра называется «самфеточною». А то и просто икру перекадываютъ въ бочки, безъ холщевой обложки.

Бочка икры вѣситъ съ тарою 27 дудовъ, а brutto 25 пудовъ. Точно такая же икра укладывается, вмѣсто бочекъ, въ холщевыя мѣшки для розничной продажи и для «презентовъ» Высочайшему двору: эта икра называется «мѣшочною». Когда эта икра испортится, то есть совершенно высохнетъ, окрѣпнетъ и затолкнется, тогда она принимаетъ тотъ видъ, въ какомъ обыкновенно распродается въ мелочныхъ напихъ лавкахъ, подъ исключительнымъ названіемъ паусной икры, кототрую надо уже рубить хорошимъ ножемъ и жевать очень здоровыми зубами, чтобы переработать ее для принятія въ желудокъ. «Садковая» икра — это общее названіе всякаго рода свѣжей, то есть мало-солевой, икры; она укладывается въ такъ называемыя садковыя или липовыя боченки. Чистый вѣсъ ихъ четыре и пять пудовъ; въ самомъ боченкѣ считается тары, т. е. дерева, 25 фунтовъ. Полусадковый боченокъ считается вполы; а малые боченки бываютъ отъ 10 до 18 фунтовъ чистаго вѣса. Стало быть, выраженіе настоящая садковая икра не имѣетъ ровно никакого значенія, кромѣ того, что это такъ называемая свѣжая икра.

Балыковъ у уральцевъ продается очень мало, — во всемъ войскѣ пудовъ пятьсотъ, можетъ быть и больше, но ужъ никакъ не болѣе тысячи пудовъ. Лучшіе балыки приготовляются изъ шиповъ и осетровъ, а также изъ бѣлуги. Высшіе сорта выдѣлываются въ Уральскѣ (тамъ пудъ балыка продается по 40 руб. асс.), въ Гурьевѣ-городкѣ промышленность эта менѣе удачна (пудъ продается по 28 руб. ассигн.), потому что тамъ и слишкомъ жарко, и слишкомъ сыро; да и рыбы хорошей не остается, кромѣ бѣлуги, почти никакой никогда, а вся лучшая рыба везется на продажу въ Уральскъ: оттого всѣ балыки въ Гурьевѣ выходятъ не хороши.

Уральскіе балыки, безспорно, превосходны, но нельзя не замѣтить, что они уступаютъ въ своемъ достоинствѣ высшимъ сортамъ, то есть старательно приготовленнымъ, балыкамъ астраханскимъ и донскимъ. Уральцы отдаютъ даже предпочтеніе сальянской икрѣ передъ собственною своею, кромѣ багреной, и говорятъ, что причина этого заключается въ томъ, что ихъ, уральская икра, безпрестанно, во время пути отъ Гурьева и до Уральска, и отъ Уральска до обѣихъ столицъ, подвергается безперемежной тряскѣ, тогда какъ сальянская икра везется водою постоянно, вслѣдствіе этого сохраняетъ въ себѣ надлежащую степень влажности, а отъ этого она и лучше, и мягче.

По окончаніи курхая, зажиточные промышленники весь товаръ, и рыбу, и клей, и вязигу, и икру, везутъ въ Уральскъ либо для продажи съѣхавшимся сюда иногороднымъ купцамъ, либо для отправленія собственными средствами во внутрь Россіи, по заказу, на ярмарки, особенно въ Нижній-Новгородъ. Менѣе состоятельные промышленники весь добытй ими рыбный товаръ продаютъ своимъ капитальнымъ собратамъ, икру и клей вѣсомъ, вязигу — пучками, а рыбу счетомъ, по-сотенно. При этомъ каждая, напимѣръ, севрюга, въ которой мѣры меньше аршина, считая отъ глаза до нароста, или до «*краснаго пера*», называется «*недомѣрка*»; два такихъ недомѣрка, или «*чолбыша*», считаются за одну рыбу. Это правило, соблюдаемое еще въ строжайшей степени астраханскими капиталистами, у которыхъ за одну рыбу берется три «*чолбыша*» — учрежденіе очень старое: на него есть много указаній въ актахъ историческихъ, относящихся еще къ началу XVII столѣтія. Эта продажа, близъ мѣсть добычи, производится на пристани у Сухой-Подстѣпки, въ 12 верстахъ отъ Гурьева-городка.

«*Аханное*», или зимнее, морское рыболовство производится тѣмъ же порядкомъ, съ тѣми же жеребьями, и съ тѣми же ограниченіями правъ рыбопромышленниковъ, какъ и на рыболовствѣ курхайскомъ, съ тою разницею, что казаки выѣзжаютъ въ море не на судахъ, а по льду, въ саняхъ. Называется же это рыболовство аханымъ, потому что рыба тутъ ловится «*аханами*».

Аханы — это такія же двѣнадцати-саженные въ длину сѣти, какія употребляются и на курхаяхъ, съ тою разницею, что въ послѣднихъ сѣти имѣютъ по 18 ячей при двухъ-саженныхъ стѣнкахъ сѣти, у ахановъ считается тоже 18 ячей, но ячей эти нѣсколько мельче, да и стѣнки, то есть ширина сѣти, бываютъ обыкновенно пятисаженной мѣры, или и глубже. Впрочемъ, обыкновенно бываетъ такъ, что чѣмъ дальше въ море, тѣмъ крупнѣе ячей, потому что на глубинѣ и рыба крупнѣе водится.

Аханы употребляются такимъ образомъ, что сначала на льду пробиваютъ проруби прямыми линіями. Конецъ ахана привязывается къ длинному шесту, посредствомъ котораго сѣти эти и тянутся во всю линію, занимая каждая по двѣ проруби. Чтобы проще пояснить это, представимъ себѣ двѣ проруби, разстояніемъ одна отъ другой на двѣнадцать саженъ; одну прорубь отмѣтимъ буквою *a*, другую буквою *b*. Сначала аханъ просовывается въ прорубь *a*; одинъ его конецъ придерживается подворою на поверхности проруби, посредствомъ палки или доброй жерди; другою конецъ просовывается «прогономъ», то есть шестомъ съ шишкой на концѣ, до проруби *b*; тамъ онъ вынимается посредствомъ багра на поверхность льда и опять нацѣпляется, надъ прорубью, на палку. Отъ нижней поверхности льдины до дна морскаго, глубина бываетъ различная, и семь саженъ, и мельче, и глубже; а глубина, или «стѣнь» ахана имѣетъ пять, а если ячейки очень крупны, то и болѣе саженъ. Аханъ никогда не бываетъ крѣпко натянутъ — (иначе рыба будетъ понимать грозящую ей опасность), а держится на «слабкѣ», то есть въ водѣ играетъ; рыба на ходу тоже «суводитъ», то есть производитъ неравномерное колебаніе окружающей ее влаги: отъ этого она не замѣчаетъ ахана и запутывается въ немъ; да вообще ее загоняетъ, наталкиваетъ на аханъ теченіемъ, которымъ самое ее несетъ въ ту или другую сторону. Разумѣется, что въ сильные вѣтры рыбы не ловится, потому что бурнымъ теченіемъ поднимаетъ всѣ аханы, не смотря на пригрузки. Аханъ нижнею подворою касается почти самаго дна морскаго; если глубина будетъ простираться даже до семи саженъ, то широкая «стѣнь» ахана, вымокшая и

тяжелая, опускается ниже и ниже въ воду: а такъ какъ рыба идетъ почти у самаго дна, то ее на аханы и наносятъ. Аханы выставляются рабочими по указанію хозяевъ, которые сами ѣздятъ по морю и указываютъ гдѣ нужно «выставить мѣсто», то есть поставить аханъ. Рабочая артель (уже не въ смыслѣ компаніи) состоитъ изъ четырехъ, а двойная изъ осьми работниковъ. На обязанности этихъ рабочихъ лежитъ нѣсколько разъ въ день «наслушивать» аханы, то есть взяться рукой за конецъ ахана и, по тяжести его, сообразить попала ли въ него добыча. «Наслушавъ», что въ аханѣ есть что-то, работникъ вытаскиваетъ его изъ проруби (спустивъ, разумѣется, одинъ конецъ и вытягивая вонъ изъ проруби за другой) и вынимаетъ изъ него либо осетра, либо севрюгу, либо шипа, либо бѣлугу, а нето и просто большущую льдину. Оporожнивъ аханъ, работникъ снова опускаетъ его въ воду. На аханное рыболовство выѣзжаютъ казаковъ гораздо меньше, чѣмъ на прочіе морскіе промыслы. Причина та, что обзаведеніе аханщика стоитъ очень дорого, а это не всякому уральцу съ руки и возможно только людямъ зажиточнымъ, а зажиточностью славятся, большею частью, одни гурьевцы. Изъ нихъ выдаются такіе богачи, что выѣзжаютъ подводахъ на пятидесяти, то есть имѣютъ до пятидесяти человѣкъ работниковъ. Всякому казаку на каждый возъ необходимо имѣть: работника, лошадь съ сбруею и попоною, сани со всѣмъ приборомъ, пятьдесятъ штукъ ахановъ, а каждый аханъ стоитъ отъ рубля до полутора рублей серебромъ: это ужъ одно составляетъ значительный капиталъ, если присовокупить къ тому двухъ-мѣсячный запасъ провіанта и фуража. Кромѣ того, на каждый аханъ нужно имѣть достаточный запасъ дубильной травы (вермека), на каждый аханъ нуженъ камень, фунтовъ 7 или 8, да конецъ веревки, сажени въ $3\frac{1}{2}$ или въ четыре, да шесты для прогоновъ, да жерди для кольевъ, на которыхъ аханъ придерживается у проруби: мелочей, хотя и ничтожныхъ, но все имѣющихъ цѣнность, тутъ множество; стало быть, и одинокому казаку-небогачу, на свой единственный пай, расходовъ приходится очень много.

На аханномъ рыболовствѣ ловится преимущественно бѣлуга;

очень мало бывает осетровъ. Старики рассказываютъ, что въ давнія времена въ аханы попадались бѣлуги пудовъ въ двадцать, даже въ сорокъ и больше, а осетры, пудовъ въ восемь и въ девять; но теперь считается большою рѣдкостью поймать двадцатипудовую бѣлугу или семи-пудоваго осетра. Севрюги въ аханы попадаетса довольно; порядочно бываетъ и шипа, и бѣлорыбицы.

Рыба здѣсь не раздѣливается, то есть не распластывается и не солится; вообще у нея распарывается одна только тешка и выдѣливается клей и икра, но уже не вязига: она, вмѣстѣ съ внутренностями, остается въ рыбѣ, которая и продается цѣльною, то есть «колодкой». Икра готовится въ началѣ лова малосольною, то есть что мы называемъ свѣжею, а подь конецъ лова — паусною, извѣстными уже намъ изъ предъидущаго, способами.

Аханная рыба, замороженная на мѣстѣ лова, и икра раскупаются въ Гурьевѣ поджидающими уже тамъ ловцовъ скупщиками этого товара, и потомъ вывозится въ Россію черезъ Уральскъ, гдѣ со всей добытой аханами свѣжепросольной икры, при вывозѣ изъ войсковыхъ предѣловъ, взимается по $\frac{1}{2}$ коп. сер. съ пуда пошлины въ войсковую казну.

Если аханная рыба послѣднаго лова прибудеть въ Уральскъ уже во время оттепелей, и если не станетъ возможности отправить ее безъ поврежденія внутрь Россіи, то она упадетъ въ цѣнѣ и распродается весьма дешево: изъ этихъ-то большею частію остатковъ уральцы и заготовляютъ балыки, которые, въ свое время, отправляются на нижегородскую ярмарку.

Каждая артель размѣщается особымъ станомъ, становищемъ, кошемъ; это — кошары, войлочные шатры, наподобіе киргизскихъ джуламеекъ, въ видѣ усѣченнаго конуса. Внутри кошаровъ, на сѣту, разложены пучки камыша и подстилки изъ сѣна, замѣняющія всякую мебель, диваны и кровати; въ самой срединѣ расчищено мѣсто для огня. Вокругъ кошаровъ разставлены сани, къ которымъ привязаны лошади, защищаемыя отъ холода и бурновъ (свѣжныхъ мятелей) длинными и широкими войлочными пононами. Лошади берегаются за изгородью, устроиваемую изъ

заготовленнаго для топлива камыша, мѣшковъ съ овсомъ, иногда сѣна и прочаго. По мѣрѣ того, какъ измѣняется направление вѣтра, и изгородь переносится на другую сторону кошаровъ. Надобно замѣтить еще и то, что когда море покрывается льдомъ, то ледъ этотъ время отъ времени понемножку ломаетъ и крошитъ. Отъ этого на льду образуются ледяные бугры и кочки; это; «храпы». Тутъ льдины, нагроможденныя одна на другую въ безпорядкѣ, подвергаются постоянному вывѣтриванію; если ихъ растопить въ котлѣ, то соляныя частицы выпариваются, и остается чистая вода: эту-то воду и пьютъ люди, а самъ по себѣ ледъ и солонъ, и горекъ. Но, чтобы поить лошадей, къ этой операциіи прибѣгать невозможно: топлива мало, его надо беречь; лошадямъ задаютъ толченые храпы, и если случится, то онѣ ѣдятъ и снѣгъ. Конечно, отъ этихъ лишней лошади очень худѣютъ, но за то весной онѣ отъѣдаются въ волю.

Недавно мы имѣли случай читать описаніе бѣдствій, претерпеваемыхъ аханщиками на морѣ (въ Москвитянинѣ, за 1854 годъ). Авторъ, самъ казакъ и самъ, какъ видно, на дѣлѣ знакомый съ аханскимъ рыболовствомъ, чрезвычайно картинно и съ сочувствіемъ изобразилъ бѣдствія своихъ товарищей по промыслу. Вотъ, въ краткихъ словахъ, смыслъ его разсказа, въ связи съ переданными мнѣ въ Уральскѣ свѣдѣніями.

Непривычному къ морю человѣку очень трудно сначала догадаться, что онъ находится «въ относѣ». Отломленныя льдины бываютъ иногда длиною верстъ въ тридцать, въ сорокъ и даже пятьдесятъ. Если промышленникъ находится въ срединѣ такой льдины, то ему и въ умъ не придетъ, что его несетъ по морю: этого незнакомый съ дѣломъ человѣкъ ни по чему примѣтить не можетъ: льдина движется тихо, и народъ, на ней находящійся, рѣшительно не чувствуетъ этого движенія. Отломъ льдины, конечно, сопровождается трескомъ, но случается такъ, что или люди проспятъ этотъ трескъ, или трескъ, раздавшійся вдали, не донесется до ихъ слуха. Они узнаютъ объ этомъ либо по пугливымъ движеніямъ лошадей, либо по киданію лота, либо по солнцестоянію. Они помнятъ, что легли спать головой къ востоку, а теперь, проснув-

шись, видяты, что изголовья ихъ очутились на западъ: вѣрный признакъ, что льдину оторвало и перевернуло въ сторону. Ни мало не медля, они опускають лотъ, то есть канатъ съ привязаннымъ къ нему камнемъ, и еще вѣрнѣе убѣждаются, что находятся не на стоячей, а на пловучей льдинѣ. Этотъ же самый лотъ указываетъ и на теперешнюю ихъ глубину и на качество морскаго дна: мягкое ли оно, или песчаное, или илистое. Промышленники не теряють присутствія духа и довольно спокойно продолжаютъ рыбачить, потому что знаютъ по опыту, что разстоянiе между ихъ льдиной и «чернями», то есть взморьемъ, Богъ дастъ, скоро занесетъ молодымъ льдомъ и скуетъ морозомъ, тогда можно будетъ убраться домой по-добру, по-здорову. Не занесетъ полынья морозами и не свяжетъ оторванной льдины съ твердыми льдами въ черняхъ — такъ и это не бѣда: рано ли, поздно ли — все же ее припретъ легонечко къ новой сплошной массѣ льда, не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ на *Кіань-морь* (такъ уральцы зовутъ Каспій), либо у *Марышлака* (такъ уральцы называютъ полуостровъ Мангышлакъ), либо у *Колтиннаго-Кряжа* (окраины полуострова Бузачи).

Когда «зьярыкъ», то есть разсѣлина между льдинами, полынья, подмерзнетъ, хоть на полтора или на два вершка толщины, уралець преспокойно перебирается на крѣпкій ледъ; но такъ какъ тутъ очень легко случиться, что сани его будутъ проваливаться, то смѣтливый казакъ подвязываетъ къ ихъ задку арканъ, а конецъ его затыкаетъ себѣ за кушакъ. Чуть только ледъ хрустнулъ, подломился, и сани окунулись въ волны, казакъ выскакиваетъ изъ нихъ на ледъ, тянетъ сани изъ провала за арканъ, облегчаетъ ихъ отъ излищей тяготы и груза, выбрасывая рыбапо-рыбѣ добытую поклажу, и опять ѣдетъ себѣ впередъ. Если разсѣлины не широки, не шире, по крайней мѣнѣ, полутора аршинъ, то казакъ, въ крайнихъ случаяхъ, спасается, перескакивая съ льдины на льдину; на такомъ пространствѣ и дошадь, безъ особыхъ понужденій, духомъ перемахнетъ черезъ щель вмѣстѣ съ санями. Но если пространство между пловучей льдиной и стоячимъ крѣпкимъ льдомъ очень широко и долго не замерзаетъ — такъ

ужь тутъ казаку плохо приходится. Но русская натура — чудная натура! Казакъ и тутъ не впадаетъ въ уныніе, не повѣситъ носъ, не придетъ въ отчаяніе, не скорчитъ безнадежной гримасы: онъ только лишній разъ-другой почешетъ въ затылкѣ, раскинетъ умомъ-разумомъ и, благословясь, принимается «мостить мостъ» изъ льдинъ.

Мостъ мостятъ вотъ какимъ манеромъ. Съ одного конца пловучей льдины, на которой стоитъ народъ, выкалываютъ пешнями (небольшими желѣзными ломами) длинный кабанъ льду и на арканахъ, которыми его опутываютъ, подталкиваютъ его къ расцѣлившѣ шестами и баграми приставляютъ его къ своей пловучей льдинѣ, у окраины которой вбиваютъ пешни и къ нимъ прикрѣпляютъ первый кабанъ. Потомъ идетъ въ дѣло второй кабанъ, тамъ третій, и такимъ образомъ мостъ изъ льдинъ готовъ. Разумѣется, такіе мосты нельзя мостить при значительной ширинѣ расцѣлины. Въ такихъ случаяхъ казаку остается одно средство: махнуть по-морю, аки по-суху, просто на санихъ. Казакъ рѣжетъ лошадь, дѣлаетъ изъ шкуры два бурдюка, надуваетъ ихъ воздухомъ, подвязываетъ по бурдюку къ каждому полозу и, употребивъ, вмѣсто весель, оглобли, садится въ сани и ввѣряетъ себя велеціямъ судьбы. Онъ только жизнь спасаетъ, а вовсе уже не заботится о покинутой добычѣ и цѣнныхъ снарядахъ. Онъ знаетъ, что Богъ дастъ день, дастъ Богъ и пищу: а впрочемъ, что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ: Его святая воля!

Но вотъ, не дай Боже, когда льдина шибко сойдется съ другою льдиною, когда начнется «ломъ»; раздается страшный шумъ; трескъ и стукъ ужасный, льдины ползутъ на льдины, огромные обломки ихъ трутся одни объ другіе, вертятся, одна на другую напираетъ, подпираетъ и вздымаетъ ее горой, громоздится еще выше и уничтожаетъ все въ своемъ стремленіи, — тутъ совершаются едва вообразимые уму сумятица и хаосъ. Отъ этого такъ называемаго «лома», въ разныхъ мѣстахъ моря, вздымаются цѣлыя гряды высокихъ бугровъ, называемыхъ «шиханами».

Уральцы, еще издали слышавъ ломъ, начинаютъ чутко прислушиваться къ далекому стону и шуму и торопливо готовятъ

лошадей. Если ломъ, сколько можно положиться на чувство слуха, приближается къ нимъ, то промышленники кидаются искать спасенія, предоставляя себя инстинкту лошадей, которыя скачутъ въ противоположную сторону отъ лома. Если ломъ близко отъ кошаровъ, казаки бросаютъ все, и рыбу, и «сбрую», то есть снасти, и ужъ не думаютъ ни о «выдираніи» разставленныхъ въ морѣ ахановъ, ни о сбереженіи товара, ни о чемъ, а только, второпяхъ, захватываютъ за пазуху, сколько попадется, хлѣба, садятся на лошадей, запряженныхъ въ пустыя сани, и мчатся, куда вынесетъ ихъ вѣрный конь. Но скоро ихъ встрѣчаетъ новое бѣдствіе; ледъ не сдерживаетъ, сани проваливаются, впереди страшныя полыньи, передъ глазами ходенемъ-ходящія волны; съ каждымъ шагомъ ледъ становится тоньше и тоньше; у краинъ его появляется «саушъ», то же что сибирская «шуга» — мелкія, жидкія, въ родѣ каши сгустившіяся льдинки; казаку, повидимому, нѣтъ ужъ никакого спасенія — и онъ, опять уже при послѣдней крайности, начинаетъ готовить «пузыри», т. е. бурдюки.

Участь бѣдныхъ животныхъ, не менѣе того, очень жалка. Когда казакъ былъ еще не въ явной опасности, и тогда ихъ бѣдняжекъ, плохо кормили: вмѣсто воды, ихъ поили толченымъ льдомъ; овса въ запасѣ было мало: въ кормъ лошади подмѣшивали собственный ея навозъ. Но наступила пора, что казаку и самому ѣсть было нечего: онъ рѣзалъ лишнюю лошадь и питался ея «маханиной» (мясомъ); оставшіяся въ живыхъ животныя были безгласными зрителями ея мученій и издыханія, предчувствуя участь, имъ самимъ грозящую. Теперь, когда уральцу надо думать только о самомъ себѣ, надо спастись отъ бѣды, спастись отъ товарищества привычной къ нему скотины, могущей присутствіемъ своимъ затруднить его избавленіе отъ видимой смерти, ему ужъ некогда, ему нельзя милосердствовать къ безсловеснымъ; онъ прикалываетъ ихъ одну за другою или, связавъ имъ ноги, сталкиваетъ ихъ съ льдины въ море; несчастный конь бьется подъ ножемъ, захлебывается въ волнахъ, старается какъ-нибудь зацѣпится за окраины и выползть, выскочить оттуда, — но и послѣднія силы его оставляютъ: онъ гибнетъ и срывается подъ льдины.

Случалось, хотя и рѣдко, что и человекъ гибъ, потонувъ въ морскихъ пучинахъ, либо замерзнувъ во время блужданія по неизмѣримому пространству, покрытаго льдомъ, моря. Случалось, что астраханскіе ловцы спасали отъ близкой смерти уральца, безнадежно отнесеннаго въ морскую даль плувчими льдами, на которые ловецкое судно нечаянно наносило погодою или приманкою добычи тюленя-бѣляка. Случалось и то, что на Уралъ возвращался, едва волоча ноги, одинъ конь казачій, впряженный въ пустыя сани, въ которыхъ сѣдокомъ сидѣлъ лишь обледенѣлый трупъ хозяина, погибшаго голодною смертью: и не одно когда-то близкое ему сердце трепетно сжималось въ груди родныхъ и товарищей, которые набожно крестились объ упокоеніи души безсильнаго ахачника и тихо приговаривали: «царство ему небесное — ле ной его косточки на томъ свѣту!»

15. Очеркъ изъ быта уральскихъ казаковъ.

Между Красноярскимъ и Харкинскимъ форпостами, на правомъ, нѣсколько отлогомъ, берегу Урала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ *Ишка-Горынычъ* (Уралъ), упираясь въ высокій, обрывистый яръ, дѣлаетъ крутой поворотъ налѣво, отдыхали рыболовы-северюжники. Это были рыболовы *отсталые*, или такъ называемые *зады*. Главная же масса казаковъ-рыболововъ, или такъ называемое *войско*, ушла въ то время далеко впередъ, внизъ по теченію Урала, и располагалась рубежомъ между Гребенщиковскимъ форпостомъ и Кулагинной крѣпостью, что будетъ отъ Красноярскаго форпоста верстахъ въ 50-ти или около того.

Въ тотъ годъ, къ которому относится разсказъ, весна была поздняя и неудачная. Водоразлитіе было малое или почти его и вовсе не было. Уралъ немного поднялся или, какъ говорятъ казаки, вздулся, запѣнился, покрылъ только *косы* (низкіе песчаные острова), да слишкомъ низкіе берега, потомъ кое-гдѣ, чрезъ рытвины, ерики и старички, успѣлъ прорваться въ луга, залилъ кое-какія впадины, лощины, суходолы и тому подобныя низменности, соединенныя между собою сѣтью ериковъ; но на возвышенности,

или на такъ называемыя *ушвы*, взойти не смогъ. Хотѣлось почтенному старику, Яику Горынычу, послѣ пяти-мѣсячнаго оцѣпененія, вздохнуть и раскинуться во всю ширину займища, по которому идетъ его ложе, отъ кряжа до кряжа, — хотѣлось побурлить и порыться на-просторѣ, хотѣлось поразгуляться и вмѣстѣ съ тѣмъ обмыть, напоить и освѣжить землю, попираемую почти въ теченіе цѣлаго года ногами всякаго рода животныхъ, хотѣлось удалъ свою показать, хотѣлось отъ сосѣдки своей, матушки Волги, не отстать, хотѣлось... но силъ не хватило, воды не достало, а съ чертями, или по крайней мѣрѣ съ «чертистыми» мельниками, видно, не былъ знакомъ, пособить, значить, некому было. Разсердился старикъ, нахмурился какъ курунъ (индѣйскій пѣтухъ), пуще прежняго запѣнился и, пристыженный, побѣжалъ къ морю по всегдашнему, не очень-то широкому, своему ложу, между всегдашними и на этотъ разъ непокорными берегами, не дозволившими ему вырваться на-просторь... Это значить, по выраженію казаковъ, *Яикъ въ трубѣ*.

Если весной «Яикъ въ трубѣ», т. е. въ обыкновенныхъ своихъ берегахъ, это значить истинная благодать для «севрюжниковъ». Вся рыба, разумѣется, красная, какъ-то: бѣлуга, осетръ, севрюга, преимущественно послѣдняя, вся рыба, какая только войдетъ изъ моря въ рѣку, сжатую берегами, по необходимости тѣснится и держится густо въ узкомъ пространствѣ, и въ большомъ количествѣ, цѣлыми иногда косяками, попадаетъ въ длинныя сѣти, охватывающія Уралъ чуть не черезъ всю его ширину. Тутъ казакъ успѣвай только выбирать сѣть и *чекушить* или *мушить* севрюгъ — добыча будетъ, и добыча славная: будетъ на что купить для себя шелковый халатъ и козловые сапоги, а для жены или дочери штофный или левантинный сарафанъ; на все, на все достанетъ.

Напротивъ, въ большую поую воду, когда Уралъ разольется во всю ширину долины, отъ кряжа до кряжа, на разстояніи семи, восьми и больше верстъ, рыбу не такъ-то легко поймать, ей есть гдѣ разгуляться, разсѣяться и попрятаться. Пожалуй, разметай, распусти во сто сажень сѣть, плыви съ ней по теченію

воды, скоро ли еще запутается въ нее севрюжка, другая, неизвѣстно, но скорѣе всего—это не подлежитъ сомнѣнію — скорѣе всего нанесетъ тебя съ сѣтью или на *каршу* (коряга), или на цѣлое дерево, залитое водою; тогда поклонись, по выраженію казаковъ, веселой сѣточкѣ, достань изъ-подъ ногъ другую, запасную, а севрюжку ищи гдѣ хочешь, гдѣ знаешь, но все-таки съ оглядкой, да съ опаской, чтобы и запасную сѣточку не посять на каршѣ.

Въ большое половодье нужно отыскать или, правильнѣе, случайно напасть на *наборъ*, а это счастье дается не многимъ и не всегда. Но что такое «наборъ»? сейчасъ объяснимъ.

Когда Уралъ выйдетъ изъ береговъ и покроетъ луга сплошною массою воды, глубиной отъ одной до нѣсколькихъ сажень, тогда рыба оставляетъ главное рѣчное русло, которое въ то время превращается чуть-чуть не въ *кіань-море* и котораго, конечно, тогда и не сыщешь, и расходится по всему водному пространству. Выбравъ удобное мѣсто, преимущественно въ затишѣ, за какимъ-нибудь *отрогомъ*, или кряжнимъ мысомъ, въ луга вдающимся, севрюга собирается или набирается въ кучи, или, такъ сказать, свертывается въ клубы и остается по нѣскольку дней на одномъ мѣстѣ: тутъ она мечетъ икру. Вотъ это-то сборище севрюгъ и называется *наборъ*. Попавъ случайно или неслучайно на «наборъ», рыболовъ съ одного *обмета*, т. е. съ одного приема, столько можетъ заворотить сѣтью севрюгъ, что буквально загружаетъ бударку и все-таки не умѣститъ въ ней всей добычи; тогда часть добычи рыболовъ сажаетъ на *куканъ*, т. е. на веревку. Ясно, что въ большое половодье, на «наборахъ» больше можно поймать рыбы, чѣмъ тогда, когда Уралъ въ «трубѣ». Но, повторимъ, «наборъ», какъ кладъ, не всегда и не всякому дается; отыскать «наборъ» на такомъ, чуть не на безбрежномъ, водномъ пространствѣ то же, что, по пословицѣ, попасть въ серебряную копѣечку. По этому севрюжье рыболовство, говоря вообще, добычливѣе бываетъ въ то время, когда «Уралъ въ трубѣ», а не тогда, когда онъ принимаетъ на себя образъ «синя-моря Хвалынского».

Мы говоримъ, что тогда-то рыболовство бываетъ добычливѣе, чѣмъ тогда-то. Это въ настоящее время слѣдуетъ понимать относительно, потому что нынѣшняя добыча равняется старинной недобычѣ.

Еще говоримъ, что тогда-то, напримѣръ, когда «Яикъ въ трубѣ», казакъ цѣлыми косяками ловить севрюгъ, а тогда-то, напримѣръ, на «наборахъ», казакъ заворачиваетъ сѣтью съ одного приѣма столько рыбы, что загружаетъ бударку. Это къ теперешнему, т. е. къ современному, быту уральцевъ и относительно не слѣдуетъ понимать. Молодое поколѣніе казаковъ лишь отъ стариковъ слышитъ о такой давно минувшей благодати, но само не пользуется ею и, конечно, никогда не будетъ пользоваться, потому что Яикъ-Горынычъ истощился, оскудѣлъ и отъ вѣрной службы отказался — хоть въ шрафной журналъ заноси, или изъ службы вонъ гони, все равно — ни легче, ни тяжеле не будетъ. Въ старину онъ дѣйствительно давалъ средства казакамъ одѣваться въ шелкъ и носить козловые сапоги, а нынче?... что и говорить! не до козловыхъ уже сапогъ,—избавилъ бы Господь Богъ отъ лаптей: лапотникъ-казакъ—какой уже казакъ! не лучше, ежели еще не хуже, высиженнаго паромъ цыпленка...

Итакъ все, что сказано выше о большой добычѣ севрюжнаго рыболовства, отнесемъ къ давно минувшимъ, напримѣръ, двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, когда Уралъ слылъ еще не даромъ золотымъ дномъ.

По случаю праздника, рыболовы, о которыхъ начата рѣчь въ началѣ этого очерка, отдыхали. Они располагались артелями по песку, т. е. по самому берегу Урала, а телѣги ихъ стояли поодаль отъ нихъ, по косорогу. Сѣти у рыболововъ просушивались; у иныхъ онѣ были развѣшаны на шестахъ и жердочкахъ, а у иныхъ просто-на-просто разостланы по песку. Лошади казачьи гуляли въ лугахъ, по «гривамъ», безъ косяшника (пастуха). За лошадей казаки не боялись; лошадямъ некуда было уйдти: кругомъ «гривъ» вода, а о киргизахъ-ворахъ казаки не думали, полагаясь на казачьи пикеты, рѣзставленные, и каждый годъ, во время «севрюжнаго» (весенняго) и «плавеннаго» (осенняго) рыбо-

ловства, разставляемые, за Ураломъ, отъ линейной казачьей же стражи.

Во многихъ мѣстахъ курились и пылали костры. Казаки готовили обѣдъ. Кто варилъ изъ налимовъ уху, кто стряпаль съ осетриной пельмени, кто жарилъ въ котлахъ севрюжину, изрѣзанную въ мелкіе кусочки, кто прихотливѣе другихъ, или кому и уха, и пельмени, и жаркое надоѣли, приѣлись — пекъ въ горячей золѣ, для разнообразія, цѣлыхъ осетрятъ и севрюжатъ, а кто, уже отвѣдавъ дѣ-сыта, или, какъ говорится, до отвала, того, другаго, третьяго, лежалъ, пригрѣвшись на майскомъ солнышкѣ; словомъ, отдыхали казаки-братцы послѣ трудовъ праведныхъ.

Изъ числа молодежи, одинъ, записной гуляка, или, какъ выражаются казачата, гуляжка, и первый, можно сказать, артистъ балалаечникъ, съ повязкой на одномъ глазѣ и съ бисернымъ черезъ плечо гайтаномъ—подаркомъ, разумѣется, возлюбленной—досталъ изъ *тагарки* (повозка) балалайку и сталъ наигрывать или, по выраженію казачатъ, «оттабачивать» залихвацкаго *казаньку*, съ «приговорцемъ», разумѣется, т. е. съ «припѣвцемъ».

Какъ слѣдуетъ, около Матъки Гутарева собрался порядочный кружокъ «храброй братьи». Матъка вошелъ въ себя, или, какъ говорится, на Матъку на самого нашелъ такой счастливый стихъ, что онъ въ «приговорцы», всѣмъ и каждому изъ слушающей его братьи извѣстные, сталъ мало-по-малу вклеивать слова собственного изобрѣтенія, а наконецъ, увлекаясь болѣе и болѣе, словно импровизаторъ какой, прищелкивая пальцами и подмигивая единственнымъ глазомъ — другой былъ завязанъ — началъ сыпать цѣлыми фразами, но такими, по словамъ казаковъ, забористыми, огневными, что не только молодежь, но и солидные, или такъ называемые степенные казаки, до слуха которыхъ волей-неволей долетали Матъкины прибаутки, часто подхватывали животы, чтобы не умереть со смѣха.

— Ну васъ къ «шишигамъ», — сказалъ пожилой казакъ, сидѣвшій недалеко отъ молодежи: — совѣмъ уморили, грѣховодники, оставьте. А вы лучше спойте-ка что-нибудь хорошенькое, и мы, старики, подтянемъ вамъ.

Казачата не заставили долго упрашивать себя. Они и без того скоро бы загѣли хвалебный гимнъ Горынычу; но когда услышали желаніе стариковъ, тотчасъ же разсѣлись, по возможности, по «голосамъ», и, дирижируемые загѣвалою, — а загѣвало былъ не кто другой, какъ балалаечникъ Матъка, загѣли унылымъ мелодическимъ голосомъ:

Якъ ты нашъ, Яикушка,
Якъ, смнѣ Горыновичъ,
Про тебя, про Яикушку,
Идетъ слава добрая.
Про тебя, про Горыныча,
Идетъ рѣчь хорошая:
Золочено у Яикушки
Его было донышео,
Серебрена у Яикушки
Его была покрывечка.
Жемчужные у Горыныча
Его вьруты бережки.
Мутнехонекъ нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты быстрехонекъ.
Прорылъ, протекъ нашъ Яикушка
Всѣ горушки, всѣ долушки.
Выметывалъ нашъ Яикушка
Посередѣ себя части острова.
Съ вершинъ взялся нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты вилоть до низу,
До славнаго ты моря.
До моря до Каспицкаго.
Какъ до славнаго города,
До города до Гурьева.
За Гурьевымъ выпадаешь ты
Во батюшку сине-море.
Какъ до славнаго острова,
До острова Камынина.
На островѣ Камынинѣ,
Братцы, старики живутъ,
Старики, братцы, старожилые —
Они по девяносту лѣтъ.
Съ покоренною Золотою Ордой
Старики, братцы, во ладу живутъ.

Казачата не пропѣли еще и половины этой пѣсни, какъ изъ обоза раздался голосъ казака. Стоя на возу и махая руками, казакъ кричалъ:

— Ай! ай! Киргизы! Киргизы!.... Лошадей нашихъ киргизы гонять!...

И всѣ рыболовы пришли въ смятеніе, засуетились и кинулись — кто къ ружью, у кого было ружье, кто къ веслу, у кого ружья не было, кто схватилъ «чекушку», кто топоръ; словомъ, заварилась каша, поднялась ужасная суматоха, или, какъ выражаются казаки, «*ватарба*».

Но отчего случилась такая бѣда? Откуда взялись киргизы, да еще среди бѣлаго дня, когда за Ураломъ разставлены казачьи пикеты? Въ томъ-то и сила, что казаковъ за Ураломъ въ тотъ день уже не было: они еще наканунѣ, съ вечера, оставили посты и приютились въ своихъ теплыхъ хатахъ. Пикетнымъ казакамъ слѣдовало пробыть на постахъ еще дня два, пока «войско» ушло бы внизъ за Кулагинскую крѣпость; но они соскучились о блинахъ и лепешкахъ, да о молодыхъ женушкахъ, а главное, понадѣялись на Яикушку, что вотъ-де онъ, батюшка, разольется какъ кіянь-море, что тогда-де черезъ него не только поганому киргизишкѣ переплыть, но и птицѣ въ чередъ перелетѣть; понадѣялись такъ-то на Яикушку и, не дождавшись урочнаго времени, съѣхали съ постовъ безъ спроса и позволенія приказнаго, Ефремова, распоряжавшагося всѣмъ форпостомъ. Приѣхавъ въ тихомолку на форпостъ, они разбрелись по домамъ и не показались приказному, зная, что онъ прогналъ бы ихъ опять за Уралъ или, по-крайней мѣрѣ, разослалъ бы по обыкновеннымъ пикетамъ, такъ называемымъ «*реданкамъ*» и «*третьямъ*», устроеннымъ на правомъ берегу Урала; а имъ хотѣлось поспраждовать дома... Глядя на красноярскихъ, то же самое сдѣлали и харкинскіе казаки, занимавшіе пикеты ниже пикетовъ красноярскихъ, т. е. противу дачъ своего форпоста. Такимъ образомъ цѣлые два промежутка, отъ верхней межи Красноярскаго до нижней межи Харкинскаго форпоста, остались открытыми, т. е. на этомъ протяженіи не осталось ни одного поста ни на правой (внутренней или самарской), ни

на лѣвой (зауральской или бухарской) сторонѣ Урала. Уралъ же мы видѣли, только поманилъ, только подумалъ взыграть да разлиться, но не взыгралъ и не разлился, а это киргизамъ и на руку, Пользуясь кустарникомъ да перелѣсками, они подкрались къ берегу, переплыли, человѣкъ до 20-ти, рѣку повыше того мѣста, гдѣ располагались рыболовы-севрюжники, да и кинулись къ ихъ лошадямъ, съ цѣлью, разумѣется, угнать ихъ за Уралъ. Но какъ ни ловки, какъ ни проворны киргизы въ подобнаго рода продѣлкахъ, однакожъ предпріятіе это имъ не удалось; ухватки и увертки ихъ на этотъ разъ позамедлились оттого, что казачьи лошади паслись не всѣ вмѣстѣ, а бродили врознь, гдѣ двѣ, гдѣ три лошади, по «гривамъ», раздѣленнымъ одна отъ другой водою. Для того, чтобы согнать лошадей въ одинъ «косякъ» и потомъ удобнѣе, за одинъ приемъ, переплавить ихъ за Уралъ, киргизамъ нужно было въ иныхъ мѣстахъ безпрестанно переѣзжать съ «гривы» на «гриву» черезъ воду, а это не то, конечно, что скакать по чистому полю; въ иныхъ же мѣстахъ доводилось обскакивать кругомъ болѣе глубокіе заливы и лощины, и такимъ образомъ колесить на одномъ мѣстѣ въ ущербъ времени. Къ тому же, большая часть казачьихъ лошадей была спутана, а съ спутанными лошадьми возиться не ловко и не легко. Все это замедлило дѣйствія киргизовъ и дало рыболовамъ время оправиться, обсудить и сообразить степень опасности и съ толкомъ пуститься отстаивать свою собственность отъ непрошенныхъ гостей.

Часть казаковъ, человѣкъ до десяти, съ винтовками въ рукахъ, бросилась въ луга, гдѣ работали киргизы около лошадей. Нѣсколько человѣкъ безъ ружей, съ одними шестами да чекушками, сѣли въ бударки и пустились, что было силы-мочи, плыть вверхъ по Уралу, къ тому мѣсту, гдѣ, по соображенію казаковъ, киргизы должны были обратно переплывать рѣку. Тѣ же, которые остались на стану, преимущественно старики, начали на всякій случай огораживаться телѣгами—предосторожность необходимая; ибо вскорѣ послѣ того, какъ завязалась у казаковъ съ киргизами драка на этой, т. е. на правой сторонѣ Урала, показалась на лѣвомъ берегу другая партія киргизовъ, человѣкъ до

сорока или больше; даже было пущено оттуда нѣсколько стрѣлъ въ казачій станъ, но стрѣлы не долетали и падали на серединѣ Урала.

Казакѣ, побѣжавшіе въ луга, видали, что имъ «пѣшимъ боемъ» не угоняться за конными киргизами, а потому сочли за полезное разсыпаться по берегу и засѣсть въ кустахъ, съ цѣлю, отрѣзать киргизамъ путь къ отступленію или, по крайней мѣрѣ, встрѣтить и проводить ихъ огнемъ, когда они пойдутъ наутекъ, въ чемъ казаки не сомнѣвались; но маневръ этотъ не удался. Киргизы почували тревогу въ станѣ рыболововъ и, лишь только завидѣли казаковъ съ винтовками, тотчасъ же бросили казачьихъ лошадей, и давай, какъ говорится, Богъ ноги. Натурально, пѣшіе казаки не успѣли забѣжать впередъ и преградить дорогу коннымъ киргизамъ. Послѣдніе хотя и проскакали подъ выстрѣлами казаковъ, но на столь далекомъ разстояніи, что выстрѣлы не сдѣлали бѣглецамъ никакого вреда, а только напугали ихъ вдосталь. Какъ угорѣлые, киргизы кинулись въ Уральскъ и поплыли на зауральскую, или бухарскую сторону, держась, какъ обыкновенно водится при подобнаго рода переправахъ, кто за гриву, кто за хвостъ лошади. Со страха киргизы не оглядѣли мѣстность и попались въ просакъ. Противоположный берегъ, гдѣ имъ доводилось приставать, будто въ наказанье воришкамъ, оказался довольно-таки круъ, а подъ самымъ яромъ было топко, или вязко, такъ что лошади ихъ, утопая и вязня въ илѣ, не могли выпрыгнуть изъ воды. По необходимости киргизы должны были спуститься по водѣ внизъ по теченію; они какъ разъ наткнулись на казаковъ, плывшихъ въ бударкахъ. И тутъ-то пошла потѣха, потѣха славная, по замѣчанію казаковъ. «Индо», — рассказывали старики, участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ, — «индо Яikuшка застоналъ, какъ пошли наши глушить нехристей, словно бѣлугъ». Въ самомъ дѣлѣ, будто осетровъ или бѣлугъ казаки принялись тузить воришекъ шестами и чекушками. Человѣкъ съ десять киргизовъ пошло ко дну, остальные кое-какъ вскарабкались на берегъ и бросились подъ защиту своихъ сообщниковъ, оставшихся на бухарской сторонѣ и прискакавшихъ къ мѣсту драки. Киргизы от-

били казаковъ отъ бухарскаго берега, выпустивъ въ нихъ десятка два стрѣль. Не имѣя ружей, казаки отплыли къ самарскому берегу, взяли на бударки своихъ товарищей, у которыхъ были ружья, и снова перекинулись на бухарскій берегъ; но киргизы отступили и удалились въ степь.

Послѣ этого подвига казаки собрали своихъ разсѣянныхъ по лугамъ лошадей, захватили часть киргизскихъ выплывшихъ послѣ убіенія хозяевъ на самарскій берегъ, и стали собираться въ путь-дорогу. Они рѣшили уѣхать по-добру-по-здорову съ этого мѣста и присоединиться къ «войску». Но между тѣмъ послали двоихъ гонцевъ въ Красноярскій форпостъ сказать, что-де неблагополучно на Яикѣ, что-де такъ и такъ: киргизы обижаютъ.

— Ахъ, мошеники! ахъ, варвары! что надѣлали, карторжные. Подумать страшно! Шутка ли! Бросить пикеты — а! Что это такое? На что это похоже? Ужъ не съ ума ли я спятилъ? Не во снѣ-ли мнѣ это мерещится? Охъ, Господи ты мой Боже! За чьи грѣхи така бѣда на меня накачалась! А что теперича «войско» скажетъ? Срамъ! срамъ! срамъ! . . . А все, вы, подлецы, виноваты — издохнуть бы вамъ! вы всему причиноу, каторжные!

Такъ, бѣгая по форпосту, кричалъ Кузьма Семенычъ Ефремовъ на казаковъ, которые самовольно оставили пикеты за Ураломъ, — о чемъ сказано было выше. Между тѣмъ, всѣ казаки, сколько ихъ было въ наличности, сѣдлали лошадей, вооружались и готовились въ погоню за киргизами.

Правда, не для чего было бы пускаться за Уралъ.

Киргизы, нарушивъ покой казаковъ, заплатились уже за то: мы знаемъ, что человекъ десять изъ нихъ отправились на дно рѣки. Кромѣ того, ни одной казачьей лошади киргизы не угнали, а напротивъ, своихъ нѣсколько лошадей оставили въ добычу казакамъ; слѣдовательно, послѣднимъ не предстояло особенной нужды скакать за Ураломъ, тѣмъ болѣе не нужно было попусту рыцарствовать, что киргизы удалились въ степь. Довольно было разставить по-прежнему пикеты.

Такъ думали, и отчасти справедливо, нѣкоторые старики. Но приказный Ефремовъ думалъ иначе. Гордый своею репутаціею,

онъ не хотѣлъ запятнать себя ни однимъ недостойнымъ дѣломъ; пуще Богъ знаетъ чего онъ боялся, чтобы въ «войскѣ» не сказали про него, что онъ «саныга» (соня), что киргизы подъ носомъ, въ глазахъ у него, врываются на самарскую сторону, что команда не слушаетъ его (послѣдняя мысль кидала его и въ жаръ и въ ознобъ). Вотъ эта-то причина и побудила Ефремова пуститься въ погоню за киргизами и, во что бы то ни стало, нагнать и хорошенько пощипать хищную птицу, какъ звалъ онъ киргизовъ.

— Мало съ насъ одного срама, что киргизовъ проспали, прозѣвали, — говорилъ онъ: — видно еще надо, видно желательно вамъ, чтобы про насъ сказали, что мы, трусы, киргизовъ боимся.

Говоря это, Ефремовъ скрипѣлъ зубами и торопилъ казаковъ.

Скоро вокругъ него собралось человекъ до тридцати «храбрый братья», почти весь наличный комплектъ служащихъ казаковъ. Съ ними Ефремовъ махнулъ за Уралъ, оставивъ при будкѣ, т. е. при караульномъ домѣ, на часахъ человекъ пять — шесть.

Въ торопяхъ Ефремовъ забылъ послать гонцовъ или вѣстниковъ въ сосѣдственныя станицы: въ Калмыковскую крѣпость и въ Каркинской форпостъ, извѣстить тамошнихъ казаковъ, дабы они въ силу существующаго на Уралѣ обычая, или постановленія, выѣзжали за Уралъ, на помощь Ефремову и его командѣ. Уже съ бухарской стороны онъ прокричалъ оставшимся на самарскомъ берегу казакамъ, чтобы они сами распорядились этимъ дѣломъ.

Выбравшись изъ луговъ на степь, Ефремовъ сдѣлалъ смотръ командѣ; на форпостѣ съ горячности онъ этого не успѣлъ сдѣлать. Оказалось, что всѣ казаки, кромѣ одного, были въ исправности, на хорошихъ скаковыхъ лошадяхъ. Только Нефедъ Ж...нъ оказался неисправнымъ; лошадь подъ нимъ была не хороша, тяжела набѣгу, просто-на-просто маштакъ, у котораго нѣтъ ни рыси, ни скачи, и который годенъ только для воза, но не для верховой ѣзды, особенно для такой, которая предстояла Ефремову съ командой. Нефеда забраковали и велѣли вернуться назадъ.

Стыда ради, онъ началъ-было доказывать, что не отстанеть отъ другихъ, но его не слушали, да и слушать не слѣдовало: улика была на лицо.

— Ступай домой, тебѣ говорить! сказалъ Ефремовъ Нефеду: — Рази не знаешь, что пѣшій конному не товарищъ. Ступай домой!

— Молись, ребята! сказалъ Ефремовъ, и, снявъ шапку перекрестился. Команда сдѣлала то же.

— Съ Богомъ! сказалъ Ефремовъ.

И, припавъ къ лукѣ, съ пиками на перевѣсѣ, понеслись казаки на облако пыли.

Пристыженный и сконфуженный Нефедъ Ж... нъ остался и поворотилъ пѣгаго маштачка къ Уралу.

Казаки скакали молча; кругомъ ихъ была глушь и тишь страшная,—только конскій топотъ отъ песчаного грунта, по которому скакали казаки, какъ-то глухо отдавался въ ухахъ, но и тотъ оставался позади и замиралъ въ воздухѣ, да по временамъ Кузьма Семенычъ тихо, чуть не шопотомъ, проговаривалъ: «сдержи!» когда считалъ нужнымъ придержать лошадей, чтобы дать имъ перевести духъ, или: «припусти!» когда находилъ возможнымъ прибавить бѣга.

Скачутъ казаки не версту, не двѣ, а скачутъ казаки десять, скачутъ пятнадцать верстъ. Вотъ облако пыли стало рѣдѣть, вотъ въ серединѣ его, какъ въ туманѣ, показалась черная точка; эта растеть, увеличивается; изъ точки образуется большое пятно, огромная масса; вотъ наконецъ черная масса распадается на отдѣльныя движущіяся точки, каждая точка обозначается, обрисовывается ясно: это киргизкіе наѣзники, бѣгущіе отъ казаковъ. Вотъ они, эти бѣглецы близко, близко; вотъ какихъ-нибудь полверсты осталось до нихъ.

Дотолѣ казаки, сдерживая, по приказу Ефремова, лошадей, скакали веѣ вмѣстѣ, кучкой, но при послѣднихъ словахъ приказнаго, каждый казакъ, закричавъ и загайкавъ, далъ волю своей лошади; и тогда, въ нѣсколько секундъ, казаки развернулись и вытянулись въ одну линію, и тѣ изъ нихъ, у кого лошади были

рѣзвѣе, стали настигать киргизовъ и неслись, какъ говорится, на хвостахъ киргизскихъ лошадей.

Впереди всѣхъ скакали два казака, оба молодые ребята, въ первый разъ попавшіе на ратное дѣло. Подобрались казачата къ заднимъ киргизамъ близко; вотъ-вотъ, сейчасъ, сію минуту, того гляди, ударятъ по спинѣ непріятели, но со стороны послѣдняго есть отпоръ: два наѣздника, два храбрые батыря, на легкихъ туркменскихъ аргамакахъ, словно гонные волки отъ собакъ отгрызаются отъ казачатъ. Отдѣлясь отъ своей партіи одинъ вправо, другой влѣво, эти наѣздники, время отъ времени, оборачиваются и сбоку, описывая дугу, быстро, съ пронзительнымъ гикомъ и воплемъ, наскакиваютъ на казачатъ; бить не бьютъ, а длинными-предлинными пиками задаютъ казачатамъ немалую острastку. Казачата невольно придержать лошадей, укрѣпятся на стременахъ и обернутся лицомъ къ нападающимъ, чтобы не прозѣвать и смѣлѣе встрѣтить ихъ пиками; но киргизскіе смѣльчаки, подскакавъ къ казачатамъ на близкое разстояніе, круто и мгновенно поворачиваютъ назадъ и летятъ прочь.

Повидному, въ этомъ маневрѣ ничего нѣтъ важнаго, но въ сущности онъ много приноситъ пользы бѣгущимъ киргизамъ. При столкновеніи киргизскихъ наѣздниковъ съ казачатами, послѣдніе, по чувству самосохраненія, хотъ на нѣсколько секундъ, умѣрятъ, укоротятъ бѣгъ своихъ лошадей, иногда вовсе пріостановятся, чтобы безопаснѣе принять и ловче отвести непріятельскіе удары, а этимъ самымъ временемъ бѣгущая киргизская партія, нѣсколькими лишними скачками, подвинется впередъ и выйдетъ изъ-подъ казачьихъ пикъ.

Кузьма Семенычъ, скакавшій за казачатами, не спускалъ съ нихъ глазъ и время отъ времени ободрялъ ихъ своими кликами.

— Вправо забирайте, ребятюшки! кричалъ онъ казачатамъ, когда замѣчалъ, что они, какъ новички въ дѣлѣ ратномъ, поступали не такъ, какъ бы слѣдовало, и тѣмъ подвергали себя опасности быть проколотыми.

«Забирать вправо», т. е. держаться самому правой стороны,

а преслѣдуемаго непріятеля оставлять въ лѣвой сторонѣ, значить выигрывать перевѣсъ надъ непріятелемъ по самой простой, физической причинѣ: справа влѣво ловко бить пикой, стоитъ только размахнуть рукой, а для этого достаточно момента. Слѣва же вправо бить пикой не только неловко, но и совсѣмъ неудобно; для этого придется изгибаться на лошади, но какъ ни изгибайся, ударъ не ловокъ, слѣдовательно и невѣренъ будетъ; для этого придется поворачивать самую лошадь, а непріятель ждать не будетъ: пока ты будешь поворачивать лошадь, и лошадь, слѣдуетъ замѣтить, поворачивается вправо не такъ легко и скоро, какъ влѣво; пока ты поворачиваешь лошадь, непріятель, сдѣлавъ только полуоборотъ налѣво на сѣдлѣ, взмахомъ руки можетъ сколоть тебя. Киргизы, между тѣмъ, употребляли всевозможныя уловки, чтобы ускакать отъ казаковъ. Многіе изъ нихъ, для облегченія лошадей, сбрасывали съ себя верхнюю одежду, выбрасывали изъ-подъ себя сѣдельныя подушки, наметы, и иные, отстегнувъ на всемъ скаку подпруги, скидывали и самыя сѣдла. Но ни что не помогало. Съ каждымъ моментомъ казаки подбирались къ киргизамъ ближе и ближе.

Два киргизскіе наѣздника, о которыхъ сказано выше, видя, что къ безбородымъ казачатамъ подвигаются казаки бородатые, стали рѣже и рѣже наскакивать на нихъ, а наконецъ и сами пошли на-утекъ.

Кузьма Семенычъ съ радостію сталъ замѣчать, что аргамачи подъ киргизскими батырями, отъ безпрестанныхъ и быстрыхъ круженій, видимо утомлялись, а его доморощенный бурый конь тѣмъ дальше скакалъ, тѣмъ больше и больше прибавлялъ бѣгу. Немного погодя, Кузьма Семенычъ сверстался съ казачатами; еще немного погодя, онъ опередилъ ихъ и сталъ помышлять о томъ, за котораго изъ батырей приняться прежде.

Кузьма Семенычъ оглянулся вокругъ себя, ища на всякій случай опоры: на казачать, какъ на людей неопытныхъ, онъ много не надѣялся, а одному на двоихъ пускаться все-таки опасно. Явилась Кузьмѣ Семенычу и опора: рядомъ съ нимъ, почти стремя въ стремя, ухо въ ухо, скакалъ еще казакъ, Семень Азовсковъ,

у котораго игренній ковь также сталъ разминаться и скакать быстрѣе и быстрѣе.

— Теперь нашъ чередъ! сказалъ Ефремовъ Азовскому. — Ты, Сема, бери себѣ голубаго, а я возьму краснаго.

Слова: голубаго и краснаго относились къ киргизскимъ наѣзникамъ, которые были одѣты—одинъ въ голубой чапанъ, а другой въ красный халать.

Азовсковъ, рослый и сильный, вмѣсто всякаго отвѣта, кивнулъ головой, поникъ на сѣдлѣ, припаль почти къ самой гривѣ игренняго, какъ мѣхами потянулъ въ себя воздухъ, и потомъ, испуская его, словно изъ трубы, ринулся на голубаго всадника. Кузьма Семенычъ припустилъ на краснаго. Загайкали, залюлюкали казаки вслѣдъ Ефремову и Азовскову.

— Туту его! возьми его! кричали иные казаки въ шутку, будучи увѣрены, что Ефремовъ и Азовсковъ сейчасъ, сію минуту — благо лошади бѣгутъ, что эти казаки сейчасъ какъ съ полки сдунуть смѣлыхъ батырей, но не тутъ-то было: дѣло приняло оборотъ не совсѣмъ-то благопріятный. Батырь, въ голубомъ чапанѣ, улепетывая отъ Азовскаго и безпрестанно оглядываясь назадъ, смѣтилъ, вѣроятно, что не уйти ему отъ казака, и потому рѣшился на богатырскій, отчаянный подвигъ: онъ круто повернулъ аргмака назадъ и со всѣмъ отчаяніемъ, испуская пронзительный гикъ, устремился на Азовскаго.

— Довокъ, бестія!.. — успѣлъ только подумать Азовсковъ, какъ батырь налетѣлъ на него, и, обливаясь кровью, казакъ опрокинулся назадъ. . . . Отчего это такъ случилось? А вотъ отчего.

У киргизовъ вообще пики длинныя, длиннѣе казачьихъ раза вполтора, если не больше. При нападеніи, киргизъ держитъ пику за самый почти конецъ, упирая его подъ мышку или, покрайней мѣрѣ, прижимая его подъ мышкой, и напрягая притомъ всю силу, чтобы по возможности соблюсти равновѣсіе и удержать другой, острый конецъ, т. е. лезвее пики, въ горизонтальномъ положеніи. Эту манеру или этотъ приемъ держанія пики киргизы основываютъ на томъ, что дальше можно достать неприятеля. Конечно,

это нелѣпость, и пусть киргизы остаются при этой нелѣпости, намъ же, русскимъ, лучше; это нелѣпо потому, что пика, когда ее такимъ образомъ держать, какой бы силачъ ею ни владѣлъ, все-таки гнется и жиблется, и острый конецъ ея, отъ давленія воздуха, все-таки клонится долу и ставитъ киргиза въ неловкое положеніе.

У казаковъ, напротивъ, пики короткія, и казаки держатъ пики не за конецъ, какъ толковые и предусмотрительные киргизы, а поперекъ или, какъ говорится, на перевѣсъ. У казака, когда онъ идетъ въ атаку или когда бросается одинъ-на-одинъ на непріятеля, положимъ, на киргиза, у казака въ это время лезвее пики впередъ отъ лошадиной головы высовывается только на полъ-аршина или немного больше, потому, во-первыхъ, что пика у казака, какъ сказано, короче, а во-вторыхъ потому, что казакъ относитъ руку немного назадъ, чтобы при ударѣ былъ розмахъ; но, не смотря на то, это лезвее скорѣе и вѣрнѣе достигаетъ цѣли.

При столкновеніи съ киргизомъ, казакъ ударяетъ сверху внизъ концемъ своей пики по концу киргизской пики, послѣдняя и безъ того книзу клонящаяся, отъ удара мгновенно ныряетъ и утыкается въ землю. Тогда казаку остается только подставить свою пику и киргизъ грудью или животомъ самъ налетитъ на нее. Разумѣется, все это дѣлается далеко скорѣе, нежели мы рассказываемъ, все это совершается въ одно мгновеніе — не больше.

При столкновеніи же съ такимъ непріятелемъ, у котораго пика не длиннѣе казацкой, или который держать не по-киргизски, то есть, не за самый тупой конецъ, а на перевѣсъ — казакъ отводитъ непріятельскій ударъ, то есть непріятельскую пику, инымъ манеромъ: онъ ударяетъ по ней не сверху внизъ, а уже снизу вверхъ, такъ, чтобы непріятельская пика взвивалась вверхъ и проносилась мимо казака, или черезъ голову или черезъ плечо. Но эта уловка, эта сноровка, слѣдуетъ замѣтить, трудновата: тутъ нужна ловкость, ловкость, да и ловкость, а главное — безстрашіе, безстрашіе, да и безстрашіе! Вотъ Семенъ Азовсковъ,

мы видѣли, попался въ просакъ, а онъ куда былъ ловокъ и безстрашенъ; онъ такъ искусно владѣлъ пикой, какъ только можно владѣть ею ловкомъ и безстрашному казаку.

Киргизъ, устремившійся на него, нечаянно ли, безъ соснанія или сознательно, съ обдуманною цѣлью—неизвѣстно, держалъ пику на перевѣсѣ; казакъ замѣтилъ это уже тогда, когда врагъ висѣлъ, что называется, у него на носу, оттого-то онъ и не успѣлъ изловчиться и отвести, какъ слѣдуетъ, киргизскую пику. Правда, онъ ударить—ударилъ по ней снизу вверхъ, но неловко; правда, пика киргиза взвилась-взвилась вверхъ, но не высоко, и въ самую, какъ выражаются казаки, «припорцію»: киргизская пика ударила Азовскову въ лобъ, надъ лѣвой бровью.

Азовсковъ опрокинулся назадъ, но удержался, съ лошади не упавъ. Хотя пику свою онъ уронилъ, поводья изъ рукъ выпустилъ, но за то обѣими руками ухватился за киргизскую пику.

Повернулись они съ киргизомъ на мѣстѣ разъ, два: киргизская пика изломилась.

Сцѣпились они съ киргизомъ, какъ Ермакъ съ Махметъ Куломъ, крутились, крутились и, не одинъ, а оба на полъ свалились.

Тутъ, какъ орды, налетѣли казаки и прикололи голубаго. А что красный? Красный бросился было на помощь къ голубому, когда тотъ катался съ Азовсковымъ по землѣ, но Ефремовъ не допустилъ: онъ пронизалъ его пикой, и успѣлъ еще подскакать къ голубому и, за компанію съ другими, кольнуть разъ другой и этого.

Приостановились казаки, подосадовали, поскрипѣли зубами на киргизовъ, перевязали Азовскову рану платкомъ (рана сначала казалась не опасной, но впоследствии была смертельной), дали немного вздохнуть и оправиться раненому, поймали лошадь его, и снова поскакали за киргизами, а киргизы, между тѣмъ умчались далеко.

Была пора казакамъ остановиться; они, вопреки войсковымъ постановленіямъ, слишкомъ уже далеко увлеклись, но казаки не думали останавливаться и возвращаться домой, не пощипавъ хоушенько ордынцевъ. Казаки надѣялись, что къ нимъ можетъ

подоспѣть которая-нибудь изъ командъ, харкинская или калмыковская, извѣщенные гонцами, ибо, мы слышали, Кузьма Семенычъ, отправляясь въ погоню за киргизами, велѣлъ послать вѣстниковъ и въ Харкинской форпостъ и въ Калмыковскую крѣпость. Кромѣ того, казаки озлобились на киргизовъ, что они одного изъ нихъ, что ни лучшаго молодца, ранили, а ужъ одно это обстоятельство могло разгорячить воображеніе и отуманить всякое мышленіе у казаковъ: они рѣшили гнаться за киргизами, на сколько хватить силы въ лошадяхъ.

Между тѣмъ, киргизы раздѣлились на двѣ партіи: одна партія, человекъ изъ 20-ти, направлялась на юго-востокъ, а другая, человекъ изъ 30-ти, на сѣверо-востокъ. Цѣль у киргизовъ была разъединить силы казаковъ, но казаки обману не поддались: они всей командой пустились за одной, пошедшей на сѣверо-востокъ, партіей.

Снова гонять казаки киргизовъ, и начинаютъ нагонять. «Вотъ скоро, думаютъ казаки, будетъ опять работа.» Но киргизы вдругъ спустились въ лощину и скрылись изъ глазъ казаковъ.

Казаки подскакиваютъ къ лощинѣ, гдѣ скрылись киргизы, и видятъ чудеса: вся лощина занята огромнымъ лагеремъ и усѣяна киргизами. «Чтобы не солгать, — говорили старики, участвовавшіе въ этой погонѣ, — ихъ, тоись, басурмановъ, было видимо невидимо, большое собранье, человекъ ста четыре, ильбо и больше, да все со значками: что ни кучка, то на пикѣ значки».

— Плохо, подумали казаки.

— Слѣзай, ребята! закричалъ Кузьма Семенычъ.

И въ одно мгновеніе казаки попадали съ лошадей. Назадъ скакать и думать нельзя было, это бы значило гибнуть навѣрное. У казаковъ, проскакавшихъ до 50-ти верстъ, разумѣется, не все въ скачъ, а гдѣ и рысью, гдѣ и грунью, у казаковъ проскакавшихъ такое разстояніе, лошади были сильно истомлены, а у киргизовъ, отдохавшихъ на мѣстѣ, лошади были съ свѣжими силами. Слѣдовательно, ускакать казакамъ отъ киргизовъ не было никакой возможности, и киргизы, пустившись всею массою за казаками, могли всѣхъ ихъ поодиночкѣ переколоть пиками. Казаки чуяли

эту невыгоду, и потому спѣшились, сомкнули лошадей въ кучку и переплели ихъ поводьями, чтобы онѣ, при натискѣ киргизовъ, не разбились и не разбѣжались, а сами прижались со всѣхъ сторонъ къ лошадямъ и взялись за винтовки.

Попались, добрые молодцы, въ осаду.

Какъ море заволновалось киргизское скопище, какъ волны нахлынули ордынцы со всѣхъ сторонъ на казаковъ, и какъ волны же, столкнувшись со скалой, отхлынули назадъ.

Казаки прижавшись къ лошадямъ и приравъ на колѣни, встрѣтили киргизовъ выстрѣлами, но не залпомъ (къ этому они приучены не были), а въ перемежку, или, какъ говорится, черезъ ружье (этому ихъ опытъ и практика научили) и человѣкъ десять киргизскихъ наѣздниковъ свалились съ лошадей. Этого весьма достаточно было для того, чтобы охладить жаръ нападающихъ. Киргизы, какъ и всѣ вообще азіятцы, только съ перваго раза, такъ сказать, сгоряча, нападаютъ храбро и стремительно, но если первая попытка не увѣнчается успѣхомъ, особенно если они замѣтятъ на комъ-либо изъ своихъ кровь, — а ужъ объ убитыхъ и говорить нечего, — храбрость ихъ колеблется, слабѣетъ и пропадаетъ: тогда самими ими овладѣваетъ страхъ и ужась.

Такъ было и теперь при нападеніи на горсть красноярскихъ казаковъ. Сначала, подыавъ страшный, неумолкаемый крикъ и гикъ, ордынцы, по выраженію казаковъ, такъ зажгли, т. е. такъ горячо и стремительно атаквали русскихъ, что у иныхъ казаковъ, надо правду сказать, волосъ сталъ дыбомъ.

Но когда казаки, благодаря своей находчивости и опытности, благодаря хладнокровію и сознанію своего достоинства, выдержали натискъ ордынцевъ, когда, сверхъ этого, нѣсколько человѣкъ ордынцевъ попадало съ лошадей, кто убитый, кто раненый, тогда киргизы отхлынули назадъ и, какъ обваренные кипяткомъ, остановились. Значить, спѣсъ съ нихъ была сбита.

Немного погодя, киргизы опять закричали, опять загайкали неистовымъ голосомъ, и въ другой разъ пытались — было всей массой атаквать русскихъ, но только пытались, а не пускались. Правда, являлись смѣльчаки, напускались на казаковъ, зывали

къ своимъ, чтобы тѣ слѣдовали за ними, но масса только шумѣла, неистово кричала, да кружилась около казаковъ, а въ атаку не шла.

Казаки вздохнули свободнѣе, ободрились, «отудобили» казаки. Припадая на ражки, они не торопясь стали отстрѣливаться, выбирая цѣлью тѣхъ ордынцевъ, которые казались имъ вожаками, предводителями.

Казакамъ посчастливилось убить нѣсколько человекъ изъ среды послѣднихъ, т. е. изъ среды предводителей, и между прочими одного, что ни самаго батыря, который, какъ злая и неотвязчивая оса, надоѣдалъ казакамъ.

Этотъ батырь, подъ защитой панцыря, прикрытаго халатомъ, безпрестанно лѣзъ въ глаза казакамъ, помахивая длинной пикой. Казаки нѣсколько разъ стрѣляли по немъ, но не убивали, хотя и попадали. Дивились казаки этому чуду. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, отличный стрѣлокъ, Трифонъ Махакинъ, разгадалъ причину неуязвимости батыря, изловчился, выстрѣлилъ и попалъ батырю въ лобъ, — батырь недохнулъ.

Послѣ этого киргизы присмирѣли, нападенія прекратили и отступили, какъ говорится, на благородную дистанцію. Но, не легче того, они окружили казаковъ густой стѣной, преградили имъ дорогу и отняли у нихъ всякую возможность къ отступленію, а потому стали беспокоить казаковъ стрѣльбой изъ луковъ и изъ ружей: у иныхъ изъ киргизовъ были и ружья, хоть сами собой плохія, съ фитилемъ, но все-таки ружья.

Правда, казаки не боялись, собственно за себя, ни стрѣлъ, ни пуль киргизскихъ: и стрѣлы и пули киргизскія, за дальностію разстоянія (киргизы держались далеко, чтобы самимъ быть внѣ казачьихъ выстрѣловъ) не могли быть не вѣрны при полетѣ, ни смертельны при ударѣ. Стрѣлы рѣдко долетали, но и долетая, падали въ казачій, кружокъ съ навѣса тихо. Казакамъ видно было, какъ спускались на ихъ стрѣлы, слѣдовательно казаки легко успѣвали отъ нихъ увертываться и увертывались. Только одинъ Осинька Вертячкинъ какъ-то сплеховалъ, и то оттого, что былъ нѣсколько косовать, и стрѣла ранила его въ плечо, но

легко и не опасно. Пули киргизскія не опаснѣе были стрѣль. Кромѣ того, что киргизы стрѣляли издалека, выстрѣлы ихъ не могли равняться съ выстрѣлами казачьими еще и потому, что и ружья ихъ противу казачьихъ были плохія, и заряды скудные — порохомя киргизы бѣдны — и пули не такія, какъ казацы: киргизская пуля не иное что, какъ округленный камешекъ или галька, облитая свинцомъ или даже не облитая, а просто-на-просто обернутая листочкомъ изъ свинца. Натурально, такія пули не могли быть ни вѣрны при полетѣ, ни смертельны при ударѣ. Изъ всѣхъ одна только пуля, поувѣсистѣе другихъ, попала Ивану Метлину въ бокъ, такъ что казакъ свалился съ ногъ, но дѣло кончилось одной контузіей. Если и былъ вредъ отъ киргизскихъ пуль и стрѣль, особенно отъ стрѣль, такъ это былъ вредъ иного рода: пули и стрѣлы попадали иногда въ казачьихъ лошадей, и лошади, служившія нѣкотораго рода защитой или, такъ сказать, оплотомъ казакамъ, бѣсились, рвались и грозили выйти изъ послушанія, разстроить и смять самихъ казаковъ.

Положеніе казаковъ было незавидное, выйти имъ изъ этого положенія не легко было безъ помощи командъ сосѣдственныхъ станицъ: Харкиной и Калмыковой. Но команды эти не являлись на выручку, хотя и давно настала пора имъ явиться. Атакованные красноярцы часовъ пять, шесть толкутся на одномъ мѣстѣ, вотъ уже вечеръ насталь, скоро солнышко зайдетъ, а помощи все-таки нѣтъ.

Ждали, ждали красноярцы подмоги, но не дождались, смотрѣли, смотрѣли въ ту сторону, откуда сами прискакали, и откуда ждали помощи, но ничего, кромѣ неба да земли, не видали, наконецъ — перестали ждать, перестали и смотрѣть. Нечего было попусту тратить время, уже и солнце закатилось. Такъ-ли, сякъ-ли нужно было спасаться, пока не совсѣмъ еще стемнѣло: ночью опасность могла увеличиться. Рѣшились они тѣсною толпой, какъ стояли, подвигаться къ Уралу, идя шагъ за шагомъ, время отъ времени отстрѣливаясь отъ непріятеля и ведя за собою лошадей, большею частію скошеванныхъ, т. е. связанныхъ по шеямъ поводьями. По мѣрѣ того, какъ казаки подвигались, киргизы отсту-

пали передъ ними, а наконецъ разступились и открыли казакамъ дорогу, слѣдую однакожь по ихъ пятамъ и по сторонамъ, какъ будто тѣлохранители какіе. Киргизы, разступившись передъ казаками, вѣроятно надѣялись, что казаки, увидавъ открытое поле, сядутъ на лошадей и поскачутъ. Сдѣлай это казаки, т. е. сядь только на лошадей, пропали-бъ они; но казаки, наученные опытомъ, обману не поддались.

Прошли или нѣтъ такимъ образомъ казаки съ версту, какъ со стороны Урала показался всадникъ.

— Наши, наши! закричало нѣсколько головъ, когда вершникъ приблизился на такое разстояніе, что можно было узнать въ немъ казака.

Красноярцы запрыгали отъ радости и громко, громко прокричали: «ура!» такъ что озадачили киргизовъ, тѣ даже остановились, думая, что казаки рѣшились идти на нихъ въ атаку.

— Пойдите, пойдите, братцы, радоваться, — сказалъ не веселымъ тономъ Ефремовъ, пристально глядя на приближавшагося всадника: — всмотритесь-ка хорошенько, кто это?

Казаки устремили глаза на всадника и ахнули отъ удивленія. Казакъ, котораго они привяли за передоваго вспомогательныхъ командъ, былъ, кто бы вы думали? — Нефедъ Ж....нъ!

Какимъ образомъ, или какимъ чудомъ онъ, этотъ несчастный Нефедъ, явился тутъ, когда товарищи оставили его близъ Урала въ виду форпоста, и велѣли ему вернуться домой? Это осталось отчасти тайной. Впрочемъ, казаки тайну эту весьма легко разгадали. И догадка или разгадка казаковъ въ этомъ случаѣ достойна всякаго вѣроятія. Нефедъ — иной причины не могло быть — Нефедъ не вернулся на форпостъ, а рѣшился тащиться по слѣдамъ товарищей по весьма простой и естественной причинѣ: ему, извольте знать, какъ забракованному, стало быть (по казачьей логикѣ) ледащему казаку, стыдно было глаза показать домой; вѣдь ему не дали бы прохода, засмѣяли бы товарищи, вѣдь на него стали бы пальцами указывать; вѣдь ему, дали бы кличку, напримеръ: «бракованный» или въ родѣ того, а эта кличка осталась бы за нимъ на всю жизнь; мало того, эта кличка могла бы перейти

и на дѣтей его, словомъ на все потомство, до седьмага колѣна или дальше; все это въ характерѣ казаковъ: не любятъ они давать пощады ничему и никому. Зная это, могъ ли несчастный Нефедъ не бояться стыда и поношенья.

— Ну! конченъ балъ! сказалъ кто-то изъ казаковъ, и не безъ причины.

Въ эту самую минуту человекъ пятнадцать киргизовъ отделилось отъ толпы и понеслось навстрѣчу Нефеду. Нефедъ бросился было въ сторону, но напрасно. Лошадь подъ нимъ едва-едва переваливалась, или, по выраженію казаковъ, только-только что ковыляла. Бѣдняжка спрыгнулъ съ лошади, палъ на колѣни, выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ киргизовъ, но другіе мгновенно окружили его и плѣнили. Все это свершилось такъ быстро, что казаки не могли опомниться. Впрочемъ, казаки ничего не могли сдѣлать въ пользу Нефедъ; выручить его они ни коимъ образомъ не могли: для того казакамъ слѣдовало бы сѣсть на лошадей и скакать къ Нефеду, но сѣсть на лошадей, значило бы самимъ всѣмъ погибнуть. Связали киргизы Нефеду руки назадъ, посадили на его же лошадь и повлекли къ своему сборищу. Бѣдный Нефедъ видѣлъ своихъ, кивалъ имъ головой, кричалъ что-то, но за шумомъ и крикомъ казаки не слыхали его словъ. Замѣтно, что онъ прощался съ ними.

— Прощай, прощай, товарищъ! кричали казаки Нефеду.

Между тѣмъ, киргизы, плѣнившіе Нефеду, подѣхали къ своимъ и смѣшались съ толпой. Нефедъ пропалъ, и его никто уже больше не видалъ, по крайней мѣрѣ, живаго.

Вскорѣ все киргизское собраніе столпилось въ оду кучу, потомъ раздѣлилось на нѣсколько отрядовъ и отхлынуло отъ казаковъ въ разныя стороны. Казаки дивились и радовались такому обороту дѣла. Впослѣдствіи, по показанію мирныхъ киргизовъ, объяснилось, что Нефедъ назвался передовымъ командъ другихъ казачьихъ станицъ, и объявилъ киргизамъ, что команды тѣ сейчасъ, сію минуту должны прискакать съ Урала на выручку своихъ товарищей. Киргизы, не могшіе справиться съ одной командой, натурально боялись встрѣтиться еще съ

нѣсколькими, и удалились въ степь, держась разныхъ направленій.

А гдѣ вспомогательныя команды Харкинская и Калмыковская? — Дома. Онѣ и не думали ѣхать на выручку Красноярской. — Почему? Да потому, что и въ Харкиномъ и въ Калмыковой узнали про погоню красноярскихъ казачковъ слишкомъ поздно, уже ночью, когда красноярцы возвращались на югъ.

6. Башкиры

Откуда произошло названіе башкировъ — положительно неизвѣстно; объ этомъ сохранилось слѣдующее преданіе:

Когда-то изъ Бухары вышли миссионеры для распространенія мусульманской вѣры. Они были въ недоумѣніи — въ какую страну отправиться, потому что вездѣ, куда ни оглянись, были кафры (невѣрные). Тутъ имъ явился волкъ и повелъ ихъ на уральскія горы, гдѣ жили предки башкировъ, находившіеся въ язычествѣ. Оттого и получили они названіе *башкуртъ* или *волчья голова*.

Другое преданіе, еще сохранившееся въ памяти стариковъ, говорить о богатствѣ, несмѣтныхъ стадахъ скота и привольѣ, съ какимъ жили дѣды и даже отцы теперешнихъ башкировъ. Между ними тѣ, которые имѣли сотни головъ скота считались бѣдняками. А теперь? Теперь богачами считаются тѣ, у кого сотни головъ, да такихъ счастливецъ очень мало. Немного и такихъ, у кого десятки и единицы головъ скота; большинство же вовсе ничего не имѣетъ; сплошь и рядомъ на десятокъ дворовъ приходится одна кляченка. Рядомъ съ преданіемъ о богатствѣ, есть еще преданіе о высокой честности и другихъ добродѣтеляхъ дѣдовъ и отцовъ. А теперь?

Тяжела, жалка и однообразна жизнь башкировъ зимою. Нѣтъ у нихъ порядочныхъ избъ, не смотря на изобиліе собственныхъ лѣсовъ, и живутъ они такъ же грязно, какъ жили «отисъ и дидъ» т. е. отецъ и дѣдъ. Взгляните на любую башкирскую деревню: ла-

чужки едва-едва держатся, какъ въ сказкѣ избы на курьихъ ножкахъ, ничѣмъ почти не покрыты, а если и крыты, то кое-какъ. Нѣтъ пріюта для скота: лошади, коровы, овцы и пр. находятся почти всегда подъ открытымъ небомъ, потому что дворы только съ боковъ зачищены отъ зимнихъ вьюгъ кое-какими плетенками. Зиму проводятъ башкиры въ холодѣ, голодѣ и нуждѣ; нечѣмъ покрыть свою наготу; нѣтъ порядочной теплой одежки. Въ зимніе длинные вечера сидятъ у чувала (нѣчто въ родѣ камина), и какой-нибудь краснобай-старикъ рассказываетъ о прежнихъ золотыхъ временахъ, когда были въ Башкиріи другіе порядки. Хлѣба башкиры сѣютъ очень мало; урожая не хватаетъ даже до половины зимы; а другую половину зимы маются бѣдныя кое-какъ; забираютъ хлѣбъ въ три и даже въ четыре раза дороже противъ того, за сколько сами продали осенью; перепродаютъ нѣсколько разъ свои луга за пустыки, обманываютъ другъ друга изъ-за куска хлѣба самымъ наглýmъ образомъ; нанимаются въ работники безъ платы, только бы кормили; не заботятся о завтрашнемъ днѣ, когда сегодня сыты; ходятъ изъ дома въ домъ, только чтобъ кто-нибудь покормилъ. Богатые башкиры (ихъ теперь немного у насъ) знаютъ только разпивать чай, пить медъ или бузу, и дѣла имъ нѣтъ до остальнаго народа: такъ жили ихніе «*отисъ и дидъ*». Нѣкоторые ловкіе, богатые башкирцы даже пользуются такимъ положеніемъ дѣлъ: зимою нанимаютъ работниковъ на все лѣто, за какіе-нибудь пустыки, тогда какъ даже посредственный работникъ лѣтомъ, въ особенности въ страдное время, стоитъ въ мѣсяць 6—7 р. сер. Они заранѣе заключаютъ уговоры, и обыкновенно плата состоитъ въ хлѣбѣ. Вотъ жизнь башкира зимою.

Съ началомъ зимы начинаются у нихъ свадьбы (*туй*) и тутъ-то башкирецъ является въ своемъ національномъ видѣ. Онъ знаетъ, напимѣръ, что у такого-то башкира есть дочь, или у него самого дочь, а у другаго сынъ, шлютъ другъ къ другу посланниковъ (*илчи, чакруйчи*) съ предложеніемъ породниться. Обыкновенно посланникъ ѣдетъ со стороны жениха въ домъ отца невѣсты. Принимаютъ его хорошо или дурно, смотря потому,

согласны или не согласны родители невѣсты отдать свою дочь. Положимъ, что согласны. Посланникъ входитъ въ домъ, снимаетъ свое верхнее платье, остается въ щегольскомъ чекменѣ (кафтанъ) и садится на самое видное мѣсто. Онъ обращается къ хозяевамъ съ распросами о ихъ здоровьѣ, о здоровьѣ деревенскихъ стариковъ и т. д. Послѣ распросовъ о здоровьѣ подають чай, до котораго башкиры большіе охотники. Пьютъ чай почти всѣ башкиры, такъ что даже и бѣднякъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ угостить чаемъ пріятели и знакомаго, не смотря на то, что у него кучи другихъ надобностей самыхъ вопіющихъ, хотъ бы напри- мѣръ, сорочку купить для своего дитяти, которое ходитъ нагое. Но пусть лучше дитя ходитъ безъ сорочки, нежели башкирь откажетъ себѣ въ удовольствіи напиться чаю. Двѣ, три чашки пьютъ крѣпкаго чаю, кто съ сахаромъ, кто съ медомъ, кто просто со сливками или молокомъ, смотря по достатку; дальше пьютъ уже чистѣйшую воду, до тѣхъ поръ, пока въ самоварѣ не останется ни капли. Зажиточные башкиры пьютъ чай разъ по десяти въ день: всякому самоваръ, кого онъ любитъ, съ кѣмъ родня или пріятели, въ особености же тому, кого онъ боится; а башкирь боится только своихъ начальниковъ. Я знаю одного башкира, который никому не откажетъ въ чаѣ, хотя самъ сидитъ безъ рубахи. И такихъ много. Но возвратимся къ нашему посланнику. Угостивши чаемъ, ему подають *бишбармакъ* (національное кушанье), который обыкновенно готовится слѣдующимъ образомъ: берутъ нѣсколько фунтовъ говядины или баранины, иногда и цѣлаго барана, смотря по количеству гостей; кладутъ въ котель, гдѣ обыкновенно моютъ домашнюю посуду, кипятятъ молоко, моютъ бѣлье и проч.; потомъ, когда поспѣетъ говядина, ее вынимаютъ изъ котла и разрѣзываютъ на мелкіе кусочки, а въ котель спускають салму (родъ лапши). Когда поспѣетъ въ свою очередь салма, опускають въ котель искрошенную говядину; затѣмъ уже все вмѣстѣ наливають въ огромную чашку, изъ которой и начинается ѣда пятью пальцами. Потому-то это кушанье называется бишбармакъ, т. е. пять пальцевъ. Во время ѣды, недостаточно самому угощаться своими пальцами, но непремѣнно должно и со-

сѣда или кого другаго угощать изъ руки, втискивая ему въ ротъ сколько войдетъ. Угощаемый вынимаетъ кушанье изо рта и, положивъ себѣ на ладонь, начинаетъ ѣсть, какъ требуетъ хорошій тонъ. Такимъ образомъ человѣкъ пять или шесть сѣдаютъ пѣлаго барана. Послѣ бишбармака опять чай. Потомъ приглашаютъ посланника и другіе однопороденцы, и угощаютъ, кто чѣмъ богать. Наконецъ, посланникъ, наѣшпившись досыта, объявляетъ причину своего пріѣзда, расхваливаетъ достоинства жениха, не смотря на то, что прославляемый женихъ, можетъ быть, еще въ пеленкахъ: это все равно. Обыкновенно, когда у богатаго башкира рождается дочь или сынъ, онъ уже ищетъ для своего ребенка приличную партію по семьямъ пріятелей. Если посланникъ исполнилъ свое порученіе съ успѣхомъ, то ѣдетъ домой, къ отцу жениха, который уже сзываетъ родныхъ невѣсты, для совѣщанія о калымѣ (выкупъ за невѣсту). Калымъ выдаютъ обыкновенно, смотря по богатству жениха и невѣсты. Доходитъ онъ отъ воза дровъ или сѣна до 3,000 р. сер. и болѣе. Послѣ совѣщанія о калымѣ, идетъ пиръ горою, при чемъ дѣлаютъ другъ другу подарки. Если нареченные очень молоды, то вѣнчанье (*никахъ*) совершается по достиженіи ими совершеннолѣтія. До никаха женихъ не видитъ своей невѣсты; ее старательно прячутъ отъ него. Очень интересны бываютъ разочарованія жениха, когда онъ, вмѣсто предполагаемой красавицы, увидитъ свою дражайшую половину кривою или хромою. Тогда онъ начинаетъ ее колотить и, наконецъ, даетъ разводную. А до разводной сколько она, бѣдняжка, натерпится горя!.. Такимъ образомъ среди нуждъ, хлопотъ о кускѣ хлѣба, среди всякихъ лишеній, проходитъ зима, унося съ собою всѣ невзгоды. Зимой башкирецъ почти ничѣмъ не занимается. Въ самомъ дѣлѣ, какъ и заниматься ему чѣмъ-нибудь зимою, когда вьюга и морозъ не даютъ ему выходить изъ дому? Притомъ же такъ жили его «отисъ и дидъ». Если вблизи есть какой-нибудь желѣзный заводъ, то достаточные башкиры идутъ туда, беря съ пуда 30 к. асс. за 100 верстъ. Нѣкоторые ются звѣроловствомъ, впрочемъ очень немногіе.

Вступленіемъ весны оживаетъ и башкирецъ. Онъ отъ

души убѣжденъ, что зимой онъ *трудился*; стало быть, весной онъ имѣетъ право отдохнуть. Вотъ онъ и *отдыхаетъ*. Ужъ русскіе мужички начали распахивать свою земельку; уже у нихъ и посѣвъ давно кончился; они начали думать о другихъ работахъ, а башкирецъ все отдыхаетъ да отдыхаетъ. Наконецъ, какой-нибудь старикъ-башкирецъ вызовется и скажетъ: «а что, ребята, пора и намъ приняться за посѣвъ хлѣба, вонъ русскіе и татары давно ужъ кончили?» Тутъ начинается суета. У кого нѣтъ плуга, у кого нѣтъ сохи, у кого нѣтъ бороны, у кого нѣтъ лошадей!... Да и бѣда вѣдь, коли подумать! Тутъ на дворѣ весна и все Божіе твореніе веселится, а башкиру нужно работать. Вотъ онъ и начинаетъ тужить о старинѣ; тогда дескать, не сѣяли и не пахали, а жили-то лучше нашего. А время все не ждетъ башкира, все идетъ да идетъ впередъ. Наконецъ башкирецъ кое-какъ собрался съ силою, распахалъ землю, посѣвъ конченъ; совершонъ великій подвигъ, и онъ говоритъ: «уфъ, усталъ». А спросите его, сколько онъ посѣялъ десятинъ? — «Хе, бачка, развѣ моя русакъ — сѣять десятина; моя сѣять пуды!» — «Сколько же пудовъ?» — «Пудъ пять, шесть, чай, будетъ!!.» — «На сколько же времени это тебѣ достанетъ?» — «Хе, бачка, зима достанетъ, да еще въ магазей кладемъ, прудаемъ (продаемъ), чай беремъ; на все хватаетъ!...» — А другіе и вовсе не сѣютъ, и на вопросъ: какъ же проживешь зиму? отвѣчаютъ: «хе, бачка, какъ-какъ?... зима жили же, будемъ жить опять; Богъ даетъ, не оставляетъ; а посѣешь, Богъ не даетъ, такъ опять же хлѣбъ не родится. Вотъ и будемъ жить, бачка, какъ нашъ отисъ и дидъ, хлѣбъ не сѣялъ, а все зимою не умиралъ, а умиралъ такъ, Богъ такъ велѣлъ... Теперь нужно отдыхать».

Вотъ онъ отдыхаетъ, и не одинъ, а вмѣстѣ со своимъ скотомъ: ѣдетъ на кочевку. Тутъ-то раздолье башкирцу: пей кумьсь, кушай баранину, ничего не дѣлай и гуляй. Церемоніаль отправленія на кочевку ходитъ точь-въ-точь на то, какъ мыши кота хоронятъ. Опять бѣда: нужно чинить телѣги, нѣтъ колесъ, нѣтъ постромокъ для лошадей (а лѣсъ подъ бокомъ). Ну, слава Богу, кое-какъ исправили все это. Нагружаютъ телѣги разными до-

машинными принадлежностями: одна или двѣ подушки, грязная коверенка или черная кошма, для мужа и жены двѣ пары сорочекъ, для дѣтей иногда бываетъ, иногда и нѣтъ; чекмень для мужа, изъ китайки халатъ для жены, одна деревянная чашка, одна или двѣ ложки, кунякъ (въ родѣ ведра). Потомъ ѣдутъ уже непременно на извѣстное мѣсто, потому что тутъ кочеваль «мой отись и дидъ», не смотря на то, что есть мѣста гораздо лучшія. Молодые башкиры и башкирки одѣваются въ самое лучшее платье и гонятъ, всѣ верхами, табунъ лошадей, стадо коровъ, овецъ впереди телѣгъ, нагруженныхъ вещами, стариками, старухами, дѣтьми и бабами. Тутъ шумъ, хохотъ, говоръ людей, мычанье коровъ, ржаніе лошадей, скрипъ неподмазанныхъ колесъ, — все это сливается въ какой-то дикій хоръ, пріятно звучащій въ ухахъ истаго башкира. Тутъ онъ въ своей сферѣ: онъ на свободѣ, у него богатырски поднимается грудь, расширяются ноздри и, не помня себя отъ радости, онъ готовъ поклясться всѣми святыми, что онъ самый умный, храбрый, сильный и свободный народъ въ свѣтѣ. Другіе народы ему трынъ-трава! Онъ все знаетъ, все понимаетъ, все предвидитъ, потому что все зналъ, все понималъ, все предвидѣлъ его «отись и дидъ».

Но вотъ пріѣхали на какую-нибудь поляну, на мѣсто кочевки; выстроили бѣдные башкиры шалаши, а богатые раскинули свои кибитки и покрыли ихъ кошмою. Привязали жеребятъ, начали доить кобылъ, пустили лошадей на волю; сами расположились на чистомъ мѣстѣ. Вокругъ тѣнь и прохлада, впереди кибитокъ журчить ручей, откуда башкиры берутъ воду; на солнцѣ грѣются мальчишки, и не могутъ нагрѣться, имъ памятна зимняя стужа. Наступаетъ ночь. Какъ сладко спятъ башкиры! Многіе бы позавидовали бы, смотря на ихъ мирный сонъ, на спокойствіе и тишину вокругъ. Съ восходомъ солнца пробуждаются башкирки, доятъ коровъ, моютъ разную домашнюю утварь; потомъ уже просыпаются и самые башкиры, выходятъ изъ шалашей или кибитокъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Потомъ собираются у какого-нибудь богатаго башкира попить кумысу, безъ котораго башкиру кочевка не въ кочевку, жизнь не въ жизнь. Попивши у

одного, идуť къ другому и т. д. Такъ проходитъ день, проходитъ другой, а башкирецъ все пьетъ кумысъ и слушаетъ, какъ другой его собратъ играетъ на кураѣ (дудкѣ), про дѣла минувшихъ дней. Но вотъ, однакожь, и башкиру это однообразіе надоѣдаетъ; сговорившись между собою, они приглашаютъ жителей другихъ деревень на зѣнѣ (собраніе). Нѣсколько деревень соглашаются между собою, чтобы пригласить другія деревни и шлютъ посланнаго. Онъ ѣдетъ со свитою, въ праздничныхъ платьяхъ; назначаютъ мѣсто, гдѣ должны собраться для общаго увеселенія. Этимъ мѣстомъ выбираютъ обыкновенно большую ровную степь, гдѣ можно разгуляться. Вотъ съѣхались гости, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; ихъ встрѣчаютъ верстѣ за пять отъ мѣста, назначеннаго для зѣна. Угощаютъ сначала чаемъ, потомъ кумысомъ, бараниной или кониной. За угощеніями слѣдуютъ увеселенія: игра на кураѣ, игра горломъ, борьба, скачки и однообразныя, грустныя пѣсни. Попировавши такимъ образомъ до вечера, гости уѣзжаютъ во-свояси, и черезъ нѣсколько дней призываютъ тѣхъ, которые ихъ угостили. Въ прежнія время на такія собранія стекалось до 5,000 человекъ; нынѣ уже онѣ бываютъ рѣдки и малочисленны.

Такъ идетъ лѣто. Наступаетъ іюль; пора косить сѣно, а тамъ убирать хлѣбъ. Башкирецъ все это знаетъ; но ему жалко разстаться съ кочевкою, и потому онъ медлитъ. А время все не ждетъ башкира. Уже наступаетъ 20 Іюля, а тамъ съ августа мѣсяца пойдутъ и морозики, смотря потому, какой годъ. Башкирецъ видитъ, что и въ самомъ дѣлѣ пора уже приняться за сѣнокосъ, а то, пожалуй и трава потеряетъ свою сочность. Онъ опять начинаетъ тужить о старинѣ, что, дескать, тогда не косили, а были сыты лошади, коровы, овцы и проч., а нынѣ времена трудныя: *трава не родится*. Подумавъ-подумавъ, башкирецъ принимается наконецъ за сѣнокосъ, и попрежнему накосятъ мало. А спросите его, отчего онъ мало накосилъ? «Какъ мало, бачка, зима достанетъ; увидимъ—не достанетъ, такъ лошадь, кобыла, жеребятъ пускаемъ на тибинь; тамъ онъ своя кормить и ашатъ (кушаетъ); тибинь трава много». Пускать на тибинь, значить пу-

скать въ степь, гдѣ лошади сами добываютъ кормъ, выкапывая изъ-подъ снѣгу мерзлую траву. Оттого лошади у башкирцевъ бываютъ такъ худы, что еле-еле выносятъ зимнюю выюгу. Въ степи ихъ ѣдятъ волки; иногда лошадь проваливается въ какую-нибудь пропасть или яму. На это башкирецъ смотритъ какъ на наказаніе Божіе и, погоревавъ, перестаетъ думать о постигшемъ его несчастіи. А нынѣ башкиры и вовсе не косятъ, ибо у нихъ нѣтъ ни лошадей, ни коровъ, ни овецъ; для нихъ однимъ трудомъ меньше. Кончили кое-какъ сѣнокосъ, нужно приняться за жатву хлѣба. Это, какъ кажется, всего труднѣе, — нужно нагибать спины, до чего башкиры не охотники. Впрочемъ, жатва оканчивается въ какихъ-нибудь 10 или много 15 дней. Хлѣбъ у башкировъ родится непремѣнно плохой, не смотря на хорошую и свѣжую землю. Досадно смотрѣть, какъ у башкира весь хлѣбъ пошла трава, такъ что только тамъ и сямъ виднѣются колосья; а между тѣмъ, рядомъ съ нимъ посѣтъ русскій или татаринъ тотъ же хлѣбъ, и у нихъ отличный урожай. Башкиры распахиваютъ землю кое-какъ, боронятъ еще хуже, а когда хлѣбъ не родится, то говорятъ: «хлѣбъ Богъ не даетъ, потому что мы забыли Его; не исполняемъ, что написано въ Коранѣ».

Жатва кончена. Осень на дворѣ. Нужно оставить кочевки. Нужно поправить въ избахъ крыши, заборы. Башкирецъ возвращается съ кочевки, проклиная осень. Онъ кое-какъ поправляетъ крыши и заборы, и снова живетъ прежнею жизнью, въ холодѣ, голодѣ, ничѣмъ не покрытый.

Башкирецъ не позволить себѣ надѣть лапти, — онъ гнушается ими, а между тѣмъ, сапоги его чуть-чуть держатся, пальцы такъ и просятся на показъ любопытнымъ. На головѣ у башкира повязанъ платокъ или надѣта остроконечная шапка, кругомъ обшитая разными болѣе или менѣе драгоценными мѣхами, смотря по богатству. На себя башкирецъ надѣваетъ чекмень (кафтанъ) изъ овечьей шерсти, а богатые изъ чернаго сукна, кругомъ обшитый галуномъ. Рубашки холщевыя и ситцевыя. Подвязывается башкирецъ кушакомъ или каптыргой (поясъ изъ ремня, на правой сторонѣ котораго довольно большая сумка, для клади разныхъ

вещей, на лѣвой сторонѣ маленькая сумка для ножа). Зимой башкирецъ надѣваетъ полушубокъ изъ овчинной или лисьей шкуры, смотря тоже по богатству, а на головѣ *куланчикъ* (въ родѣ теплаго колпака. У башкирокъ слѣдующій костюмъ: на головѣ у замужнихъ *кашмау* (головной уборъ, унизанный бисеромъ, а сверхъ бисера серебряныя или золотыя монеты или просто оловянные кружки, смотря по богатству); сзади кашмау вдоль по спинѣ идетъ какая-нибудь матерія, унизанная тоже бисеромъ, монетами. Сверхъ кашмау *калapiшъ*, остроконечная шапочка, тоже унизанная бисеромъ или деньгами. У незамужнихъ кашмау или калapiшъ не бываетъ; голову онѣ покрываютъ платкомъ. Халатъ изъ китайки или изъ краснаго сукна, смотря тоже по богатству. Холщевыя или ситцевыя рубашки; впрочемъ, первыя, даже и между бѣдными, рѣдко въ употребленіи. На ногахъ сапоги, съ подборами у щеголяхъ. Старухи накрываютъ голову *тастаромъ* (длинный или узкій въ одинъ или два аршина бѣлый платокъ изъ миткаля).

Башкирецъ, когда онъ дома, то считаетъ себя господиномъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ не терпитъ, чтобы кто-нибудь посторонній вмѣшался въ его семейную жизнь. Жены боятся мужей, какъ огня. Онѣ, когда остаются однѣ, ссорятся, даже иногда и дерутся, но пріѣзжаетъ мужъ, и всѣ ссоры покончены, не смѣютъ даже и взглянуть косо другъ на друга. Бываетъ иногда и такъ, что любимая жена одерживаетъ верхъ надъ другой; но это очень рѣдко. Жена во всемъ прислуживаетъ мужу: раздѣваетъ его, снимаетъ сапоги, сѣдлаетъ для него лошадь, подаетъ ему умыться, а мужъ, лежа на боку, приказываетъ ей, что дѣлать. Жена же должна сходить за водою, истопить печку; однимъ словомъ, она отправляетъ всѣ домашнія услуги. Въ случаѣ неповиновенія, мужъ колотитъ ее, и, наконецъ, даетъ разводную. Она не имѣетъ въ домѣ никакого вѣса, потому что она раба, а мужъ господинъ. Это происходитъ вовсе не оттого, что башкирецъ жестокъ; но отъ дикаго понятія, развитаго вообще у всѣхъ восточныхъ народовъ, что жена ничего не стоитъ; не нравится одна, можно купить другую, третью, четвертую и т. д.

Башкирецъ гостеприименъ. Приѣзжайте къ любому башкиру, онъ васъ приметъ съ радостію, угоститъ васъ всѣмъ, что у него есть, не требуя за это платы. Если онъ зарѣзалъ барана, то варитъ его непремѣнно за одинъ разъ, потому что знаетъ, что другіе къ нему придутъ, чтобы поѣсть; онъ знаетъ, что самъ пойдетъ къ другимъ. Потому, кто бы ни приходилъ къ нему, онъ угощаетъ всѣхъ, не разбирая, богатъ ли, бѣденъ, простой ли башкирецъ, или чиновникъ: въ этомъ случаѣ всѣ равны. Потому онъ, приходя къ кантонному, или къ помощнику его, или къ старшинѣ, не снимаетъ передъ ними шапку, не цѣлуетъ ихъ руки; а здороваеся, какъ съ равнымъ себѣ. Башкирецъ добръ, снисходителенъ къ другимъ и не помнитъ нанесенной ему обиды. Я говорю о тѣхъ башкирахъ, которые удалены отъ городовъ, которые гордятся тѣмъ, что они башкиры. Они-то и составляютъ цвѣтъ Башкиріи. Они не будутъ отказываться отъ службы, выискивая для этого разные предлоги, и отправляютъ ее всегда съ честью и добросовѣстно. Приближаясь къ городамъ, замѣчаешь перемѣну въ характерѣ башкира. Онъ становится развязнѣе, хитрѣе; не прочь украсть что-нибудь, а обмануть ему ничего не стоитъ.

У башкировъ, какъ и вообще во всѣхъ мусульманскихъ обществахъ, духовенство имѣетъ сильное вліяніе на умы народа. Вліяніе это сильно, потому что у мусульманъ одно только духовное образованіе, и у нихъ считается за грѣхъ перевести Алкоранъ съ непонятнаго для нихъ арабскаго языка на свой природный. Слѣдовательно, толкованіе Алкорана зависитъ отъ степени образованія самихъ муллъ; что они скажутъ, то и свято.

Башкирскіе муллы воспитываются въ медресе (духовное магометанское училище), гдѣ ихъ сперва учатъ читать и писать по-татарски, потомъ заставляютъ заучивать голословно автіакъ (собраніе молитвъ на арабскомъ языкѣ). Такимъ образомъ проходитъ года три. Въ это время ученикъ только успѣваетъ выучиться порядочно, ознакомиться кое-какъ съ арабскимъ языкомъ и писать по-татарски.

Если родители богаты, то ученикъ можетъ продолжать свое

образование; если же они бѣдны, то, пробывъ годъ-другой въ медресе ученикъ возвращается домой, гдѣ онъ нуженъ въ хозяйствѣ. Къ тому же, въ медресе всѣ ученики должны содержать себя сами. Учитель-мулла также не получаетъ вознагражденія за трудъ, и потому онъ учитъ и ходитъ въ медресе, когда у него есть свободное время, за нимъ никто не смотритъ, какъ онъ учитъ и какъ обходится съ своими учениками. Отъ этого знающихъ муллъ у башкиръ совсѣмъ нѣтъ. А если и есть муллы, вполне понимающіе горькое положеніе башкирскаго духовенства, то они не находятъ сочувствія между своими единоплеменниками. Правда, такихъ муллъ мало, но они все-таки есть.

Теперь положимъ, что кто-нибудь, поучившись нѣсколько лѣтъ въ медресе, желаетъ получить званіе муллы. Онъ сначала долженъ угостить и расположить въ свою пользу жителей тѣхъ деревень, гдѣ онъ желаетъ быть муллою, потомъ задобрить всѣхъ служащихъ, начиная отъ муфтія, секретаря, казы (экзэменатора) и писарей. И тогда только, когда онъ угодилъ всѣмъ сильнымъ магометанскаго духовнаго собранія, ему даютъ указъ на званіе муллы. Башкиры привыкли смотрѣть на своихъ муллъ какъ на блюстителей общественнаго образованія. Мнѣнія муллъ имѣютъ большой вѣсъ въ глазахъ всѣхъ башкировъ. Если мулла честенъ и трудолюбивъ, башкиры считаютъ его святымъ.

Духовенство въ Башкиріи избавлено отъ всѣхъ государственныхъ повинностей; оно не получаетъ жалованья отъ правительства, а живетъ доходами съ своихъ приходовъ.

Самый главный доходъ башкирскаго духовенства во время праздниковъ Рамазанъ-байрамъ и Курбанъ-байрамъ, когда каждый башкирецъ даетъ муллѣ отъ 1 коп. до 3 руб. и болѣе. При томъ, во время послѣдняго праздника, каждый башкирецъ приноситъ Богу жертву, состоящую изъ овецъ, коровъ и быковъ, шкуры которыхъ отдають мулламъ. Сверхъ того, достаточные башкиры дарятъ имъ лошадей, халаты, хлѣбъ и проч.

Чтобы развить сколько-нибудь образование между башкирами и въ особенности дать имъ честныхъ, образованныхъ правителей и ремесленниковъ, русское правительство уже съ давнихъ вре-

мень посылало башкирскихъ дѣтей воспитываться на казенный счетъ въ Оренбургскій корпусъ, въ Казанскую гимназію и тамошній университетъ, исключительно по медицинскому факультету, въ фельдшерскую школу и бывшій баталіонъ военныхъ кантонистовъ—теперь военное училище. Да еще до 300 дѣтей посылали учиться въ столицы разнымъ ремесламъ. Въ недавнее время также стали учить башкировъ въ общественныхъ, приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Начиная даже соглашаться, что магометанская религія нисколько не препятствуетъ учрежденію женскихъ училищъ.

Кончившіе курсъ въ упомянутыхъ выше учебныхъ заведеніяхъ возвращались на родину, занимали тамъ мѣста чиновниковъ, дохода мало-по-малу до званія кантонныхъ начальниковъ.

Попечителей избирали обыкновенно изъ русскихъ. Обязанность попечителя заключалась въ надзорѣ за дѣйствіями кантонныхъ начальниковъ, ихъ помощниковъ и старшинъ. Но онъ почти не выѣзжалъ изъ города, гдѣ жилъ; только осенью ѣздилъ вмѣстѣ съ лекаремъ осматривать неспособныхъ къ службѣ.

Вообще, башкиры, мещеряки и тептяри, обитающіе на востокѣ Россіи, въ губерніяхъ Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской, въ числѣ болѣе 1,000,000 душъ обоюго пола, донынѣ имѣли военное устройство, въ видѣ особаго башкирскаго войска. Служебныя обязанности войска главнѣйшимъ образомъ заключались въ выставленіи особыхъ командъ, посылаемыхъ для работъ въ степныхъ укрѣпленіяхъ Оренбургскаго края; во время же большихъ войнъ, изъ башкиръ формировались полки. Такъ, въ послѣднюю восточную войну изъ нихъ было сформировано даже четыре пятисотенныхъ казачьихъ полка, которые и были высланы на вѣдѣнію службу. Но, при малой воинственности башкиръ, существованіе миллионнаго поселенія, преимущественно магометанъ и язычниковъ, въ составѣ особаго военнаго сословія, конечно не приносило никакой пользы; вслѣдствіе чего, еще въ году, правительство выразило мысль о необходимости по-
ло обратить башкиръ въ податное состояніе. Не смотря на
въ эта, до настоящаго времени не была приведена въ

исполненіе. Наконецъ, 14 мая 1863 г. Высочайше утверждено положеніе объ обращеніи башкирскаго войска въ гражданское вѣдомство.

Права ихъ уравнины съ прочими свободными сельскими обывателями и образовано общественное управленіе на основаніи Положенія 19 февраля 1861 г., конечно съ нѣкоторыми только измѣненіями, вслѣдствіе особеннаго положенія инородцевъ. Также какъ и у всѣхъ русскихъ крестьянъ мѣстное управленіе образуютъ волостной и сельскіе сходы, волостные старшины, волостные суды и сельскіе старосты; всѣ должности общественнаго управленія замѣщаются по выборамъ. Всѣхъ кантоновъ образовано 11, причемъ за основаніе принято уѣздное раздѣленіе, а именно, кантоны: оренбургскій, верхнеуральскій, тройцкій, челябинскій, краснофимскій, бирскій, мензелинскій, бугурусланскій, белебеевскій, уфимскій и стерлитамакскій.

7. Лѣтнія кочевья киргизовъ.

Для праздника, по случаю возвращенія путешественниковъ Сиверса и его спутниковъ, въ аулѣ мирнаго племени горныхъ киргизовъ былъ приготовленъ кумысъ и баранъ. Юрта на первой горѣ была уже наполнена мужчинами и женщинами. Гости были радушно угощаемы вареною и жареною бараниною, безъ хлѣба и соли и, конечно, безъ ложекъ и вилокъ; кушанье запивали крѣпкимъ кумысомъ. Двое мужчинъ играли довольно монотонно на сувусагѣ и кобызѣ; одинъ изъ этихъ инструментовъ есть родъ свирѣли; другой—родъ балалайки. Мужчины кололи барановъ и готовили кушанье; женщины не принимали участія въ пиршествѣ и занимались въ юртѣ другимъ дѣломъ: однѣ пряли веретенемъ и крутили руками верблюжью шерсть въ нити, между тѣмъ какъ другія были заняты убираніемъ своей головы, заплетали косы и украшали ихъ съ большимъ тщаніемъ. Незанятые мужчины щипали себѣ волосы изъ бороды. Киргизки, обыкновенно разодѣтыя и разукрашенныя, носятъ всегда кольца на трехъ первыхъ паль-

цахъ и постоянно находятъ за домашней работой, какъ невольницы мужей своихъ. Онѣ доятъ стада, готовятъ масло, сыръ и кумысъ; онѣ же сѣдлаютъ и кормятъ лошадей, строятъ юрты при перекочевкахъ, шьютъ мужчинамъ одежды, даже сапоги, и очень искусно вяжутъ и плетутъ тесьмы изъ верблюжьей шерсти, киргизъ же, между тѣмъ, — пьетъ, ѣстъ, спитъ, курить, загоняетъ стада, ѣздитъ на охоту и на грабежъ.

При вступленіи Сиверса въ аулъ, только что возвратились съ пастбищъ многочисленныя стада козъ, барановъ, лошадей, рогатаго скота и до 500 верблюдовъ; дѣвушки тотчасъ отправились доить ихъ. Гости (числомъ 36) были приглашены на вечерній пиръ. Слѣдующій день прошелъ также въ веселомъ пиршествѣ; было впрочемъ сдѣлано нѣсколько ботаническихъ прогулокъ и приготовленъ провіантъ для новаго путешествія на Зайсанъ. Сиверсъ приказалъ посолить нѣсколько пудовъ сыраго козьяго и бараньяго мяса, и потомъ разрѣзать его на тонкіе ломтики и повѣсить на солнце для сушенія. Въ тѣмъ онъ сдѣлалъ на свой счетъ праздничное угощеніе киргизамъ и тѣмъ самымъ приобрѣлъ, какъ самъ утверждаетъ, любовь всего семейства своего хозяина, Сарембета. Въ аулъ прибыла толпа незнакомыхъ киргизовъ для полученія *калыма* за молоденькую дѣвушку, высватанную одному изъ внуковъ Сарембета, 12-ти-лѣтнему мальчику. У киргизовъ родители уже заранѣе сговариваютъ своихъ дѣтей, принимая въ расчетъ взаимное богатство; если случится, что женихъ умретъ, право его переходитъ на ближайшаго его родственника, если же и этотъ умретъ, то *калымъ* возвращается назадъ. *Калымъ* этотъ, исключая самыхъ бѣдныхъ, равняется обыкновенно отъ 150 до 1,000 р. асс. и состоитъ изъ нѣкотораго числа кобылъ и другихъ животныхъ. Невѣста взымаетъ того выносить за собою въ приданое полную войлочную юрту, также постели, платья, ящики, золотыя и серебряныя украшенія, кораллы, жемчугъ и т. п., на сумму часто равную самому *калыму*. Женихъ и невѣста не видятся предварительно, и все ихъ счастье зависитъ отъ сватовъ; не смотря на то, супружества ихъ бываютъ вообще довольно счастливы. Ссоры между мужемъ и женой

очень рѣдки, но происходятъ часто при многоженствѣ между женами. Вдова сохраняетъ по мужѣ трауръ цѣлый годъ. 16 іюля, султанъ Сарембетъ перекочевалъ на два часа пути далѣе на значную долину р. Бугаса съ 40 навьюченными верблюдами и тысячами головъ разнаго скота. Мужчины, женщины, дѣвушки, дѣти, ѣхали верхомъ въ праздничной одеждѣ. Даже верховыя лошади были наряжены по праздничному, вьючные верблюды были обвѣшаны бухарскими коврами, или пестрыми киргизскими войлоками; на нихъ лежали небольшія перекладины съ позвонками. Весь этотъ веселый поѣздъ, двигавшійся по зеленому и мѣстами скалистому скату, представлялъ очень живую картину. Одна богатая вдова, бывшая уже четыре мѣсяца въ траурѣ, слѣдовала за поѣздомъ также въ пышномъ убранствѣ, но вся она была закутана въ длинный, черный, бархатный плащъ; подлѣ нея ѣхалъ мальчикъ, державшій въ рукахъ маленькое треугольное черное знамя. Въ продолженіе дороги она нараспѣвъ говорила надгробную рѣчь, которой вторили сопутствовавшія ей и окружавшія ее три подруги. Поѣздъ достигъ до новой горы; мгновенно отдѣлилось каждое семейство другъ отъ друга и черезъ полтора часа было поставлено полукругомъ десять юртъ, въ срединѣ которыхъ находились палатки Сарембета и Сиверса. Мужчины заботились о стадахъ своихъ, собирая и раздѣляя ихъ по принадлежности, связывая жеребятъ въ ряды, одною длинною веревкой. Женщины, между тѣмъ, строили юрты, сначала скрѣпивъ старательно плетенки изъ тонкихъ прутьевъ (терегі), ставили, укрѣпляли ихъ и обвѣшивали войлокомъ. Вслѣдъ за постройкой одна женщина родила ребенка; черезъ два дня Сиверсъ видѣлъ ее уже за работою; она получила въ подарокъ: отъ проводника три куска бархату, отъ Сиверса фунтъ табаку. Въ благодарность за то принесла она въ палатку путешественнику свѣжее козье масло и *еремчикъ*—родъ сладкаго творога, мѣстное лакомство, подаваемое изъ вѣжливости исключительно гостямъ. Кислый сыръ (куртъ) составляетъ главную пищу киргизовъ. На верховьѣ Бугаса было приготовлено большое угощеніе для сватовъ. Къ обѣду (18 іюля) были заколоты жеребецъ и два барана на 60 гостей, которые,

расположившись вокругъ, курили табакъ, пили кумысъ и громко болтали. Посреди юрты патриарха Сарембета поставленъ былъ напитокъ въ четырехугольномъ деревянномъ чанѣ, украшенномъ сверху, подобно цвѣточному горшку, пластинками лосиннаго рога, прибитыми гвоздиками изъ желтой мѣди. Двое молодыхъ людей разносили гостямъ опьяняющее питье въ деревянныхъ чашахъ. Одинъ изъ домашнихъ наполнялъ чаши до краевъ; у дверей юрты стояла тетка хозяйна, и полными руками бросала гостямъ куски еремчика во всѣ стороны, съ большою ловкостью. Даже и малѣйшій кусокъ не былъ потерянъ. Только черезъ полтора часа было принесено приготовленное кушанье. Сначала подали разрѣзанную лошадиную голову на деревянномъ блюдѣ: это было почетное кушанье, приготовленное только на долю старшихъ и знатныхъ. Затѣмъ послѣдовали остальные части лошади. Женщинамъ, сидѣвшимъ передъ юртою, было посылаемо кушанье; только 80-лѣтняя жена Сарембета сидѣла позади своего господина и ѣла вмѣстѣ съ нимъ въ одной юртѣ; подлѣ нея сидѣла еще одна родственница. Что же касается до мужчинъ, то они обѣдали въ юртѣ всѣ вмѣстѣ, т. е. хозяева, слуги и невольники; и только женихъ, слѣдуя принятому обычаю, не показывался. Послѣ обѣда всѣ умылись, пробормотали молитву (по-магометански) и закурили трубки. Вечеромъ собралась въ одной юртѣ вокругъ огня толпа дѣвушекъ и женщинъ; онѣ пѣли хвалебную пѣсню въ честь жиниха, а пятнадцать мужчинъ такую же въ честь невѣсты и супружества, въ продолженіе чего одинъ изъ присутствовавшихъ неутомимо проповѣдовалъ нараспѣвъ о вѣчной жизни. Одна изъ дѣвушекъ представляла невѣсту, а одинъ изъ молодыхъ людей — жениха. Въ юртѣ не должно было быть ни одного посторонняго мужчины, а потому Сиверсъ съ своими товарищами принужденъ былъ выйти вонъ, иначе бы дѣвушки разсѣялись и церемонія разстроилась. Пѣсни продолжались цѣлую ночь и тѣмъ зачлючилось пиршество того дня. На слѣдующій день (19 іюля) происходилъ уговоръ сватовъ; послѣ многихъ споровъ, отецъ жениха обязался дать за вѣсту 70 лошадей, цѣною на 600 рублей; 20 іюля сваты удались, оставя 30 кобылъ до совершенія настоящей свадьбы. Это

празднество, съ огнями и пѣснями, напоминало древніе патріархальныя нравы, а не было слѣдствіемъ магометанскаго ученія; оно доказывало, что и киргизы, извѣстные на границахъ за дикарей и разбойниковъ, въ своемъ отечествѣ имѣютъ священные обряды, и жизнь ихъ не лишена поэтическихъ минутъ. Слѣдующія черты взяты изъ ихъ вседневной жизни. Въ каждую киргизскую юрту можетъ войти гость и распоряжаться какъ въ своей собственной; если онъ поподчуеъ киргизовъ табакомъ, то считается превосходнымъ человѣкомъ и можетъ пить кумысъ сколько ему угодно. Если гость ѣсть вмѣстѣ съ киргизами безъ ложекъ и вилокъ, по ихъ обычаю и сверхъ того платитъ: за барана какое-нибудь зеркальце, или пару бритвъ и т. п., то его повсюду называютъ *торе* (т. е. султанъ), или *батмыкъ* (т. е. владѣтель); его подхватываютъ, по обычаю страны, подъ руки, когда онъ хочетъ садиться на лошадь или слѣзть съ нее. Даже дикій и хищный киргизъ китайско-русскихъ границъ, какъ замѣчаетъ Сиверсъ, дѣлается здѣсь подобнымъ послушному ребенку, и у него проявляются многія трогательныя черты глубокаго чувства. Но, конечно, киргизъ, подобно дикимъ звѣрямъ, съ которыми онъ живетъ въ степи, всегда слѣдуетъ своему природному инстинкту. Какъ они, хочетъ онъ быть свободнымъ; съ собственнымъ *торе* (султаномъ) бѣднѣйшій изъ нихъ мало церемонится; садится спокойно подлѣ него, курая свою трубку. Если тотъ получаетъ подарокъ, этотъ требуетъ также своей части и вырываетъ ее у него изъ рукъ. Если встрѣтитъ сопротивленіе, то приходитъ въ бѣшенство, но черезъ минуту опять становится лучшимъ другомъ. Кротостью и подарками можно пріобрѣсти въ нихъ вѣрнѣйшихъ слугъ; справедливымъ обхожденіемъ — лучшихъ защитниковъ въ величайшей нуждѣ. Многочисленныя стада составляютъ ихъ благосостояніе: для пріобрѣтенія ихъ выходитъ киргизъ, не задумавшись, на грабежъ для защиты ихъ собираетъ онъ на каждый вечеръ стада около своей юрты и объѣзжаетъ ихъ съ пикою въ рукѣ, заботясь цѣлую ночь въ сопровожденіи своихъ собакъ о безопасности стада. Нерѣдко приходится ему поднимать крикъ для устрашенія волковъ, не смотря на то, что овцы часто бываютъ похищены. Потерю

вознаграждаетъ онъ охотно грабежемъ, а потому сосѣди не имѣютъ къ киргизу никакого довѣрія, а русскіе постоянно повторяютъ: «берегись киргизовъ!» Китайцамъ же всегда приходится поплачиваться передъ киргизами, для того, чтобы удержать ихъ за собою и чтобы хвастать своимъ владычествомъ надъ ними. Киргизъ очень суевѣренъ въ болѣзняхъ; привлекательнѣйшая же сторона его есть любовь къ своему семейству, доброжелательство къ родственникамъ и радушный пріемъ ихъ при свиданіи, при чемъ нерѣдко выражается радостными слезами. Это добродушіе дикаго сына природы и его грубое вѣрованіе въ невидимую силу, его рвеніе въ исполненіи молитвы, предписываемой заповѣдью ислама, хотя она совершается только при восходѣ и закатѣ солнца, или на могилахъ предковъ въ пустынной степи, выражаясь тихимъ шопотомъ, складываніемъ рукъ, глаженіемъ бороды и пр.; присоединеніе нынѣшнихъ могилъ къ древнимъ чудскимъ могиламъ, поминки по покойникамъ (называемые *аша*) и т. д. показываютъ, вмѣстѣ съ туземнымъ патріархальнымъ родомъ жизни и началами земледѣлія, способность этихъ необузданныхъ дикарей къ цивилизаціи. Киргизы, по замѣчанію Сиверса, по крайней мѣрѣ здѣсь, еще не пристрастились къ водкѣ и вину, которымъ предалась большая часть туземцевъ, находящихся въ сношеніяхъ съ русскими сибиряками. Также и ужасныя послѣдствія, сопровождающія невоздержаніе и влекущія за собою порчу туземцевъ, каковы напр. чахотка, оспа и др., до сихъ поръ еще не показывались здѣсь. Киргизы имѣютъ страсть только къ кумысу; но при простомъ приготовленіи этого цѣлебнаго и холоднаго, хотя опьяняющаго напитка изъ кобыльаго молока, онъ мало раздражаетъ и слабѣе дѣйствуетъ на ихъ организмъ. Торговля сношенія ихъ съ сосѣдями до сихъ поръ ограничиваются мѣною; монеты у нихъ нѣтъ и торговые ихъ обороты походятъ болѣе на хитрое и недовѣрчивое, нежели на честное занятіе; при этомъ нерѣдко европеецъ теряетъ всякое терпѣніе отъ постоянныхъ перемѣнъ въ результатѣ. Страсть къ воровству, т. е. преимущественно къ конскрадству, имѣютъ всѣ киргизы, а потому эти самыя гостепріимныя племена грабятъ караваны (особенно около Бухтирминска, Аблай-

кита и еще болѣе въ земляхъ Большой и малой Орды, нежели Средней). Роздыхи каравановъ и безпрестанныя перекочевки облегчаютъ имъ это ремесло, тѣмъ болѣе, что они часто переходятъ въ подданство то одного, то другаго изъ своихъ сосѣдей. Но нынѣ уже приближается эпоха ихъ ослабленія и переходы къ осѣдлости. Такъ изъ свѣдѣній, собранныхъ Мейеромъ, слѣдуетъ, что нынѣ, когда въ китайскихъ областяхъ между киргизами еще сохранилась древняя хищническая жизнь, многія свободныя племена добровольно покорялись русскому владычеству. Вѣроятно, этому примѣру послѣдуютъ и другія киргизскія племена; до сихъ же поръ главнымъ препятствіемъ къ образованію киргизовъ была зависть китайскаго правительства къ взаимнымъ отношеніямъ пограничныхъ народовъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА.

КАВКАЗЪ.

	СТР.
1. Историческій очеркъ	1
2. Вершины и проходы (по Риттеру)	13
3. Природа и человѣкъ на Кавказѣ	22
4. Черкесы	35
5. Общественный бытъ чеченцевъ	45
6. Абхазъ въ семьѣ	51
7. Джигитовка	52
8. Абрекъ	54
9. Женщины въ Дагестанѣ	55
10. Грузины	59
11. Армяне	} (Извлеч. изъ статей Лядова) 64
12. Огнепоклонники	
13. Пятигорскъ	74
14. Тифлисъ	85

УРАЛЪ.

1. Уральскія горы	94
2. Золотыя россыпи на Уралѣ. (Шуровскаго)	107
3. Поѣздка въ Илецкую-Защиту. (Изъ ст. Бабста)	118
4. Рыболовство на Уралѣ. (Небольсина)	124
5. Очеркъ изъ быта уральскихъ казаковъ. (Изъ ст. Желѣзнова)	114
6. Башкиры. (Изъ ст. Назарова)	167
7. Лѣтнія кочевья киргизовъ. (Изъ пут. Сиверса)	179